

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13

Выпуск 2

2012

Июнь

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

АФРИКАНИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

- Alshinawi A. Malta — Russia. On the Diplomacy of EU's Small States* 3
- Старовойтова Е. О. 1881–1905 годы в истории российско-китайских отношений*..... 10

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Кутафьева Н. В. Составные глаголы с имплицитным значением количества в японском языке*..... 18
- Матушкина Н. А. К вопросу о категории номинализации действия в агглютинативных языках*..... 28
- Смирнова М. О. История формирования тибетской лингвистической традиции ...* 34
- Ульмезова Л. М. О термине «сослагательное наклонение» в тюркских языках (на примере карачаево-балкарского и турецкого языков)* 42

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Алексеев К. В., Гроховский П. Л., Сизова А. А., Смирнова М. О., Туранская А. А., Ямпольская Н. В., Яхонтова Н. С. Типология и способы перевода буддийской терминологии (на материале интерактивной базы данных «Буддийская терминология монгольских переводных сочинений»)* 47



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2012

<i>Врадий С. Ю.</i> «Карта России (Агук Ёджидо)» — первое корейское описание Приморья. Часть 2	60
<i>Илюшина М. Ю.</i> «Божественные касыды...» султана аль-Гури	68
<i>Мыльникова Ю. С.</i> «Фунюй ши яньцзю»: историографический обзор жанра	76
<i>Тептюк П. С.</i> Две рукописи макама ал-‘Аббаса (XVI век)	85

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Завьялова О. Ю.</i> Этнопсихологические характеристики и система ценностей народов манден (анализ устной традиции)	90
<i>Ляхович А. В.</i> Поэзия как фактор политической жизни у хауса	96

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Борисова А. А.</i> Японские традиционные искусства и действия изомото в период Мэйдзи (1868–1912)	102
<i>Редькин О. И.</i> Арабская письменность: до или после ислама?	108
<i>Рыбаков В. М.</i> Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 2	117
<i>Семенова В. Н.</i> Эфиопская сакральная живопись второй половины XX века: возможные перспективы исследования	125

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Герасимов И. В.</i> Рецензия на статью: Freitag U., Gershoni I. The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. Heft 3 Juli — September 2011. “Arab Encounters with Fascist Propaganda 1933–1945”. 2011. 37 Jahrgang. S.311–331	132
---	-----

IN MEMORIAM

Памяти профессора Юрия Ашотовича Петросяна (1930–2011)	136
Академик М. Н. Боголюбов — учитель, наставник, друг	139
Аннотации	141
Abstracts	146
Сведения об авторах	150
Contents	152

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 327

A. Alshinawi

MALTA — RUSSIA. ON THE DIPLOMACY OF EU'S SMALL STATES

Introduction

Many of the countries that have during the past decade joined the EU with its federal/confederal basis are small countries in Europe that have recently become independent states as a result of the dissolution of federations or decolonization, and the break up of the Soviet Union. Malta became a member of the EU in 2004, a few decades after being granted independence and becoming a sovereign nation within the British Commonwealth in 1964 and after the termination of the military base agreement with Britain and the removal of British forces from the island in 1979.

Since 1962, in Malta's political system of parliamentary democracy, the Maltese electorate has consistently voted in general elections held every five years in two dominant political parties that in effect brought about a two-party government system¹. A Labour party that ruled Malta during the Cold War period in the 1970s and 1980s, espousing socialist, Mediterranean politics and non-aligned stance, mostly perceived by the West as pro-Libyan, pro-Eastern (and anti-West); and a Nationalist party, of Christian Democrats, in power since 1987, that has been furthering Malta's European values and guiding the Island into the EU and Partnership for Peace (PfP)². There has been a certain shift in the island's external relations, military alliance, trade and collaboration from the East to the West³.

However, despite apparent changes in local politics and in the international system, the government in Malta for its dealings with country like Russia remained committed to

¹ The House of Representatives in Malta has 65 members, elected for a five-year term. The government is appointed by parliamentary representatives, exercised by delegation to an executive ministry and subject to ongoing reviews, checks and balances by the legislative parliament elected by the people.

² The PfP, a political-military programme with the declared aim of creating trust between NATO and other states in Europe and the former Soviet Union, was first proposed as an American initiative at the meeting of the North Atlantic Treaty Organisation (NATO) defense ministers in Germany on 20–21 October 1993, and was formally launched on 10–11 January 1994 NATO summit in Brussels.

³ The Times of Malta, various editions.

© A. Alshinawi, 2012

maintaining a largely 'friendly pragmatist' approach. Most policy makers and practitioners in Malta agree that EU membership in 2004 brought no great geopolitical and military advantages or disadvantages for its bilateral relations with Russia, amid clear signs of the lack of success on the part of the EU to agree on a common foreign policy toward Russia, which allowed for some more leverage for the Kremlin.

Russia, an immediate neighbour of the EU, has been a major world power in modern history. The problems as well as the opportunities in the EU-Russia relations, particularly in the area of security and defence, notably for small states, are significant in IR. However, there is a striking lack of literature that specifically deals with the interaction between Malta and Russia and its implications for the CFSP. The only source of some relevant information were the non-confidential and unclassified documents, and personal communications with officials, from the Ministry of Foreign Affairs of Malta, the Maltese mission in Moscow and the Embassy of the Russian Federation in Malta.

The specific aim of this article is to review the bilateral relations between Malta and Russia in the context of the CFSP, by taking into consideration a number of pertinent historical, geopolitical and geo-economic realities of the political economy of a country like Malta, which determine the challenges and opportunities for the development of its external relations and foreign policy. It examines small states diplomacy in terms of IR theory, and looks at the position shaped and dominated by practitioners of Malta's specific foreign policies, which can provide relevant and important insights.

Theoretical and Analytical Background

Malta has demonstrated its role within the international community as a viable and active partner. However, one must remember that the political economy of Malta remains highly dependent on developments beyond its own borders, as one of the small countries that 'tend to be inherently prone to exogenous shocks over which they can exercise very little control, if any' [1, p. 11]. Any appraisal of the determinants of foreign policy of Malta must concern itself with what is called the 'level of analysis' problem, which is at the heart of the debates in IR theory about agency and structure⁴.

At the state-level analysis, the political system, foreign policy and discourse in Malta have been dominated by the two major parties⁵. The 'island's politics has been dominated by the Nationalist and Labour parties, each of which has strongly influenced the economic and social structure of the Maltese society' [2, p. 262]. Between these two major local political forces, in the 'immediate pre- and post-independence period,' as a leading local economist pointed out, there has seen a 'hardening polarization' [3]. An apparent polarization, throughout the past five decades, in terms of ideology and policy preferences, in foreign policy, external trade and in the role of the state (or government) in the economy [4, 5].

At the international level-of-analysis, Malta's central location in the middle of the Mediterranean, sixty miles south of Italy and two hundred miles north of Libya, long has defined its geo-political significance, and importance to the stability and security in the region and

⁴ The *individual*, *state* (or, society) and the *international system* are the (three) widely accepted *level of analysis*, as levels of generalization (or abstraction) frequently applied to the study of world politics. They were amended by radical scholars like Marx and Lenin to account for economic problems by focusing on the *class*, while more recent, alternative approaches have emphasized *text*.

⁵ The Times of Malta, various editions.

along the southern frontiers of the EU, particularly in recent years with the deepening of the North-South schism, the severity of political-economic upheavals and the rise of religious fundamentalism

However, Malta's location has traditionally been 'remote from the centres of European prosperity' [4, p. 467]. It 'always had a history closely [linked] with that of great powerful nations' [6, p. ix]. Malta, in international relations, as Calleja pointed out, is as an 'example par excellence' of a 'weak and penetrated state' that 'ride[s] on the coat tails of larger states,' belonging to the category of 'dependent states'.

Writers, in conventional economic analyses, with the 'Small Islands' or 'micro-states' paradigm in mind, assessed strategies of socio-economic development in Malta in terms of the internal factors inherent in this 'particular' kind of geography [7]⁶. For many analysts, the underlying theoretical framework for any assessment of Malta's foreign policy is a 'small state' approach. They explored the impact of the EU membership negotiations of Malta (and Cyprus) both on the EU itself and on the small states involved from a comparative and 'small state' perspective [8, p. 462]⁷.

In IR theory, about small states and their diplomacy, the focus is particularly on the English School, which does indeed provide considerable insight into small states, external relations and related foreign policy strategies. It shows how the foreign policy agendas and the related actions of many if not most small states push a certain broader agenda that focuses on International Law, international institutions, and the preference of diplomacy; this agenda is consistent with a development towards the 'Anarchical Society' that is at the centre of Rationalist theory, a key tradition in IR theory, as advanced among others by Hedley Bull and Martin Wight. In addition to the perspective of the discipline of IR, valuable insights into small states diplomacy can come from the practitioner's point-of-view on the conditions that determine the direction, tools and strategies available to small states.

Malta, Russia and CFSP

Diplomatic relations between independent Malta and the Soviet Union were formally established in 1967 during the Nationalist Party's rule. Before that, relations between Malta and the Russians, known for their historical interest in gaining access to the Mediterranean sea, emerged much earlier in time. The special connection between the Knights of Malta and the crown of Russia and the Russian Hospitaller tradition of St John within the Russian Empire are centuries old. As far back as 1698, Peter the Great sent a delegation to Malta under Field Marshal Sheremetev to observe the training and abilities of the Knights of Malta and their fleet.

With the Labour Party in power, between 1971 and 1987, relations between Malta and the Soviet Union were gradually strengthened through commercial ties, and the conclusion of bilateral agreements in areas relevant to this purpose like Merchant Shipping, Air Services and a number of Trade Protocols. Malta officially opened an Embassy in Moscow in 1982. With

⁶ One of the institutes based at the University of Malta is the Islands & Small States Institute, which evolved from the Islands and Small States Programme set up in 1989 at the Foundation for International Studies, Valletta. In 1993, the Programme was restructured as an Institute that promotes research and training on economic, social, cultural, ecological and geographical aspects of islands and small states, and offers postgraduate courses on islands and small states studies.

⁷ See also [9, 10].

the Labour Party in power, Malta and the Soviet Union, in 1981, concluded an agreement providing that in case of situations that 'create a threat to peace and security or the violation of international peace', the two countries will 'coordinate their positions in order to remove the threat or to establish peace.' There were reports of the infiltration by Soviet elements in the General Workers Union (GWU) of Malta, probably the cornerstone of the Soviet influence on the Island in that period. There was also the birth of a Communist party, with several left-leaning politicians that failed to gain much support⁸.

The Labour government of Malta has sought to move, to a certain degree, closer towards the USSR with the intention of creating a balance vis-à-vis other encroaching powers, and acquire Soviet support for high-priority national goals, notably in 1964 (for independence); in 1974 (within CSCE, to consolidate security in the Mediterranean); and in 1981 (to secure neutrality).

It was during the time of Nationalist administration, following the victory in the general elections of 1987, when Malta, possibly due to its strategic location, where East meets West and North connects with South (at least from a European perspective), along with a long history of domination by foreign powers, was symbolically chosen for the US-Russia Summit in December 1989. On board the Soviet cruise ship Maxim Gorky, in Marsaxlokk Harbour, Bush and Gorbachev had their meetings, just a few weeks after the fall of the Berlin Wall. This was undoubtedly one of the principal highlights of the Island's standing on the world stage.

The Nationalist government, following the disintegration of the Soviet Union, extended official recognition to the Russian Federation as an independent and sovereign state in December 1991. Before that, in November 1990, a Russian Cultural Centre was inaugurated in Valletta. Exchange of high-level bilateral visits by government officials continued, notably the visit of Malta's Prime Minister to St. Petersburg in May 2003 to participate in the EU-Russia Summit. In April 2007, Foreign Minister Michael Frendo met his Russian counterpart Sergey Lavrov at the margins of the General Affairs & External Relations Council (GAERC) meeting in Luxembourg, where they discussed among other things how to improve cooperation on a number of bilateral issues.

In June 2008, Alexander Grushko, Deputy Minister of Foreign Affairs responsible for European Affairs, visited Malta for talks with the Nationalist government on bilateral and international topics. During the meeting with Tonio Borg, Deputy Prime Minister and Minister of Foreign Affairs, Grushko referred to EU-Russia relations, stating that Russia wanted to build a strong partnership with the EU and wanted to further develop relations with it, even in the context of the new EU-Russia agreement. Tonio Borg, in the first visit by a Maltese Foreign Minister to Russia in the last 20 years, discussed with Sergey Lavrov in Moscow in November 2009 the most salient bilateral issues as both sides expressed a clear willingness to work together to strengthen ties and enhance relations. The Maltese Consulate in Moscow was officially inaugurated as part of this official visit⁹.

In Malta, a country dependent of tourism, tourist arrivals from Russia in 2008 reached 23,412, an increase of almost 7,000 since 2005. In a country that promotes itself as a centre for teaching English language to foreigners, an increasing number of Russians are coming to take English language courses in various levels in Malta's International Language Schools. Currently, there are 307 companies registered in Malta under Russian ownership, and exports

⁸ The Times of Malta, various editions.

⁹ The Malta Independent and The Times of Malta, various editions.

to the Russian market amount to EUR 2 millions a year, with pharmaceutical and plastic related products as major exports¹⁰.

Malta, under the Nationalist government, joined the PfP in April 1995, but the Labour party withdrew it in October 1996, before the Nationalists decided to reactivate the membership in March 2008, which was accepted by NATO at the summit in Bucharest on April 3, 2008¹¹. After joining the EU in 2004, within the framework of the CFSP, which deals with a specific part of the EU's external relations, mainly security and defence diplomacy and actions, Malta, like every Member State, is an equal party to all policy initiatives and activities, as a fully qualified and functional part of the whole the EU, which acts as a unified bloc. However, the decision-making mechanisms and the relevant institutional settings of CFSP have certainly become influenced by the expansion of the EU, which created wide-ranging implications for common foreign policy on security issues. Small states in the EU, as a result of its enlargement, are today in the majority (and the number of small states has dramatically increased following the end of communism in central and Eastern Europe, and the collapse of the Soviet Union). With active abstentionism, and prominence of national perspectives, interests and requirements, CFSP, till now, has had little success in creating a common approach to foreign and security policy¹².

For the government in Malta further development of the CFSP, with all its different elements, remains a priority but when it comes to the formulation and implementation of a common policy, many Maltese politicians and policy makers are aware that the government must often take into consideration the opinions and positions of all other Member States, and be prepared for compromises. Considering Malta's limited political-economic resources and military capacities, as well as all the fields of activity involved in European integration and coordination, it is understandable that the country cannot contribute to, and participate in, all of the CFSP themes on an equal level. Malta's overall declared priorities, which have been spelled out in the Government's EU policy guidelines, remain mostly limited to the increasing of the EU's effectiveness in reducing security risks in the world; the enhancing of security in the immediate neighbourhood of the EU; and the promotion of social development based upon a market economy, economic growth, good governance and democratic principles.

Local state managers seem aware that regardless of Malta's membership of the EU, in case of any conflict, both in the European Continent as well as in the Mediterranean Region, as history has shown, Malta would still get involved, in one way or another. Even if Malta could still not take part in any military operations in a perceived conflict that European Powers would be taking part in, it would still benefit from taking part in the decision-making regarding that same conflict; act as a mediator and a peace broker between the EU and a third country, and have the protection of a strong defence structure.

In general terms, Malta, in its relations with the Russian Federation, could be well described — in line with Leonard & Popescu categorisation, in their article for ECFR in November 2007, entitled 'A Power Audit of EU-Russia Relations' — as a 'Friendly Pragmatist'. It maintains a close relationship with Russia and tends to put its business interests above political goals; though a small state that is rarely capable of setting the EU agenda, mostly

¹⁰ National Accounts of the Maltese Islands, various years.

¹¹ The Labour party won the elections in 1996 and Malta's application to join the EU was 'frozen' in 1997. In 1998, following a vote of no-confidence in parliament, the Labour Prime Minister called for early elections, which brought the Nationalist party back in power.

¹² The Malta Independent and The Times of Malta, various editions.

following the mainstream policy largely shaped by powerful member states like Germany and France, Malta has shown reluctance to confront Russia on politically sensitive issues; while not really an active promoter of Russian interests within the EU system, it tends to oppose actions which it fears might irritate Moscow, and focuses on advancing pragmatic, national business interests, as it seeks to take advantage of the opportunities offered by Russia's economic growth, and attract a growing number of Russian tourists and language students.

It seems that the thrust and nature of Maltese diplomacy in the conduct of international relations clearly put a higher premium on persuasion and consensus building than on power play, which is a common characteristic of small states. Malta's international status is significantly shaped by the Constitution of Malta's detailed definition of three elements: it is a neutral state; adheres to policy of non-alignment; and refuses to participate in any military alliance. The text of the relevant articles of the Constitution is an exact reproduction of *Article 1* of the Treaty of Neutrality signed with Italy in 1980. Italy, a member of NATO, not only guarantees the island's neutrality but also its overall security.

Following more recent transformations in world politics, and the changing of the source and form of potential threats to the security of Malta and Europe in a post-Cold War world order, the scope, meaning and interpretation of 'Neutrality' (and Non-Alignment) have undoubtedly acquired new dimensions. For Malta, some argue, it might be problematic in the military sense to remain neutral unless, like other neutral states such as Switzerland and Sweden, develop a strong defense capacity, but that is undoubtedly difficult given its internal political history and limited human resources, economic and financial capabilities.

Moreover, a known reality for the power elite of Malta is the island's geo-economic vulnerability. Malta covers just over 300 sq km (120 sq mi) in land area with nearly 420 thousands inhabitants, making it one of the world's smallest and most densely populated countries. It has no natural resources. Malta, in a broad context, must maintain a high degree of interdependence within the international economy to prosper or, some would argue, to survive [11]. It is evident that the fundamental guidelines of Malta's diplomacy and foreign policy are also shaped by the keen interest in international trade and by the requirements of the dependence within the global division of labour on other countries to produce most of the goods and services needed to sustain the welfare of the Maltese population.

Concluding Notes

For Malta, there were changes in the national level of analysis, from what has been described as pro-East to what has been identified as pro-West, while becoming a member of the EU. The strategic location of Malta in an international system undergoing remarkable transformations, including the collapse of the USSR, the rise of international terrorism and the emergence of new security issues and political discourses, brought about a series of debates on the neutrality of the island.

However, the dominant political forces in Malta since independence showed no intention of making any attempt to bring about any significant change in the country's relations with a powerful country like Russia. The government in Malta, under the Labour Party and the Nationalist Party, has sought to adopt a pragmatist position in its relations with the Soviet Union and the Russian Federation, largely focussing on securing its national, political and economic interests. Moreover, there is little doubt that the government could witness that the EU still

needs to show more unity around a common approach to Russia, one that reflects the EU's long-term strategic interests as a prominent political-economic bloc.

In any analyses of the relations between Malta and Russia (and the impact on CFSP), a review of IR theory, and practitioners' opinion and attitude, demonstrate how significant are interrelated historical, geo-political and geo-economic realities. What matters, it seems, as the source of explanation for Malta's relations with Russia, a powerful country to which the EU is still far from having a cohesive-collective policy, are considerations found in 'traditional' geopolitics, and in the interest in safeguarding a certain form of neutrality, while maintaining the international interdependence of the Maltese economy.

The dynamics of bilateral relations between Malta and Russia in the context of the CFSP, as a case study, appears to lend support to the argument that the underlying theoretical framework for any assessment of Malta's foreign policy is a 'Small State' approach. It is a reminder of the primacy in international relations of forces of 'continuity' relevant to those of 'change'.

References

1. *Briguglio L.* et al. *Small States and the Pillars of Economic Resilience of Small States*. London: Islands and Small States Institute, University of Malta and Commonwealth Secretariat, 2008.
2. *Findlay R., Wellisz S.* *Malta // The Political Economy of Poverty, Equity, and Growth: Five Small Open Economies* / ed. by R. Findlay, S. Wellisz. New York: Oxford University Press, 1993. (chap. 6: 256–92).
3. *Briguglio L.* *Encyclopædia Britannica*. Malta, 2009.
4. *Dowdall J.* *The Political Economy of Malta // The Round Table*. 1972. Vol. 62, Iss. 248. P. 465–473.
5. *Delia E. P.* *Papers on Malta's Political Economy*. Malta: Midsea Books Ltd., 2006.
6. *Metwally M. M.* *Structure and Performance of the Maltese Economy*. Malta: A. C. Aquilina, 1977.
7. *Competing Strategies of Socio-economic Development for Small Islands* / ed. by G. Baldacchino, R. Greenwood. Charlottetown: Institute of Island Studies, University of Prince Edward Island, 1998.
8. (Pace 2009)
9. *Pace R.* *Malta and the World Trade Organisation: A Small State Perspective // Xuereb P. G. Challenges of Change*. EDRC, 2000. P. 221–243.
10. *Pace R.* *A Small State and the European Union: Malta's EU Accession Experience // South European Society & Politics*. 2002. Vol. 7, N 1. Summer. P. 24–42(19).
11. *Briguglio L.* 1995, *Small Island States and their Economic Vulnerabilities // World Development*. 1995. Vol. 23(9). P. 1615–1632.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

Е. О. Старовойтова

1881–1905 ГОДЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В конце XIX в. сформировалась обширная область соприкосновения стратегических и геополитических интересов Российской и Цинской империй — российский Дальний Восток и Северо-Восток Китая. Рассматриваемый период в отношениях между странами представляет особую важность, так как лишь после подписания Санкт-Петербургского договора 1881 г. фактически завершилось пограничное размежевание между двумя сторонами. К этому времени правительство Российской Империи перешло к активной внешней политике на Дальнем Востоке, пытаясь найти пути решения проблем, возникших на российской стороне этих земель. В свою очередь, цинское правительство также изменило политику в отношении России. Стремясь восстановиться после поражения в Опиумных войнах и стремясь ограничить влияние Запада, Китай к концу XIX в. меняет внешнеполитический курс на более прагматичный.

Тогда же Восточная Азия становится областью столкновения стратегических интересов крупнейших капиталистических держав мира, таких как Англия, Германия, Франция, США, а также Японии в борьбе за раздел сфер влияния.

Не удивительно, что и сегодня данные события представляют интерес для китайских исследователей. Об этом свидетельствует большое количество работ, выпущенных за последние несколько лет в КНР: монографии, научные статьи, диссертации. А вот интерес российских исследователей к вышеупомянутым событиям в последние годы постепенно угасает, что не может не вызывать сожаления.

Несмотря на то что дипломатическая история отношений между Российской и Цинской империями в рассматриваемый период изучена советскими и российскими учеными относительно полно, сегодня ощущается необходимость переосмысления тех или иных событий и их последствий. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что в работах современных китайских исследователей встречаются порой абсолютно противоположные оценки характера взаимоотношений между двумя странами в указанный период. Одни ученые, например специалист из Хунаньского педагогического университета Лю Лэй (刘垒), и сегодня утверждают, что с конца 1880-х гг. Царская Россия в соответствии со своими стратегическими интересами, пользуясь активной слабостью Китая, постепенно укрепляла позиции на Северо-Востоке Китая, в то время как правительство Цин, действуя согласно идеям Ли Хунчжана (李鸿璋)¹, лишь «зарывало голову в песок» (*Янь эр дао лин* 掩耳盗铃) [1, с. 32]. Другие же, например профессор исторического факультета Пекинского университета Сюй Ваньминь (徐万民), полагают, что «усилия Ли Хунчжана и Витте полностью соответствовали государственным интересам обеих стран» [2, с. 248].

¹ Выдающийся государственный деятель и дипломат позднецинского Китая.

© Е. О. Старовойтова, 2012

Причиной наличия столь принципиальных различий в оценках одного и того же, довольно непродолжительного, периода 400-летней истории российско-китайских отношений является, на наш взгляд, то, что именно в конце XIX — начале XX в. оба государства столкнулись с вызовом, брошенным им изменяющимся миропорядком, и были вынуждены искать способы ответить на этот вызов.

Поиск адекватных изменяющимся геополитическим условиям путей развития правительствами обеих империй был осложнен противоречиями в правящих кругах России, представители которых зачастую ложно понимали свои национальные интересы, а также «наивностью» правящей элиты позднецинского Китая, которая не осознавала отсталости своего государства и невозможности заключения союзов с колониальными державами на равных условиях.

Видимо, можно предположить, что в конце XIX в. у Царской России не существовало четкой стратегии как в отношении российского Дальнего Востока, так и в отношении Северо-Востока Китая. Приведем в пример отрывок из воспоминаний Сергея Юльевича Витте: «Государь Император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей именно потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток. Но, конечно, в то время у него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами» [3, с. 42].

Что же касается китайской стороны, то в конце XIX в. у деятелей общественной мысли Китая еще не было средств, позволяющих однозначно оценить внешнеполитический курс правительства империи Цин. Мыслители того времени обычно пользовались примерами из истории, чтобы описать современность. Например, отношения между европейскими державами того периода часто сравнивались с отношениями в Китае в период «Весны и Осени и Сражающихся Царств» (*Чуньцю Чжаньго 春秋战国*). В результате сохранения подобных воззрений правительство Цин продолжало действовать в соответствии с дипломатическими традициями, зачастую оторванными от реальности, и руководствоваться в своей внешней политике такими стратегами формулировками, как «руками варваров усмирять варваров» (*И и чжи и 以夷制夷*). Отношения с западными державами, а также с Россией «цинская дипломатия внутри страны продолжала интерпретировать исключительно с точки зрения китаецентристских представлений» [4, с. 265].

Этими противоречиями в русских и китайских политических кругах объясняются столь переменчивая и неоднозначная внешняя политика обеих сторон по отношению друг к другу после 1881 г. и, как следствие, невозможность закрепления позитивных результатов, достигнутых в середине 1890-х гг.

В связи с упомянутыми факторами вышеозначенный период в российско-китайских отношениях обратил на себя особое внимание российских специалистов-китаеведов, занимающихся историей русско-китайских отношений. Так, согласно мнению академика В.С. Мясникова, именно ко времени с конца XIX в. до революции 1917 г. относится становление модели равносторонних отношений между Российской и Цинской империями [5, с. 11]. А.Д. Воскресенский также признает, что с 90-х гг. XIX в. наступает качественно новый этап в развитии отношений между сторонами, связанный как со вступлением России в эпоху империализма, так и с внедрением в дипломатическую практику Китая институтов западного международного права, что было связано с поражением в Опиумных войнах. Ученый подчеркивает, что особенностью

российско-китайских отношений означенного периода был «акцент русской дипломатии на равноправной основе этих отношений, на неприятии методов прямого насилия» [4, с. 266]. Ю. М. Галенович, описывая историю формирования российско-китайской границы в начале XX в., отмечает, что «вопросы территориального размежевания решались способами, принятыми в области международных отношений и международного права, — путем проведения переговоров и подписания в их итоге договоров и соглашений, других соответствующих документов, которые не представляли собой ультиматумов или актов о капитуляции» [6, с. 8].

Абсолютно новым явлением в русско-китайских отношениях освещаемого периода было появление обширной территории соприкосновения двух держав как следствия демаркации границы, ставшей самой протяженной в мире общей границей между двумя государствами, и вхождения Приамурья в состав Российской империи. Проблемы установления границы были тесно связаны с освоением российского Дальнего Востока, а также с управлением китайским населением на приобретенных Россией территориях.

Стоит напомнить, что под «китайским» населением в тот период понимались все бывшие подданные Цинской империи, в том числе ханьцы, тунгусо-маньчжурское население, монголы, а также корейцы. Как отмечает Ю. М. Галенович, «граница между нашими двумя странами разделяла территории двух империй, двух великих государств мира, но при этом подспудно существовали и ждали своих решений вопросы о национальном самоопределении нескольких национальных общностей, которые либо вошли полностью в состав той или иной империи, либо были разделены на части границей между ними» [6, с. 7]. Все эти факторы оказывали значительное влияние на складывание отношений между сторонами в освещаемый период.

Другой феномен, характеризующий отношения между сторонами в то время, — это так называемое «мирное проникновение» России в Китай как следствие экономической политики С. Ю. Витте. Наиболее яркими его проявлениями стали учреждение в 1895 г. Русско-китайского банка (*Хуа Э даошэн иньхан* 华俄道胜银行), а также строительство КВЖД (*Чжун дун те лу* 中东铁路), начавшееся после подписания 22 мая 1896 г. в Москве секретного договора, заключенного между Россией и Китаем, «О союзе в отражении японской экспансии в Восточной Азии и строительстве КВЖД».

С. Ю. Витте пишет в своих мемуарах: «...секретным договором с Китаем, который был составлен, мы получали право проведения железной дороги через Монголию и Маньчжурию до Владивостока. Таким образом, в наши руки передавалась дорога величайшего политического и коммерческого значения, причем в то время мы усиленно подчеркивали, и я подчеркивал это с полным убеждением, что дорога эта не должна служить ни при каких обстоятельствах орудием каких бы то ни было захватов; она должна была быть орудием сближения восточных и европейских наций, сближения, как материального, так и морального» [3, с. 71].

Исследователь истории русской диаспоры в Маньчжурии первой трети XX в. О. И. Еропкина утверждает, что именно «КВЖД оказала огромное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии», подчеркивая, что «полоса отчуждения КВЖД никогда не была иностранным селтльментом в Китае. По всей Северной Маньчжурии русские и китайцы жили вместе, бок о бок, пользовались одинаковыми правами и сталкивались с одними и теми же трудностями при обживании новых для них мест» [7, с. 132].

При изучении российско-китайских отношений конца XIX — начала XX в. не следует забывать и о роли в них западных держав, а также Японии. Как уже говорилось выше, в этот исторический период Китай стал местом столкновения стратегических интересов крупнейших колониальных держав мира в борьбе за раздел сфер влияния, при этом оставаясь одной из немногих стран, наряду с Персией и Турцией, сохранивших относительную независимость. Китайский ученый Чжан Гонин (张国宁) характеризует положение Китая в тот период как «состояние полунезависимости» (*Бань дули чжуаньтай* 半独立状态) [8, с. 25].

Очевидно, что колониальные державы, преследуя собственные интересы, негативно относились к сближению России с Китаем в 90-е гг. XIX столетия. Негативные оценки данного периода присутствуют и в работах западных ученых, посвященных истории российско-китайских отношений. Например, в монографии «Русско-китайские отношения: краткая история» британский автор Розмари Квестет так оценивает процесс подписания секретного договора между Россией и Китаем в 1896 г.: «русские склонили Ли Хунчжана (якобы с помощью подкупа, хотя этому нет доказательств) подписать [данное] соглашение» [9, p. 82].

О негативном отношении западной, прежде всего английской, дипломатии к укреплению связей России с Китаем в описываемый период свидетельствуют как опубликованные еще в начале XX в. документы Британской Империи по вопросам политики в Китае, так и документы по русско-китайским отношениям конца XIX — начала XX в., хранящиеся в РГИА. В телеграмме официального агента министерства финансов Российской Империи в Китае Дмитрия Дмитриевича Покотилова министру финансов от 14 (27) февраля 1901 г. № 150 говорится: «Ли-хун-чжан... считает долгом предупредить Вас о происках англичан и японцев, запугивающих двор через посредство Нанкинско-го и У-чанского генерал-губернаторов. Я постарался убедить Ли-хун-чжана, что главная цель иностранцев — это поссорить нас с Китаем и заставить нас против нашей воли продолжать военное занятие Маньчжурии, что даст им желательный предлог захватить другие части Империи» [10, л. 27 об.]

Подобное негативное отношение Запада и Японии не могло не сказаться на дальнейшем развитии связей Российской и Цинской империй. Недаром с конца 90-х гг. XIX в. между сторонами назревает конфликт, связанный с введением российских войск в Китай, а также с участием России в подавлении восстания Ихэтуаней (义和团), после чего цинское правительство сменило свою внешнеполитическую тактику на отдаление от России и сближение с Западом.

Однако документальные источники по истории указанного периода подтверждают, что российские дипломаты того времени действительно искали пути к установлению равноправных взаимовыгодных отношений. В этой связи примечателен эпизод, о котором идет речь в телеграмме Д. Д. Покотилова министру финансов от 1 (14) мая 1900 г. № 354: «Сюй-цзинь-чэн² имел продолжительную беседу со мною. Он сетовал на то, что, постоянно предъявляя различные требования китайскому правительству относительно Маньчжурии, мы в то же самое время сами упорно отказываем китайцам в удовлетворении всех их законных желаний. Сюй-цзинь-чэн находит крайне несправедливым, например, отказ наш допустить пропуск в Цицикар через русскую

² Сюй Цзинчэн (许景澄) — посланник цинского Китая в Санкт-Петербурге с 1891 по 1897 г. Председатель правления Общества КВЖД с 1897 по 1900 г.

территорию двух или даже одного небольшого речного парохода, который Цицикарский цзян-цзюнь желал бы иметь в своем распоряжении для судоходства по реке Сунгари Нонни-цзян для полицейских целей, а также перевоза провианта. Министерства Иностранных Дел Приамурский генерал-губернатор относится крайне отрицательно к настоящему вопросу, по-видимому, из соображений военного характера. Сюй-цзинь-чэн спрашивает меня, не можем ли мы помочь в этом деле Цицикарскому цзян-цзюню, уступить ему или купить за его счет один или два парохода. Я отвечал Сюй-цзинь-чэну уклончиво, но считаю долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, что, по моему мнению, решительно нет основания опасаться дурных последствий от удовлетворения ходатайства Цицикарского цзян-цзюня. Я держусь того мнения, что напротив, если бы успешно провести это дело чрез посредство Правления Общества Китайской Восточной железной дороги, то это значительно облегчило бы решение разных вопросов, возникающих ныне в Маньчжурии. Покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство дать мне указания по сему предмету» [11, л. 17]. Очевидно, что речь идет об очень неоднозначном периоде в истории взаимоотношений двух государств, когда действия обеих сторон определялись целым рядом внешних и внутривнутриполитических факторов.

Российские политические деятели — современники описываемых событий — также пытались проанализировать события конца 90-х гг. XIX — начала XX в., негативно повлиявшие на дальнейшее развитие отношений между двумя соседствующими государствами. Так, меры по введению российских войск в Китай после укрепления немцев в Циндао в 1897 г. С. Ю. Витте считал вынужденными, признавая, что эти действия и последовавшая за ними активизация Англии и Японии стали «роковым шагом, кончившимся несчастной для нас японской войной и затем и смутами». Боксерское восстание С. Ю. Витте называл результатом захвата Квантунской области, ввод российских войск в Пекин, а затем в Маньчжурию, по его мнению, лишь результаты «бедственной политики» Н. В. Муравьева³, «легкомыслия» А. Н. Куропаткина⁴, отсутствия «твердых решений» у Николая II, в результате чего «Китай убедился в том, что нам верить нельзя». «Несомненно, эта междоусобица и падение Китайской Империи произведет такой громадный переворот на Дальнем Востоке, что последствия этого будут ощущаться и нами и Европой еще десятки и десятки лет» [3, с. 136].

Тем не менее, несмотря на то что китайские авторы порой и сегодня дают негативные оценки политике Царской России на Дальнем Востоке, они признают, что Россия оказала огромное влияние на развитие Китая. Например, директор Института России АОН провинции Цзилинь Ван Шицай (王世才), чей доклад прозвучал в рамках XVIII Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир», занимается проблемами соприкосновения культур Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. В своем выступлении исследователь уделил особое внимание тому практическому значению, которое имеют культурные обмены приграничных районов Китая и России [12, с. 38].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что сегодня вновь ощущается необходимость в обращении российских китаеведов к всестороннему изучению российско-

³ Н. В. Муравьев (1850–1908) — министр юстиции и Генерал-прокурор Российской империи с 1894 по 1905 г.

⁴ А. Н. Куропаткин (1848–1925) — военный министр Российской Империи с 1898 по 1904 г.

китайских отношений конца XIX — начала XX в., освещении событий не только в сфере политики, но также в сфере культуры и экономики.

Основной особенностью данного этапа в истории взаимодействия двух империй, на наш взгляд, является его противоречивый характер. Менее чем за три десятилетия отношения между государствами прошли несколько стадий: от заключения взаимовыгодных соглашений в сфере пограничного размежевания, торговли, финансов, что способствовало также активному культурному обмену, до военного конфликта и практически полного отдаления. В результате, в начале XX в. исторические обстоятельства сложились таким образом, что Китай был вынужден пойти на сближение с Западом, а Россия вступила в войну с Японией. Не стоит забывать, какое влияние оказали дальнейшие события на судьбы обеих империй.

При анализе этого исторического периода важно выявить глубинные причины возникновения разногласий и неспособности закрепления положительных результатов, достигнутых дипломатами и предпринимателями России и Китая в 90-е гг. XIX в. С. Ю. Витте писал в своих воспоминаниях: «Я пришел тогда к заключению, которого держался все время, что России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим — сильный... Китай, что в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока, а, следовательно, и будущего благоденствия Российской Империи» [3, с. 43]. «Я считал делом величайшей государственной важности привести начатые мною разговоры к концу... дабы установить крепкие, незыблемые отношения с таким великим колоссом, каким является Китай, колоссом, находящимся в соседстве с Россией» [3, с. 55]. Эти слова, написанные в начале XX столетия, и сегодня звучат более чем актуально. Переосмысление событий в отношениях России с Китаем в указанный период с точки зрения геополитического и геокультурного взаимодействия будет способствовать формированию более точного и объективного представления об их характере.

Очевидно, что причины возникновения противоречий между двумя странами не только лежали в плоскости дипломатии, но были связаны также с цивилизационными особенностями и спецификой политической культуры обеих стран. Выявление этих особенностей необходимо для успешного развития диалога между сторонами на современном этапе, когда оба государства вновь сталкиваются с многочисленными глобальными вызовами в поисках дальнейших путей развития.

Основные события в российско-китайских отношениях с 1881 по 1905 г.:

- 1881 (Седьмой год правления под девизом Гуансюй 光绪七年) — подписан «Санкт-Петербургский договор, заключенный между Россией и Китаем, об Илийском крае границы и торговле в Западном Китае» (伊犁条约).
- 1896 (Двадцать второй год правления под девизом Гуансюй 光绪二十二年) — подписан секретный «Московский договор, заключенный между Россией и Китаем, о союзе в отражении японской экспансии в Восточной Азии и строительстве КВЖД» (御敌互相援助条约).
- 1897 (Двадцать третий год правления под девизом Гуансюй 光绪二十三年) — российская эскадра занимает Порт-Артур (旅顺口).
- 1898 (Двадцать четвертый год правления под девизом Гуансюй 光绪二十三年) — подписана «Конвенция, заключенная между Россией и Китаем, об арен-

де части полуострова Ляодун с портами Люйшунью (Порт-Артур), Далянь (Дальний) и с прилегающими к ним водным пространством и территорией» (旅大租地条约).

- 1900 (Двадцать шестой год правления под девизом Гуансюй 光绪二十六年) — участие российских войск в подавлении восстания Ихэтуаней.
- 1901 (Двадцать седьмой год правления под девизом Гуансюй 光绪二十七年) — подписан «Заключительный протокол между Китаем и иностранными государствами о контрибуции, запрещении ввоза в страну оружия, занятия войсками иностранных держав ряда пунктов в Северном Китае, строительстве в Пекине укрепленного посольского квартала и пр.» (辛丑条约).
- 1902 (Двадцать восьмой год правления под девизом Гуансюй 光绪二十八年) — подписано «Соглашение между Россией и Китаем об условиях вывода русских войск из Маньчжурии» (交收东三省条约).
- 1903 (Двадцать девятый год правления под девизом Гуансюй 光绪二十九年) — Россия приостанавливает вывод войск из Северного Китая. Образовано Наместничество Дальнего Востока с резиденцией в Порт-Артуре во главе с адмиралом Е. И. Алексеевым, в состав которого вошли Приамурское генерал-губернаторство и Квантунская область. Рост международного напряжения на Дальнем Востоке.
- 1904 (Тридцатый год правления под девизом Гуансюй 光绪三十年) — начало русско-японской войны.
- 1905 (Тридцать первый год правления под девизом Гуансюй 光绪三十一年) — поражение России в русско-японской войне. Подписан «Портсмутский мирный договор» (朴茨茅斯和约). Аннулировано действие соглашений 1896 и 1898 гг.

Источники и литература

1. Лю Лэй. Исследование эволюции политики правительства Цин в отношении России 1896–1905 гг.: от близости к отдалению. Хунань: Изд-во Хунаньского педагогического университета, 2008. 93 с. (Лунь 1896–1905 няньцзянь Цин чжэнфу юй цинь Э дао шу Э чжэнцэ дэ шань-бянь.)

2. Сюй Ваньминь. К вопросу о переоценке русско-китайского военного конфликта 1900 г. // Русско-китайские отношения: история и современность / под ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2009. С. 245–256. (Гэнцзы Чжун Э дунбэй чжи чжань фаньсылу // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши.)

3. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 2. 575 с.

4. Воскресенский А. Д. Дипломатическая история Санкт-Петербургского русско-китайского договора 1881 года. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 439 с.

5. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.

6. Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке — Граница. М.: Изограф, 2001. 335 с.

7. Еропкина О. И. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 132–138.

8. Чжан Гонин. Антироссийские идеи поздней Цин и зарождение национального самосознания (1840–1900). Хэнань: Изд-во Хэнаньского университета, 2008. 67 с. (Вань Цин фан Э сычао юй цзиньдай цзаоци миньцзу иши (1840–1900).)

9. *Quested R. K. I. Sino-Russian Relations: a Short History*. Oxfordshire: Routledge, 2005. 200 p.
10. Об отпуске средств на подкуп китайских сановников при заключении соглашения с Китайским правительством о концессиях в Китае и Маньчжурии, на учреждение Ортопедического Института и другие нужды // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 211. Л. 27–28.
11. Переписка с Правлением Общества о судоходстве по реке Амуру и ее притокам, о прямой телеграфной связи между дорогами России и КВЖД // РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 6. Л. 17.
12. *Ван Шицай*. Обмены и слияние культур Северо-Восточного Китая и России // Тезисы докладов XVIII Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы» (Москва, 21–23 октября 2009 г.): в 2 т. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2009. Т. 1. С. 35–38.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.521

Н. В. Кутафьева

СОСТАВНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ИМПЛИЦИТНЫМ
ЗНАЧЕНИЕМ КОЛИЧЕСТВА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В японском языке отсутствует грамматическая категория числа, но существуют различные эксплицитные и имплицитные способы выражения количества. Одним из таких способов, на наш взгляд, является использование составных глаголов.

Цель данной работы — описать значение «имплицитное количество», выраженное в составных глаголах японского языка. Однако прежде мы должны рассмотреть очень важный вопрос, а именно: что представляют собой составные глаголы и как они интерпретируются исследователями японского языка.

В японском языке существует большое количество составных глаголов, являющихся важной составляющей частью лексики и грамматики. Процесс создания составных глаголов является открытым, ими активно пользуются пишущие и говорящие на японском языке. С помощью составных глаголов передаются различные семантические оттенки, язык становится непосредственным и живым. Например, *осиакэру* «толкнуть и открыть; открыть толканием», *микурабэру* «посмотреть и сравнить», *ёбиау* «переключаться», *нагэкикурасу* «жить, жалуясь на судьбу».

Существуют различные подходы к определению составных глаголов.

Составные глаголы рассматриваются как лексические составляющие. В русской японистике словообразованием занимался А. А. Пашковский, работы которого до сих пор не утратили своей актуальности. Под сложным (составным) глаголом он понимал сочетание второй основы глагола (форма деепричастия V-i¹) + глагол, при этом второй глагол имеет полную словоизменительную парадигму [1, с. 16].

В японских лингвистических работах прослеживается широкое понимание составных глаголов. Так, Miharu Akimoto выделяет следующие словообразовательные типы.

1. N+V. К имени присоединяется глагол: *авадацу* «пениться», *тэнарэру* «быть опытным, квалифицированным», *надзукэру* «называть», *уракаэсу* «выворачивать наизнанку, перелицовывать».

¹ Обозначения, используемые в статье: N — существительное, V — глагол, ADJ — предикативное прилагательное, ADV — наречие.

© Н. В. Кутафьева, 2012

2. V1 + V2. К глаголу в соединительной форме присоединяется второй глагол: *ма-тикутабирэру* «уставать ждать», *тобиагару* «взлетать», *утиотосу* «сбивать (с ног)», *накикурасу* «проводить свои дни в слезах».

3. ADJ + V. К предикативному прилагательному присоединяется глагол: *вакагаэ-ру* «помолодеть», *то:нокэру* «держат что-то на расстоянии», *нагабику* «затягиваться, долго длиться».

4. ADV + V *суру*. К наречию присоединяется служебный глагол *суру*: *хирихирисуру* «щипать, жечь», *уроуросуру* «не находить себе места от беспокойства», *гатагатасуру* «стучать, дребезжать, тарыхтеть», *мотамотасуру* «быть медленным, мешкать» [2, p. 89].

В работе Yoshiyuki Morita выделены следующие типы составных глаголов.

1. К глаголу присоединяется второй глагол с семантикой событийности, ситуативности и др.: *акэханарэру* «рассветать», *атэкому* «надеяться, рассчитывать на», *араита-тэру* «доискиваться до, копаться в».

2. Не к глаголу (имени, прилагательному, наречию) присоединяется глагол, который изменяется по пятиступенчатой или одноступенчатой системе: *акадзимиру* «выпачкаться в грязи; знать что-то глубоко», *айтэтору* «иметь дело с кем-то», *аодзамэру* «побледнеть».

3. Не к глаголу присоединяется глагол *суру*: *айсуру* «любить», *ансинсуру* «успокаиваться».

По данным исследователя, составных глаголов первого типа подавляющее большинство — 1817, второго и третьего типа — приблизительно 573 слова [3, p. 39].

Классификация Yoshiyuki Morita гораздо шире классификации Miharu Akimoto. В нее в качестве составных глаголов включены глаголы, состоящие из имени *канго* и служебного глагола *суру*.

В работах американских исследователей Yoshiko Tagashira [4, p. 2–16], Yo Matsumoto [5, p. 199–222] наблюдается другой подход к пониманию составных глаголов. К ним относятся только комплексы, состоящие из двух глаголов V1+V2, в которых V1 стоит в соединительной форме, V2 — в словарной форме.

Далее Yoshiko Tagashira [4, p. 1–15], Yo. Matsumoto [5, p. 170–236], Taro Kageyama [6, p. 289–325], S. Martin [7, p. 439–455], Natsuko Tsujimura [8, p. 169–264] делят эти комплексы на синтаксически составные и лексически составные на основании природы второго глагола и отношения между двумя глаголами в структуре составного глагола.

Под синтаксически составными или фразовыми понимаются аспектуальные глаголы, т. е. глаголы, у которых и первый, и второй компоненты могут образовывать пассивные и каузативные формы. Описанию аспектуальных глаголов (в качестве вторых компонентов которых чаще всего понимаются четыре глагола *хадзимэру* «начинать», *цудзукэру* «продолжать», *овару* «заканчиваться, завершаться», *оэру* «заканчивать, завершать») посвящены работы Masayoshi Shibatani, Kazuko Inoue, Susumu Kuno, Yoko Sugioka, Shigeru Miyagawa, Taisuke Nishigauchi и др. [5, p. 170–196].

Существует и более широкое понимание синтаксически составных глаголов, отраженное в работах Yo Matsumoto, Yoshiko Tagashira, Taro Kageyama, S. Martin. Под синтаксически составными глаголами понимаются глаголы, заключительный компонент которых имеет значение реципрока (взаимного, обоюдного действия) (глагол *ау* «совпадать, согласовываться»); выражает желание или утрату желания (глаголы *канэ-ру* «быть не в состоянии, колебаться», *осиму* «делать неохотно», *асэру* «быть озабоченным, нервничать», *сибуру* «быть нерешительным, медлить»); выражает неудачу в осу-

ществлении действия, представленного предшествующим глаголом (глаголы *васурэру* «забывать», *нокору* «оставаться», *нокосу* «оставлять», *матигаэру* «ошибаться», *отосу* «ронять», *соконау* «терпеть неудачу», *хагурэру* «отстать, потеряться», *окурэру* «опаздывать»); выражает идею «привыкания, пресыщения» (глаголы *нарэру* «привыкать», *акиру* «пресыщаться, наскучить», *агуму* «уставать от», *кутабирэру* «уставать, утомляться»); показывает, что процесс или действие, описанные первым компонентом, выражены в чрезмерной степени (глагол *сугиру* «превышать, превосходить»); показывает, что действие первого глагола полностью завершено (глаголы *киру*, *нуку*, *цукусу*); показывает повторение действия другим образом (глагол *наосу*).

К составным глаголам не относятся комплексы *V-te* + различные служебные глаголы, образующие формы вида, наклонения, направленности, гоноратива, императива и др., а также комплексы, выражающие начало, продолжение и завершение действия.

S. Martin приводит основания для разграничения синтаксически и лексически составных глаголов.

1. В синтаксически составных глаголах сохраняются управление и валентности, свойственные первому глаголу.

2. Значение синтаксически составного глагола выводится из значений составляющих его компонентов.

3. Синтаксически составные глаголы более продуктивны, чем лексически составные [7, p. 438].

Taro Kageyama добавляет еще несколько оснований для разграничения синтаксически и лексически составных глаголов.

1. Возможность образования от первого глагола формы пассива в синтаксически составных глаголах (*айсарэцудзукэру* «продолжать быть любимым»).

2. Возможность анафорической замены первого глагола в синтаксически составном глаголе (*накисакэбу* «плакать и кричать» → *со:сисакэбу*).

3. Первый глагол в составе синтаксически составного может иметь гонорифические формы (*норисоконэру* → *о-нори ни нари соконэру* «не смогли сесть (в поезд)») [6, p. 302].

Изучением лексически составных глаголов занимались Akiko Himeno, Yoshio Nagashima, Taro Kageyama, Kiyotaka Yamamoto, Michiaki Saito, Takuro Motiyama и др. [5, p. 197–236].

Основные характеристики лексически составных глаголов.

1. Морфологически образуется одно слово, причем второй компонент имеет полную глагольную парадигму, а первый компонент используется только в соединительной форме.

2. Большинство рассматриваемых глаголов состоят из последовательности «глагол действия + процессуальный глагол». Процессуальный глагол обычно имеет пару «непереходный — переходный» и обозначает «изменение состояния или местонахождения». Глаголы действия обозначают действие, которое не приводит к изменению состояния или местоположения, и не имеют пары «непереходный — переходный».

Большинство составных глаголов представляют собой последовательность двух непереходных глаголов или двух переходных глаголов. Так, глаголы *тарэсагару* (непереходный V + непереходный V) «висеть вниз, свисать», *атэхамэру* (переходный V + переходный V) «подгонять, прилаживать, применять» являются типичными, тогда как сочетания *тарэсагэру* (непереходный V + переходный V) «вешать что-либо свисающее, например штору» и *атэхамару* (переходный V + непереходный V) «соответствовать» — нетипичными. Таким образом, большинство составных глаголов обозначают

либо процесс, состоящий из двух фаз, либо процесс, состоящий из действий, которые выполняет один реципиент.

В целом, значение лексически составных глаголов можно определить как «процесс изменения состояния, местоположения или действия, который приводит к изменениям у человека или объекта, подвергающихся этому действию» [4, p. 1–15].

3. Лексически составные глаголы ограничены лексическими значениями обоих компонентов. Синтаксически составные глаголы не имеют такого ограничения, они могут сочетаться в одной структуре при условии их семантической сопоставимости, значение образующегося составного глагола семантически прозрачно.

4. Важное свойство лексически составных глаголов — это различные уровни абстракции, выраженные вторым компонентом, позволяющие говорить о различной степени лексикализации составных глаголов.

Приведем несколько примеров изменения степени конкретности — абстрактности.

Ториагэру «поднимать» → *какиагэру* «дописать».

Сэмэиру «вторгаться» → *осорэиру* «быть тронутым, чувствовать себя обязанным».

Тобидасу «вылететь, выскочить» → *фуридасу* «начать идти (о дожде)».

О формализации значений первого и второго глаголов в структуре составного и изменении их в сторону абстрактного говорится в работах Yo Matsumoto, Masahiko Ishii, Yoshiko Tagashira, Yoshiyuki Morita, Natsuko Tsujimura.

Значение первого глагола в структуре составного глагола подвергается формализации, и он используется как префикс.

Утикудаку «раздроблять, толочь» → *утицудзукэру* «продолжаться, следовать один за другим».

Какимадзэру «перемешивать» → *какикумору* «покрываться тучами».

Осидасу «выталкивать, отталкивать» → *осисусумэру* «толкать вперед, продвигать, приводить в движение».

Значение второго глагола формализуется, и он используется как суффикс.

Цукиотосу «сбрасывать, сталкивать, сваливать» → *накиотосу* «добиваться с помощью слёз, выплакать что-то» → *иотосу* «забывать сказать».

Иикаэсу «говорить в ответ» → *нурикаэсу* «перекрашивать, повторно красить».

В работе Masahiko Ishii прослеживается широкое понимание префиксального и суффиксального использования компонентов составных глаголов и списком приводятся глаголы, которые могут использоваться префиксально и суффиксально [9, p. 129–131].

Практически во всех цитируемых нами работах обсуждаются еще несколько тем, а именно: какой из компонентов является вершиной составного глагола, наличие пары «переходный — непереходный глагол» при образовании составного глагола, структура дополнений при составных глаголах в предложении.

Семантические отношения между компонентами составных глаголов описаны в работах Natsuko Tsujimura, Yoshiko Tagashira & Jean Hoff, Taro Kageyama, Yo Matsumoto, Masako Himeno, Masahiko Ishii и др.

Yoshiko Tagashira и Jean Hoff выделяют шесть основных семантических отношений.

1. Способ — цель. Действие V1 является средством, с помощью которого осуществляется действие V2 (*окуридасу* «посылать, отправлять», *утицукэру* «прибивать (гвоздь)»).

2. Активность V1, требующаяся для представления активности V2. Действие V1 включено в действие V2 (*инарабу* «быть в строю», *каинарасу* «давать еду и приручать, укрощать»).

3. Образ действия. V1 представляет собой специфический образ движения или использование средств, с помощью которых осуществляется действие V2 (*хаинобору* «влезать на гору ползком», *мусиритору* «срывать, отрывать, вырывать»).

4. Действие — направление. V2 обозначает направление движения V1 (*миагэру* «смотреть вверх», *фуримавасу* «размахивать»).

5. Активность — интенсивность. V2 обозначает интенсивность действия V1 (*сувари-кому* «сесть и сидеть, долго засиживаться, просиживать», *сикаринукэру* «сильно ругать»).

6. Два одинаковых действия. V1 и V2 представляют два сходных действия, выполняемых одним человеком в ответ на какое-то событие, или два равнозначных действия. Существует незначительное количество составных глаголов с этим значением (*накисакэбу* «плакать и кричать», *ёрокобиисаму* «быть в радостном воодушевлении и воспарять духом») [4, р. 7–8].

Поскольку специфические показатели, выражающие семантические отношения между глаголами, отсутствуют, возможны не одна интерпретация, а несколько. Так, более детальная классификация структурных и семантических характеристик составных глаголов приведена в работе Yoshiyuki Morita [3, р. 42].

На основании структурных отношений между компонентами составного глагола выделяются пять типов.

1. Параллельные отношения (равноправные отношения между двумя составляющими глаголами) (*ябурисутэру* «сломать и выбросить»).

2. Отношения между компонентами соответствуют отношениям между подлежащим — сказуемым или дополнением — сказуемым, показатели *га*, *ни*, *о* (*ёмифукэру* «погружаться с головой в чтение»).

3. У второго глагола возникает абстрактное значение (*какиагэру* «дописать, написать»).

4. Второй глагол используется как окказиональный компонент (*кангазагунэру* «думал, думал и ничего не придумал»).

5. Значение первого глагола формализуется (*какикумору* «покрываться тучами, застилаться облаками»).

На основании семантических отношений между компонентами выделяются семь типов.

1. Последовательность совершения действия (*ябурисутэру* «сломать и выбросить»).

2. Действие — результат (*мозуцуру* «перекидываться (об огне)»).

3. Способ или средство действия (*фумикатамэру* «бить, уплотняя что-то», *нагури-коросу* «забивать до смерти»).

4. Причина — следствие (*накинуэрэру* «добиться чего-либо слезами»).

5. Уточнение (*кирикидзаму* «крошить, мелко резать, рубить, кромсать», *какисирусу* «записывать, отмечать записью»).

6. Одновременное развитие действия (события) (*накисакэбу* «громко плакать и кричать», *одорокиакиэрэру* «быть изумленным и озадаченным»).

7. Образ действия, значение которого выражено первым глаголом (*укарэаруку* «идти в приподнятом настроении», *асобикурасу* «вести праздную жизнь, ничего не делать»).

Еще одна тема в исследовании составных глаголов — использование глаголов в функции первого или второго компонента. Masahiko Ishii и Yoshiyuki Morita пишут о существовании глаголов, использующихся только как первый компонент, только как второй компонент, и глаголов, использующихся в обеих позициях.

Masahiko Ishii делит все глаголы (приблизительно 2500 слов) на три группы: глаголы, выступающие в функции первого компонента; глаголы, функционирующие и в качестве первого, и в качестве второго компонента; глаголы, выступающие в функции второго компонента.

В пределах каждой группы проводится следующее разделение.

1. Глаголы состояния (*ивасэру* «быть где-либо с кем-то, о ком идет речь»).
2. Глаголы субъектного действия (непереходные) (*фукиагару* «взлетать на воздух, бить струей»).
3. Глаголы субъектного действия (переходные) (*шикаэру* «сказать другими словами»).
4. Глаголы, в которых действие субъекта приводит к изменению объекта (*сомэкаэсу* «перекрашивать (одежду, волосы)»).
5. Глаголы, действие которых приводит к изменению субъекта (*цукарэхатэру* «устать до смерти, выбиться из сил»).
6. Глаголы, обозначающие повторное действие (*кикаэру* «переодевать (одежду)») [9, p. 393–409].

Рассмотрим интересующие нас глаголы.

Несмотря на большое количество работ, посвященных анализу составных глаголов, трудно провести границу между синтаксически и лексически составными глаголами. Эта неясность границы нашла свое отражение в словарях: некоторые глаголы, указанные в одних словарях, отсутствуют в других.

В качестве материала для анализа мы использовали составные глаголы, приведенные в трех источниках: Большой японско-русский словарь под редакцией Н. И. Конрада [10], Японско-русский словарь издательства Кэнкюся [11] и список составных глаголов, опубликованный в работе Masahiko Ishii [9].

Сплошной выборкой нами было найдено приблизительно 2500 составных глаголов, из них 600 являются объектом нашего исследования.

Мы считаем, что понятие количества обладает различной семантикой, а именно: реципрок-социатив; множество субъектов; множество реципиентов, вовлеченных в глагольное действие; множество неодушевленных предметов; избыточное количество людей и предметов; повторяемость глагольного действия; одновременное сосуществование множества людей и предметов.

Структуру составных глаголов можно описать следующим образом.

1. Компоненты сохраняют свое значение.
2. Первый или второй компонент, утрачивая свое лексическое значение, используется префиксально или суффиксально.
3. Значение составного глагола идиоматично и не выводится из составляющих его компонентов.

В данной работе мы рассмотрим составные глаголы с первой и второй структурами.

Мы выдвинули гипотезу о том, что компоненты составного глагола могут обладать значением количества. Рассмотрим далее, какие значения могут иметь первый и второй компоненты в структуре составного глагола. В имеющемся материале количественно больше составных глаголов, в которых второй компонент имеет значение количества, поэтому начнем описание с них.

В структуре составного глагола второй компонент имеет значение реципрока-социатива, объединения, разъединения, нахождения кого-то или чего-то в большом количестве, местонахождения.

Рассмотрим значения количества, возникающие в выделенных группах.

1. Значение реципрока-социатива. Это самая большая группа глаголов среди интересующих нас (приблизительно 500). Глаголы *ау* «подходить, совпадать; встречаться», *авасэру* «присоединять», *кавасу* «обмениваться». Анализ составных глаголов с суффиксом *-ау* и варианты глагольного управления приведены в работах А. А. Холодовича [12, с. 164–165], В. М. Алпатова [13, с. 175], J. Hinds [14, p. 124], Masako Himeno [15, p. 17–18].

Значение реципрока (взаимного действия) в глаголе *ау* усиливается наречием *тагаини* «взаимно» (*ёбиау* «перекликаться»), социатива (совместного действия) — наречием *иссёни* «вместе» (*осиау* «толпиться, тесниться»). Masako Himeno выделяет еще одно значение: параллельное действие нескольких субъектов, при этом субъект действия используется в функции определения к подлежащему со значением «группа» [15, p. 19]. Субъекты или участники действия при глаголе со значением реципрока могут быть заменены числительным *футари* «двое», при глаголе со значением социатива — местоимением или одушевленным существительным в форме множественного числа, кроме того, часто используется лексика со значением множества: *гунсю*: «толпа», *минна* «все», *дзэнгин* «все», *кадзоку* «семья». Таким образом, глаголы этой группы имеют значение «множество субъектов действия».

По сравнению с глаголом *ау*, утратившим свое лексическое значение и использующимся суффиксально в структуре составного глагола, глагол *авасэру* «присоединять, приспосабливать» сохраняет свое значение. Составной глагол со вторым компонентом *авасэру* имеет несколько значений: соединять вместе более двух вещей (*ёриавасэру* «скручивать, сплетать», *мусубиавасэру* «соединять»), присоединять (*нуиавасэру* «пришивать»), сопоставлять (*тэрасиавасэру* «сопоставлять, сличать, сравнивать»), присутствовать (*миавасэру* «переглядываться, обмениваться взглядами с», *хикиавасэру* «представлять, знакомить кого-то с кем-то»).

В первых трех случаях речь идет о количестве объектов, в последнем — субъектов действия.

Глаголы со вторым компонентом *кавасу* «обмениваться», который используется суффиксально, имеют значение реципрока (*микавасу* «обмениваться взглядами», *шикавасу* «давать друг другу слово»). В глагольном действии участвуют несколько субъектов. Это значение также может быть усилено наречием *тагаини* «взаимно».

2. Значение объединения (из нескольких людей или предметов образуется группа или скопление): *ацумэру* «собирать» (*ариацумэру* «собирать, созывать, сгонять», *хакиацумэру* «сметать в кучу»), *ацумару* «собираться, встречаться» (*ёриацумару* «собираться, встречаться»), *касанэру* «накладывать друг на друга» (*орикасанэру* «складывать, сваливать в кучу»), *куму* «объединяться, соединяться, делать что-то совместно» (*кирикуму* «соединять детали»), *мусубу* «связывать, завязывать; присоединяться к кому-то» (*торимусубу* «соединять»), *сороу* «собираться полностью» (*дэсороу* «выступать в полном составе; быть налицо»).

Возникающее значение количества связано с выражением подлежащего и дополнения. Если подлежащее выражено одушевленным существительным, а дополнение — неодушевленным, возникает значение множества предметов: *ацумэру* «собирать» (*какиацумэру* «собирать кем-то написанное»), *касанэру* «накладывать друг на друга» (*цумикасанэру* «наваливать, нагромождать»), *куму* «составлять, собирать» (*кирикуму* «соединять детали»), *мусубу* «связывать, завязывать; присоединяться к кому-то» (*торимусубу* «соединять»).

Если подлежащее и дополнение выражены одушевленными существительными, возникает значение множества реципиентов: *ацумэру* «собирать» (*ёбиацумэру* «собирать, созывая»), *ацумару* «собираться» (*хасэацумару* «сбегаться»), куму «объединяться, действовать совместно; быть чьим-то противником, партнером» (*торикуму* «состязаться»), первый компонент используется префиксально и обозначает, что в действии второго компонента используются руки, глагол употребляется в разговоре о спорте (сумо, дзюдо), *мусубу* «связывать, завязывать; присоединяться к кому-то» (*киримусубу* «скрещивать клинки с кем-то», *торимусубу* переносное значение «действовать в качестве посредника»), *сороу* «быть полным; собираться полностью (о людях)» (подлежащим при составном глаголе с *сороу* могут выступать существительные со значением «группа»; *дэсороу* «выступать в полном составе; быть налицо»).

3. Значение разъединения, разделения, имеющее несколько семантических подгрупп.

Из одной группы людей образуется несколько: *саку* «разрывать» (*хикисаку* «разлучать»), *тирасу* «рассеять, разгонять» (*ойтирасу* «разгонять толпу, принуждать к бегству противника»).

Из одного предмета образуется несколько предметов. В этой группе составных глаголов первый компонент, как правило, показывает образ действия второго компонента: *кудаку* «разбивать, раздроблять; толочь, измельчать» (*варикудаку* «разломить на части», *камикудаку* «пережевывать», *цукикудаку* «толочь» (оба компонента выражают одно и то же действие)), *саку* «рвать, разрывать, рубить» (*кирисаку* «рубить на части, разрывать», *хикисаку* «отрывать, разрывать»), *сакэру* «рваться, раскалываться» (*харисакэру* «разрываться на части, раскалываться»), *тобасу* «разбрасывать, расплескивать» (*ханэтобасу* «разбрызгивать, расплескивать»), *вару* «делить, разделять; колоть, расщеплять» (*киривару* «распиливать», *хикивару* «молотить»), *ханасу* «отделять, разъединять» (*кириханасу* «разрезать, откалывать», *хикиханасу* «разобщать, разъединять»), *хадзусу* «откреплять, разъединять» (*торихадзусу* «разбирать на части»), *ковасу* «разбирать на мелкие части» (машину, механизм) (*ториковасу* «разрушать, сносить»), *ябуру* «разбивать» (*кэябуру* «разбивать ударом ноги», *цукиябуру* «ломать ударом»).

Некоторое количество предметов распределено хаотичным образом: *тирасу* «разбрасывать» (*кэтирасу* «разбрасывать пинком», *макитирасу* «рассыпать, разбрасывать», *нагэтирасу* «разбрасывать»), *тиру* «осыпаться» (*тобитиру* «разлетаться»), *маку* «разбрасывать, рассеивать» (*фуримаку* «рассыпать, разбрызгивать»).

К группе составных глаголов со значением разделения, разъединения относится и многозначный глагол *вакэру* «разделять, разъединять; классифицировать», использующийся суффиксально, в котором можно выделить следующие значения: пробираться сквозь толпу (*какивакэру* «расталкивать, пробираться сквозь толпу», *осивакэру* «проталкиваться через толпу, расталкивать, раздвигать»); распределять людей на группы (*кумивакэру* «разделять на группы»); выбирать из ряда предметов, явлений (*кикивакэру* «различать на слух», *мивакэру* «различать, распознавать»); сортировать (*торивакэру* «сортировать», *кумивакэру* «разделять на группы»); делить (*фуривакэру* «делить пополам, распределять на две равные части; делить ношу на две части (нести через плечо)», *цугивакэру* «разливать по»).

4. Значение нахождения кого-то или чего-то в большом количестве. Глаголы *сугиру* «иметься в большом количестве», *амару* «иметься в чрезмерном количестве», использующиеся суффиксально.

S. Martin пишет о том, что глаголы (непереходные) со вторым компонентом *сугиру*, называемые им эксцессивом, могут обозначать один субъект, который выполняет какое-то действие в чрезмерной степени, или много субъектов, вовлеченных в одно действие [7, р. 434]. Существует несколько глаголов со вторым значением: *синисугиру* «слишком многие умирают», *умарэсугиру* «слишком многие рождаются», *араварэсугиру* «слишком многое проявляется», *окорисугиру* «слишком многое случается».

С суффиксом *амару* в нашем материале есть только один глагол: *ариамару* «быть в большом количестве», — указывающий на неопределенное количество чего-либо явно или имплицитно выраженное и не использующийся в значении «более чем».

5. Значение повторяемости глагольного действия. Глаголы *каэру*, *каэсу*, *наосу*, *аратамэру* используются суффиксально.

S. Martin указывает, что глаголы *каэру*, *каэсу*, *наосу* являются показателями итератива или повторяющегося действия.

Каэсу «делать что-то заново», в повторном действии должны быть одни и те же субъект(ы) и объект(ы): *сомэкаэсу* «перекрашивать (ткань)», *кикикаэсу* «переспросить, спросить еще раз».

Каэру «делать что-то заново», в повторном действии должно быть использовано нечто другое: *норикаэру* «сделать пересадку», *какикаэру* «переписать по-другому».

Наосу «делать что-то заново», в повторном действии должно быть улучшение, усовершенствование: *нуринаосу* «перебелить», *мусубинаосу* «связывать заново» [7, р. 447].

К этому ряду относится и глагол *аратамэру* «делать что-то заново с улучшением, с исправлением» (*какитаратамэру* «переписывать заново»).

В структуре составного глагола первый компонент имеет следующие значения.

1. Значение соединения: *мусубу* «соединять» (*мусубицукэру* «связывать, привязывать», *мусубиавасэру* «связывать, соединять что-то»), *куму* «соединять» (*кумиирэру* «включать, вовлекать (в организацию)», *кумикаэру* «формировать заново»), *цунагу* «привязывать, соединять» (*цунагиавасэру* «соединять (столы), сочленять», *цунагитомэру* «связывать концы чего-то, привязывать»). В глаголах этой группы первый компонент обозначает соединение, привязывание, а второй — способ, с помощью которого осуществляется действие первого компонента.

2. Значение разъединения: *ору* «разломить» (*орикудаку* «разломить»), *хику* «размолотить» (*хикикудаку* «размельчать»), *вару* «разделять» (*варикудаку* «разломить на части», *вариатэру* «распределять расходы на нескольких»), *киру* «разрезать» (*киривакэру* «разделять, разрезая»), *вакацу* «делить, разделять на части; делить с кем-то» (*вакатицу* «делить между собой, совместно пользоваться»).

По имеющимся у нас данным в этой группе большая часть глаголов со значением «разъединения», выступающих в функции первого компонента, сочетается с глаголами, выступающими в функции второго компонента с таким же значением, т. е. компоненты в составе глагола являются семантически равноправными.

3. Значение местонахождения. Глаголы *иру* «быть, находиться» (*инарабу* «быть в очереди», *ивасэру* «быть с кем-то в одном месте»), *ару* «быть, находиться» (*ариамару* «иметься в избытке, быть более чем в достаточном количестве», *ариавасэру* «иметься под рукой, первый попавшийся»). Второй компонент уточняет способ пребывания первого компонента в речи об одушевленных (людях) и неодушевленных (предметах) субъектах.

Итак, мы рассмотрели составные глаголы японского языка, выражающие значение количества, и пришли к следующим выводам.

1. Составные глаголы имеют различную семантику количества.
 2. Количество в составных глаголах означает количество участников действия (реципиентов) или количество предметов, вовлеченных в глагольное действие.
 3. Глаголы со значением количества используются как в качестве первых, так и в качестве вторых компонентов составного глагола с явным преобладанием вторых.
 4. Одни и те же глаголы могут использоваться в качестве обоих компонентов составного глагола, со значением соединения *мусубу* «связывать, присоединяться к», *куму* «составлять, соединять, объединяться», со значением разъединения *вару* «разделять».
 5. Среди исследуемых глаголов суффиксально используются компоненты *ау*, *авасэру*, *аратамэру*, *вакэру*, *кавасу*, *каэсу*, *каэру*, *наосу*, *сугиру*. Количественно преобладают составные глаголы с суффиксами *ау*, *авасэру*, *вакэру*, *каэру*, *каэсу*, *наосу*.
- Остаются нерешенными несколько проблем. В частности, значение составных глаголов-идиом, у которых значение количества не связано со значением первого или второго компонентов. Многозначные составные глаголы, у которых одно значение отражает значение одного из составляющих компонентов, а другое является идиоматичным (например, *као о миавасэру* «переглядываться», *рёко: о миавасэру* «откладывать путешествие»). Также требует изучения проблема парных глаголов (переходный — непереходный глагол как второй компонент составного глагола), для чего необходим переход на синтаксический уровень.

Источники и литература

1. Паиковский А. А. Слово в японском языке. М.: Наука, 1980. 205 с.
2. Akimoto Miharu. Yoku waku goi. Tokyo: Aruku, 2002. 199 p.
3. Morita Yoshiyuki. Do:shi, keiyo:shi, fukushi no jiten. Tokyo: JASRAC, 2008. 289 p.
4. Tagashira Yoshiko, Hoff J. Handbook of Japanese Compound Verbs. Tokyo: The Hokuseido Press, 1986. 245 p.
5. Matsumoto Yo. Complex Predicates in Japanese. Studies in Japanese Linguistics. Tokyo: CSLI Publications, 1996. 345 p.
6. The Handbook of Japanese linguistics. London: Blackwell, 1999. 543 p.
7. Martin S.E. A Reference Grammar of Japanese. Rutland, Vermont, Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1988. 1197 p.
8. Tsujimura Natsuko. An introduction to Japanese linguistics. London: Blackwell, 2007. 501 p.
9. Ishii Masahiko. Gendai Nihongo no fukugo:go keiseiron. Tokyo: Hitsuji shobo, 2007. 497 p.
10. Большой японско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Н.И. Конрада. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 2. 920 с.
11. Японско-русский словарь / под ред. Т. Фудзинума. Токио: Кэнкю:ся, 2000. 1183 с.
12. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 303 с.
13. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка: в 2 кн. М.: Наталис, 2008. Кн. 1. 559 с.
14. Hinds John. Japanese. London; New York: Routledge, 1986. 494 p.
15. Himeno Masako. Taisho: kankei o arawasu fukugo: do:shi — [~au] [~awaseru] o megutte // Nihongo gakkō: ronshu. 1982. № 9. P. 17–52.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

Н. А. Матушкина

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ НОМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

К настоящему времени в тюркологии сложилось довольно отчетливое представление о категории глагольных имен как о ряде морфологических единиц, служащих для образования форм причастий, деепричастий и так называемых имен действия. Существует большое количество работ, выполненных на материале как тюркских, так и других алтайских языков, которые посвящены исследованию данных форм и способов их использования в речи. Интерес к этой теме вызван типологическими особенностями алтайских языков, одной из которых является высокая употребительность глагольных имен в речи, что освобождает носителей языка от необходимости строить союзные сложноподчиненные предложения.

Существует множество различных подходов к интерпретации данных форм; цель настоящей статьи — представить и охарактеризовать основные из них.

В соответствии с традиционным подходом, представленным в работах таких исследователей, как А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова и др., формы глагольных имен относят к словообразовательному механизму языка, называя их «отглагольными именами». А. Н. Кононов, в частности, отмечал, что *словообразовательная* форма *-tak* турецкого языка сочетает в себе свойства отглагольного существительного и инфинитива [1, с. 76–78]. Данная точка зрения нашла отражение и в трудах современного московского тюрколога Ю. В. Шеки. Например, в работе «Практическая грамматика турецкого языка» автор рассматривает формы имен действия (масдаров) турецкого языка (*-mA*, *-mAk*, *-Ie*) как «аффиксы „вторичного“ грамматического словообразования» [2, с. 86–88].

Причастия традиционно описываются как *формы глагола*, которые сочетают в себе морфологические признаки как глагола, так и прилагательного [3, с. 238]. Некоторые исследователи отмечают специфические особенности тюркских причастий, такие как способность выступать в речи как в адъективной, так и в субстантивной функции. При этом следует отметить, что, хотя большинство исследователей признает все формы глаголов, способные выполнять адъективную функцию в речи, причастиями, А. Н. Кононов в своей «Грамматике турецкого языка» не называет формы *-dik* и *-(y)acak* причастными, а характеризует их как «особые отглагольные имена».

Деепричастия традиционно не относят к глагольно-именным формам. А. Н. Кононов характеризует их как «особый отряд отглагольных форм, которые, обозначая второстепенное действие, служат признаком другого действия» [3, с. 239].

Следует отметить, что для многих исследователей наибольший интерес представляют не морфологические особенности данных форм, а способы их использования в речи. Во всех алтайских языках употребительность глагольных имен чрезвычайно высока, поскольку именно они используются в высказывании для передачи смыслов, которые в индоевропейских языках можно передать лишь при помощи союзных сложноподчиненных и сложносочиненных предложений.

В связи с этим с синтаксической точки зрения формы причастий, деепричастий, а также «отглагольных имен существительных» зачастую считают средствами выражения подчиненной мысли в сложноподчиненном предложении. Так, у А. Н. Конова можно найти следующее заключение: «Под термином „деепричастие“ в грамматике турецкого языка объединяется чрезвычайно обширная категория различных по происхождению и значению аффиксов, синтаксические функции которых заключаются в передаче содержания различного рода придаточных предложений» [1, с. 153].

Некоторые исследователи полагают, что глагольно-именные формы используются в речи именно для оформления сказуемого зависимой части сложноподчиненного предложения, т. е. приписывают этой форме способность передавать информацию о наличии субъектно-предикатной связи между объектами. Например, Е. И. Убрятова замечает в отношении якутских причастий, что они способны передавать временные значения и выступать в предложении в качестве сказуемого, причем как в простом, так и в сложноподчиненном предложении (в сложноподчиненном предложении — как сказуемое и главного, и придаточного предложения) [4, с. 39].

Глагольные имена и способы их использования в речи рассматриваются в работах целого ряда ученых, посвященных изучению так называемых «полипредикативных» конструкций. Интересен взгляд на эту проблему, предложенный новосибирскими лингвистами, в частности М. И. Черемисиной. С точки зрения М. И. Черемисиной, природа инфинитных форм глагола определяется в первую очередь их синтаксическими функциями, а именно тем, что все они являются «подчиненными», «зависимыми», в результате чего они и не могут функционировать в роли сказуемого простого предложения [5, с. 88]. Каждая из форм при этом «представляет свой тип синтаксической зависимости», который и следует считать значением соответствующего аффикса: деепричастие определяется как «форма подчинения глагола глаголу», а причастие, в свою очередь, как форма подчинения глагола имени существительному [5, с. 89].

Что же касается синтаксической природы конструкций, включающих элементы, традиционно именуемые причастными или деепричастными оборотами, они рассматриваются как особый тип полипредикативных конструкций. «Эти конструкции по своим объективным свойствам оказываются между двумя ведомствами синтаксиса, ибо они не таковы, чтобы без оговорок назвать их простыми, но и не таковы, какими мы привыкли видеть сложные предложения» [6, с. 196]. При этом все деепричастные, инфинитивные и причастные конструкции, хотя и не являются собственно предикативными, безусловно, ближе к ним нежели, например, обособленные определяющие имена [5, с. 86].

Полипредикативные конструкции подразделяются на полисубъектные и моносубъектные: «Зависимая часть должна содержать позицию предикативной вершины — формы, выражающей действие или признак, предиктируемый некоторому субъекту. Это может быть тот же самый субъект, которому предиктировано финитное сказуемое — тогда конструкция называется моносубъектной; либо она имеет собственный субъект, выраженный специальной словоформой — функциональным аналогом подлежащего финитных конструкций или специальными грамматическими показателями. Конструкции с собственным субъектом — разносубъектные» [7, с. 45]. М. И. Черемисина и Е. К. Скрибник отмечают, что, если полипредикативные конструкции с глагольными именами являются разносубъектными (зависимая часть содержит позицию подлежащего), их следует оценивать скорее как особый тип сложного предложения.

Конструкции с причастными, деепричастными и инфинитивными оборотами, в составе которых нет позиции подлежащего, следует считать осложненными — не простыми и не сложными предложениями [5, с. 89–90].

Данная позиция обусловлена, с одной стороны, тем, что, в отличие от «собственно сложных» предложений, где обе части «сохраняют структурную самостоятельность», в полипредикативных конструкциях с глагольными именами обе их части не могут выступать в качестве самостоятельных высказываний [5, с. 14]. С другой стороны, М. И. Черемисина настаивает на том, что инфинитные формы глагола в алтайских языках способны «предиктировать выражаемый ими признак субъекту, отличному от субъекта главного действия», т. е. они выполняют функцию предиката [6, с. 194]. Для обозначения данных форм в работах исследовательницы вводится и активно используется термин «инфинитный предикат». Признается также наличие определенной парадигмы спряжения инфинитных предикатов, где в качестве показателей грамматического лица используются формы, «материально совпадающие с аффиксами принадлежности» [8, с. 42–43]. Утверждается, что в алтайских языках существуют две противопоставленные системы выражения предикации: одна обслуживает свободные высказывания, другая используется в зависимых высказываниях, которые обязательно грамматически выражают соотнесенность представляемого ими события с каким-то другим событием. К последним относится также система притяжательного оформления зависимых предикатов, тогда как, например, в европейских языках используется одинаковая схема для оформления предикатов как зависимых, так и независимых синтаксических групп. Тем не менее, с функциональной точки зрения причастия и другие глагольно-именные формы признаются предикатами. Они соответствуют финитным формам с лично предикативными показателями в индоевропейских языках, т. е. финитному предикату соответствует инфинитная форма причастия или деепричастия, а субъекту в именительном падеже — субъект в родительном падеже [8, с. 46–47].

В одной из работ М. И. Черемисина также отмечает, что традиционное разделение на финитные и инфинитные формы глагола она находит устаревшим. Инфинитную форму следует рассматривать как специфическую форму сказуемого зависимой предикативной единицы в составе полипредикативного предложения [6, с. 313]. Именно это, по мнению автора, стимулирует генерацию все новых форм данного класса и обуславливает наличие столь большого количества данных форм в алтайских языках [6, с. 315].

Данная точка зрения на природу глагольных именных форм получила довольно широкое распространение в работах, посвященных алтайским языкам. Ее можно встретить и в работах Ю. В. Щеки: «Полипредикативным предложением с развернутыми членами называется предложение, содержащее развернутые члены, построенные с использованием неличных форм глагола (причастий, деепричастий, отглагольных имен)» [2, с. 338]. При этом автор отмечает, что данные синтаксические образования не являются придаточными предложениями, поскольку предикат не выражен финитной формой глагола. С последним аргументом нельзя не согласиться, однако спорным, по всей видимости, остается вопрос о том, стоит ли придавать причастным и деепричастным оборотам особый статус переходных, «промежуточных» явлений между сложным и простым предложением.

Наиболее радикальный взгляд на проблему интерпретации природы данных форм и способов их функционирования в речи представлен в работах профессора В. Г. Гузева, где они рассматриваются с точки зрения разработанной автором теории вторично-

го гипостазирования. Термин «гипостазирование» был введен немецким лингвистом Э. Лейзи для обозначения способности языка представлять любое явление как предмет, признак или действие и наделять его самостоятельным существованием, при этом результаты гипостазирования могут не соответствовать нашим обыденным или научным представлениям об этом явлении [9, S. 23–25].

Сущность теории вторичного гипостазирования заключается в том, что помимо механизмов первичного гипостазирования в языках имеются средства оперативного представления уже существующей семантической единицы в образе, который соответствует классифицирующему грамматическому значению другого класса лексем (в частности, в образе предмета признака или обстоятельства) [10].

К явлениям подобного рода относится, например, именная категория вторичной репрезентации, представленная в турецком языке аффиксом *-ki*, который позволяет представить какое-либо обстоятельство как предмет или признак: *yarın* «завтра» — *yarınki* «то, что произойдет завтра», «завтрашний». Очевидно, в данном случае *yarınki* представляет собой двухуровневое образование, репрезентирующее две ступени гипостазирования: то, что уже было представлено языком в виде обстоятельства, приняло образ предмета или признака.

Помимо именной в языках существует также глагольная категория вторичного гипостазирования, которая служит механизмом представления явления, первично интерпретируемого как действие, в образах предмета, признака или обстоятельства. Поскольку последние соответствуют классифицирующим грамматическим значениям именных классов лексем, а именно существительных, прилагательных и наречий, формы глагольного вторичного гипостазирования объединяются в категорию номинализации действия. При этом в данную категорию включаются также формы деепричастий, которые служат средством оперативного представления действия в качестве обстоятельства, тогда как «обстоятельственность» признается классифицирующим грамматическим значением наречий. Подобный взгляд на природу деепричастных форм глагола нашел свое отражение в работах французского ученого Ж. Дени: в одной из них он относит деепричастия к именным формам глагола [11].

Указание на интерпретационную природу именных форм глагола, на их способность представлять действие в образах признаков или предметов можно встретить у многих авторов. Так, например, в работах В. В. Виноградова мы находим следующее описание отглагольных имен существительных русского языка: «В отглагольных существительных на *ние*... стираются не только залоговые, но и видовые оттенки значения... Субстантивация действия, его „опредмечивание“ парализуют грамматические свойства глагола» [12, с. 102]. Причастия лингвист характеризует следующим образом: «Это причастия, в которых глагольность выражается как окачественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного. Естественно, что в причастии, которое не оторвалось от системы форм глагола, сохраняются основные семантические признаки глагольности, т. е. вид и залог. <...> ... в разных типах современных причастий... выражены значения настоящего и прошедшего времени» [12, с. 221]. Сходный подход можно встретить и в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, где именной форме глагола дается следующее определение: «форма глагола, в которой процесс (действие, состояние), оставаясь по существу процессом, частично представляется как признак (причастие) или частично опредмечивается (герундий, инфинитив)» [13, с. 172].

Если рассматривать категорию номинализации действия с точки зрения теории вторичного гипостазирования, то в ней можно по функциональному признаку выделить следующие более частные категории: причастия — окказионально представляют действие в образе признака, деепричастия — представляют действие в виде обстоятельства, имена действия (масдары) — представляют действие в виде предмета. Помимо этого В. Г. Гузев выделяет также особые субстантивно-адъективные формы (в турецком языке это формы *-acak* и *-dik*), которые объединяет то, что они могут представлять действие и как предмет, и как признак предмета. При этом от имен действия их отличает способность не просто называть действие, а сообщать о факте его совершения, соотношенном с каким-либо временным планом. Что касается атрибутивного их использования, то от причастий эти формы отличает отсутствие агентивного значения [14, 15]. Следует отметить, что большинство существующих грамматик тюркских языков не учитывают указанных отличий и ошибочно относят все имеющиеся в языке формы с адъективным значением к причастиям.

Подобная интерпретация природы глагольно-именных форм позволяет с уверенностью отнести их к словоизменительному, а не словообразовательному механизму языка. С семантической точки зрения представляется очевидным, что словоформы, полученные в результате присоединения показателя номинализации действия, не осознаются носителями языка как наименования иных явлений окружающей действительности: меняется лишь «образ», в котором предстает данное явление — то, что интерпретировалось как действие, предстает в образе признака, предмета или обстоятельства. Помимо этого существует ряд формальных признаков, свидетельствующих в пользу словоизменительной природы данных форм, а именно то, что формы эти: 1) зачастую сохраняют глагольное управление; 2) способны выступать в продуктивных залоговых формах; 3) могут образовывать отрицательную форму при помощи глагольного аффикса отрицания *-ta*; 4) способны оформлять сложные глагольные образования, в частности так называемые аналитические конструкции [14].

Следует отметить, что М. И. Черемисина в своих работах также высказывается в пользу словоизменительного характера именных форм глагола (нужно уточнить, что под именными формами глагола М. И. Черемисина понимает, прежде всего, имена действия и причастия): «Именными формами глагола мы называем формы, регулярно образуемые от глагольных основ, представляющие действие в номинализованной семиотической форме и сохраняющие при этом категориальные признаки глагола: модальность, время, субъектно-объектные валентности, видовые (аспектуальные) и залоговые характеристики. Именно сохранение этих категориальных признаков глагола и обеспечивает именным формам законное место в парадигме глагольного слова, т. е. статус глагольных форм, а не лексических производных глагола» [8, с. 47].

Суммируя вышесказанное, можно прийти к следующему заключению: все именные формы глагола следует объединять в категорию номинализации действия, в состав которой в тюркских и других алтайских языках могут входить формы причастий, деепричастий, имен действия (масдаров), а также субстантивно-адъективные формы, которые следует отличать от причастий. Точку зрения, согласно которой данные формы в тюркских языках относятся к словообразовательному механизму языка, следует считать устаревшей.

Литература

1. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. 312 с.
2. Щека Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 672 с.
3. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 448 с.
4. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006. 603 с.
5. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 200 с.
6. Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
7. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Опыт формального описания причастно-последовательных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука, 1980. С. 38–76.
8. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Скрибник Е. К. и др. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 319 с.
9. Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1961. 135 S.
10. Гузев В. Г. Опыт применения понятия «гипостазирование» к тюркской морфологии // Востоковедение: филологические исследования / отв. ред. И. М. Стеблин-Каменский. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. Вып. 21. С. 29–36.
11. Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte Osmanli). Paris: Éditions Ernest Leroux, 1921. 1218 p.
12. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
13. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
14. Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языка) // *Turcologica*. Л.: Наука, 1976. С. 56–64.
15. Гузев В. Г. О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами, в современном турецком языке // Советская тюркология. Баку: Изд-во Академии Наук Азербайджанской ССР, 1977. С. 36–43.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

М. О. Смирнова

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТИБЕТСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Люди с самых древних времен задумывались о проблемах языка. Способы представления знаний о языке, сформировавшиеся в тех или иных цивилизациях, принято считать лингвистическими традициями. Также лингвистическими традициями именуют те или иные национальные границы, в которых развивается наука о языке. Понятие лингвистической традиции тесно связано с национальным характером лингвистических исследований в разных культурных ареалах [1, с. 13].

Всего в истории языкознания выделяют от трех до шести основных лингвистических традиций. К главным традициям наряду с китайской, индийской и греческой относят древнеегипетскую, аккадскую и арабскую.

Тибетская лингвистическая традиция формировалась под влиянием индийского языкознания. В соответствии с тибетской классификацией лингвистика (санскр. *śabdavidyā*, тиб. *sgra'i rig pa* «наука о звуках») входила в число пяти великих наук наряду с буддийской религиозной доктриной (санскр. *adhyātmavidyā*, тиб. *nang gi rig pa*), логикой (санскр. *hetuvidyā*, тиб. *gtan tshigs kyi rig pa*), медициной (санскр. *cikitsāvidyā*, тиб. *gso ba'i rig pa*) и ремеслом (санскр. *silpakarmasthānavidyā*, тиб. *bzo gnas kyi rig pa*).

Согласно тибетским источникам развитие тибетской грамматической традиции началось сразу же после появления письменности. Тибетское письмо возникло в начале VII в. на основе индийской письменности с добавлением ряда графем для отсутствовавших в санскрите звуков. Тибетская традиция считает создателем письма Тхонми Самбхоту (*Thon mi sambhoṭa*), советника царя Сонгцэн Гампо (тиб. *Srong btsan sgam po*)². Неизвестно, существовали ли до этого момента в отдельных частях Тибета какие-либо виды письма. Введение единой письменности было обусловлено административными целями и необходимостью переводить буддийские тексты с санскрита. Наиболее ранний сохранившийся образец тибетского письма — надпись на стеле в деревне Шол (тиб. *Zhol rdo ring*, современная Лхаса) — относится к 767 г. [3, p. 75].

Среди исследователей отсутствует единое мнение по поводу того, на основе какой разновидности индийского письма была создана тибетская письменность. Некоторые исследователи считают, что тибетцы создали письмо на основе алфавита *деванагари*, другие полагают, что прообразом тибетского письма стала письменность *брахми* (северный вариант гуптского алфавита).

Тибетский исследователь Нгавангтондуб Наркьид (тиб. *Ngag dbang don grub snar skyid*) приводит три основные версии происхождения тибетского письма. В соответствии с первой версией, которая излагается в комментариях к трактатам «Сумчупа»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Тибетская грамматическая традиция» (11-34-00227a1).

² Здесь и далее транскрипция тибетских имен и названий осуществляется преимущественно в соответствии с системой транскрипции, использованной в переводе сочинения «Синяя летопись» Шоннупэла [2, с. 576–639]. Исключение составляют следующие случаи: *ng* транскрибируется как *нг*; *ḍ* в начале слога — как *о*; *j* — как *чж*.

© М. О. Смирнова, 2012

и «Тагкичжугпа» Карма Ситу Цуглаг Чойки Нангвы (тиб. *Karma si tu gtsug lag chos kyi snang ba*, 1700–1774), также известного как Ситу Махапандита (*Si tu mahāpaṇḍita*), основой тибетской письменности было письмо *нагари* (тиб. *nāgara'i yi ge*), которое являлось вариантом письменности *деванагари*, используемой кашмирцами. Вторая, наиболее популярная среди самих тибетцев версия, существующая с XVII в., предполагает, что тибетское письмо *учен* (тиб. *dbu can*) произошло от письма непальских буддистов *ланьчжа* (тиб. *lan tsha*, *lanu+dza*), а письмо *умэ* (тиб. *dbu med*) — от письма *варту* (тиб. *war tu*). Согласно третьей версии тибетское письмо *учен* происходит от гуптского письма, а на основе *учен* уже возникает письмо *умэ*. Данная теория основывается на том, что письменности *ланьчжа* и *варту* появились в Тибете только в XI в. и, таким образом, не могли повлиять на создание тибетского письма [4, p. 207–209].

Важным фактором, повлиявшим на формирование тибетской лингвистической традиции, стало заимствование буддизма из Индии. Распространение буддизма способствовало проникновению в тибетскую культуру многочисленных элементов индийской культуры. Также следует отметить другой источник влияния на тибетскую лингвистическую традицию — Китай, граничащий с Тибетом на востоке. Данное влияние в частности отразилось в заимствовании китайской грамматической терминологии³ [5, с. 186–192].

Вместе с распространением в Тибете индийского буддизма, а именно буддизма Махаяны (санскр. *Mahāyāna*) и Ваджраяны (санскр. *Vajrayāna*), в VII в. началась деятельность по переводу индийских текстов, достигшая своего пика к IX в.

Большинство переводимых текстов были написаны на буддийском гибридном санскрите. Как указывает тибетолог П. К. Верхаген, систематизации переводческой деятельности в ранний период распространения буддизма (VII — середина IX в.) способствовало покровительство тибетских царей династии Ярлунг (тиб. *Yar lung*), в особенности упомянутого выше Сонгцэн Гампо, Тисонг Дэцэна (тиб. *Khri srong lde brtsan*, 755–797) и Тицуг Дэцэна (тиб. *Khri gtsug lde brtsan*, 815–838) [6, p. 9]. Была создана специальная комиссия (тиб. *bcom ldan 'das kyi ring lugs kyi 'dun sa*, букв. «Собрание традиции Бхагавана»), состоящая из тибетских и индийских ученых, целью которой стало исправление переводов для достижения единообразия в терминологии и методах перевода [6, p. 10].

Результатом работы комиссии стали два санскритско-тибетских лексикографических справочника: словарь «Махавьютпатти» (санскр. *Mahāvīyutpatti*, тиб. *Bye brag tu rtogs byed chen po*) и комментарий к нему «Мадхьявьютпатти» (санскр. *Madhyavīyutpatti*, тиб. *Bye brag tu rtogs byed chen po 'bring po*, *Sgra sbyor bam po gnyis pa*). Оба труда позднее вошли в состав канонического сборника Тэнгьюр (тиб. *Bstan 'gyur*).

За падением царской династии в 840 г. последовал упадок буддизма в Тибете, распространение вновь получили местные религиозные культы и традиции. Однако в конце XI в. наблюдалась вторая волна распространения буддизма, которая началась в Восточном и Западном Тибете и вызвала возобновление переводческой деятельности.

В XIV в. появилось первое систематическое собрание переводов, объединенных в два тибетских канонических сборника: Тэнгьюр (тиб. *Bstan 'gyur*) и Кангьюр (тиб. *Bka' 'gyur*). Первое объединение переводов в канонические сборники было осуществлено Уйпа Лосэлом (тиб. *Dbus pa blo gsal*), Сонам Осэром (тиб. *Bsod nams 'od zer*) и Чжангчуб-

³ Например, термины для обозначения графем в трактате «Тагкичжугпа» имеют китайское происхождение. Также существует гипотеза, что тибетский грамматический термин *ming* «слово» заимствован из китайского языка [5, с. 186–192].

бумом (тиб. *Byang chub 'bum*) в монастыре Нартан (тиб. *Snar thang*). Тэнгьюр в основном содержал переводы буддийских текстов, также в него входили трактаты по медицине, астрономии, лингвистике и другим средневековым буддийским наукам. Согласно каталогам тибетского ученого Будон Ринчендуба (тиб. *Bu ston rin chen grub*, 1290–1364), Тэнгьюр содержит 23 грамматических трактата, переведенных с санскрита.

Большая часть из двадцати трех переведенных с санскрита грамматических трактатов, вошедших в канон, принадлежит к буддийским грамматическим системам Чандра и Катантра [6, р. 50]. Грамматика Панини была слишком сложной, чтобы использоваться в качестве учебника или руководства для начинающих, что привело к созданию упрощенных буддийских грамматик. Наиболее ранним подобным трудом является трактат «Каумаралата» (санскр. *Kaumāralāta*, приблизительно 325 г.), однако нет сведений относительно того, что данный трактат переводился на тибетский язык [6, р. 51]. Грамматика «Катантра», также известная как «Каумара» (санскр. *Kaumāra*) и «Калапа» (санскр. *Kalāpa*, приблизительно 400 г.), представляет собой переработку данного сочинения. В V в. появляется «Грамматика Чандры». Авторы данных трактатов приводили только основные грамматические правила санскрита, опуская исключения.

В средние века обе эти грамматики получили широкое распространение в Северной Индии, поэтому именно они стали наиболее популярны среди тибетцев, заимствовавших буддизм. Свидетельства этому обнаруживаются в биографии Будон Ринчендуба, написанной его учеником Ринчен Намгьялом (тиб. *Rin chen rnam rgyal*, 1318–1388). Согласно тексту биографии, Будон Ринчендуб занимался изучением санскритской грамматики, основываясь преимущественно на этих двух работах. К грамматикам «Чандра» и «Катантра» также обращались Лодой Тэнпа (тиб. *Blo gros brtan pa*, 1276–1342) и другие тибетские ученые [6, р. 52].

С приходом в Индию мусульман и последующим искоренением буддизма количество индийских текстов, проникающих в Тибет, сократилось. Однако переводческая деятельность не прекратилась полностью. По мнению П. К. Верхагена, это подтверждается тем фактом, что в редакцию Тэнгьюра XVIII в. вошли двадцать четыре санскритские грамматики, которые не упоминались в каталоге Тэнгьюра, составленном в монастыре Шалу (тиб. *Zha lu*) [6, р. 108].

Зарождение традиционного тибетского языкознания связывается самими тибетцами с созданием двух грамматических трактатов: «Сумчупа» (тиб. *Sum cu pa*) и «Тагкичжугпа» (тиб. *Rtags kyi 'jug pa*), — авторство которых приписывается Тхонми Самбхоте. Считается, что царь Сонгцэн Гампо в 632 г. послал в Индию Тхонми Самбхоту с целью изобретения тибетского алфавита. По возвращении в Тибет Тхонми Самбхота создал тибетский алфавит, а в 635 г. им была составлена тибетская грамматика, состоящая из восьми трактатов [7, с. 26].

Первое упоминание о составленных Тхонми трактатах содержится в «Истории буддизма» (тиб. *Chos 'byung*) тибетского историка Будон Ринчендуба. В сочинении сказано: *yi ge dang sgra'i bstan bcos brgyad mdzad* «составил восемь трактатов о буквах и [грамматических] показателях» [8, р. 2]. Однако ни названия трактатов, ни подробная информация об их авторе и времени его путешествия в Индию в данном сочинении не приводятся. Более поздние источники «Синяя летопись» (тиб. *Deb ther sngon po*) Шоннупэла (тиб. *Gzhon nu dpal*, 1392–1481), «Красная тетрадь» (тиб. *Deb ther dmar po*) Цэлпа Кюнга Дорчже (тиб. *Tshal pa kun dga' rdo rje*, 1309–1364), «Ясное зеркало царских родословных» (тиб. *Rgyal rabs gsal ba'i me long*) Сонам Гьялцэна (тиб. *Bsod nams rgyal*

mtshan, 1312–1375) и «Пир мудрецов» (тиб. *Mkhas pa'i dga' ston*) Паво Цуглаг Тэнгва (тиб. *Dpa' bo gtsug lag 'phreng ba*, 1504–1566) также содержат только краткую информацию о первых грамматических трактатах и их авторе [9, p. 20].

Традиционно считается, что «Сумчупа» и «Тагкичжугпа» являются пятой и шестой из восьми составленных Тхонми работ, остальные шесть не сохранились. Однако известны названия еще двух сочинений: «Ожерелье повелителя змей» (тиб. *Klu dbang mgul rgyan*) и «Светильник, [освещающий] темноту» (тиб. *Mun pa'i sgron me*). О последнем позднейший комментатор сообщает, что в этом трактате описывались правила санскритского произношения, а не тибетский язык [5, с. 179].

Вследствие того, что остальные шесть трактатов не сохранились и названия большинства из них неизвестны, Инаба Сёдзю (*Inaba Shōju*) и другие ученые предположили, что слова *bstan bcos brgyad* «восемь трактатов» в сочинении Будона соотносятся с «Аштадхьяи» Панини и под ними следует понимать просто «грамматические *шастры*». По мнению американского востоковеда и лингвиста Р.Э. Миллера, с равной вероятностью Будон здесь может ссылаться на ранний тибетский трактат, посвященный по большей части санскритской грамматике, — «Основу восьми главных тем». Имя автора трактата Чекьидуга встречается в более раннем тексте «Мадхьявьяютпатти» (комментарии к первому санскритско-тибетскому словарю «Махавьяютпатти»), вследствие чего можно предположить, что Чекьидуг жил около 798–815 гг. Таким образом, данный автор жил раньше Тхонми Самбхоты, который в этом сочинении не упоминается [8, p. 3].

Любопытным фактом является и то, что все поздние тибетские исторические источники передают имя Тхонми в разных формах: *Thon mi*, *Thu mi*, *'Thon mi*, *Mtho mi* и др. У его санскритского имени также есть несколько вариантов. По мнению Р.Э. Миллера, данные формы могут быть связаны с тибетским грамматическим термином *mthun pa* «согласованный, соответствующий», санскритским эквивалентом которого является *api*, а санскритское имя *Sambhoṭa* — с санскритским *sama* со схожим значением [8, p. 4]. Таким образом, и сочетание *Thon mi 'Ani'i bu*, которое традиционно переводится как «Тхонми, сын [рода] Ану» или «сын Тхонми Ану», и сочетание *Thon mi Sambhoṭa* являются лишь игрой слов, основанной на параллелизме тибетских и санскритских терминов.

Трактат «Сумчупа» составлен в семисложных стихах, объединенных в *шлоки* (санскр. *śloka*, тиб. *sh+lo ka*, *sho kla*)⁴. Некоторые исследователи полагают, что название относится к количеству *шлок* в трактате и переводится как «[Содержащий] тридцать [*шлок*]». Тибетцы включают в грамматику вступительную часть — поклонение божествам и святым и обещание составления трактата. Тибетские авторы выделяют в трактате от 33 до 35 *шлок*. В изданиях грамматики «Сумчупа» А. Ронаташа и Ж. Бако отсутствует вступительная часть, поэтому текст включает 29 *шлок*. Также существует мнение, что название сочинения следует переводить как «[Посвященный] тридцати [буквам]». В таком случае название относится к тридцати согласным тибетского алфавита.

Точное время составления трактата неизвестно. Исследователи полагают, что наиболее ранние фрагменты грамматики относятся к VII в., в то время как некоторые наиболее поздние фрагменты датируются IX в. [5, с. 195].

В трактате «Сумчупа» можно выделить четыре части. Первая, вступительная, часть — поклонение божествам и святым и обещание автора сочинить трактат. Вторая

⁴ Элемент стихотворного текста (аналог строфы). В трактате «Сумчупа» *шлоки* включают от двух до пяти семисложных строк.

часть представляет собой набор правил, в которых описываются тибетский алфавит, различные категории букв, правила образования слога и сочетания графем. В третьей части приводятся алломорфы и описываются функции различных служебных лексем и морфем. В четвертой части описываются этапы обучения и обосновывается важность грамматического знания, которую авторы трактата видят в том, чтобы стать образованным и постигнуть буддийскую религиозную доктрину.

Описание в трактате «Сумчупа» во многом следует индийской традиции. Большинство специальных терминов являются переводом терминов из грамматики Панини. Понимание трактата во многом зависит от верного толкования его грамматической терминологии. Однако при объяснении функций грамматических лексем и морфем, упомянутых в сочинении «Сумчупа», между авторами традиционных комментариев и западными исследователями возникают определенные расхождения.

Трактат «Тагкичжугпа» также составлен в стихотворной форме. Однако, как отмечают исследователи, композиционные особенности трактатов «Сумчупа» и «Тагкичжугпа» отличаются, что указывает на то, что грамматики, вероятно, были составлены в разное время и разными авторами. Об этом же свидетельствует и использование разной терминологии для обозначения одних и тех же языковых явлений. Грамматика «Тагкичжугпа» была составлена после реформы языка в IX в., поскольку описываемые в ней формы глаголов соответствуют языку переводов данного периода [8, p. 7–16].

В словаре Г. А. Йешке (*H. A. Jäschke*) термин *rtags* в названии трактата толкуется следующим образом: «любой знак, обозначающий грамматические различия, например окончания» [10, p. 107]. Таким образом, название трактата *Rtags kyi 'jug pa* следует понимать как «использование таких знаков для грамматического различения» [10, p. 108]. Однако Сарат Чандра Дас (*Sarat Chandra Das*) перевел название грамматики как «описание различия родов», что, по мнению Р. Э. Миллера, привело к неверному пониманию как названия, так и содержания трактата. Интерес представляет тот факт, что термин *rtags* «знак» (санскр. *liṅga*), использованный в названии грамматики, в тексте трактата не встречается, хотя и является главным объектом его описания. Самое простое объяснение этого заключается в том, что название было добавлено к сочинению в более поздний период. Р. Э. Миллер указывает, что то же самое можно сказать и о санскритских названиях обеих грамматик «Сумчупа» (санскр. *Vyākaraṇa-mūla-triṃśad*) и «Тагкичжугпа» (санскр. *Liṅgāvatāra*), встречающихся, например, в комментарии Ситу Махапандиты [10, p. 107].

Грамматика «Тагкичжугпа» посвящена описанию правил морфологической сочетаемости фонем. Однако в данной грамматике отсутствует соответствующая терминология, использованная в сочинении «Сумчупа». Например, в трактате «Тагкичжугпа» не используются ни ваджраянские термины *ā li* и *kā li*, ни термины *dbyangs* «гласная» и *gsal byed* «согласная». Вместо них автор или авторы грамматики называют соответствующие категории терминами *pho yi yi ge* «мужская фонема» и *mo yi yi ge* «женская фонема» [10, p. 93].

Трактаты также отличаются описанием показателей, выражающих падежные значения. В грамматике «Тагкичжугпа» служебные лексемы, выражающие предметные связи, перечисляются в порядке, который соответствует индийской модели описания падежей у Панини и других грамматистов: второй падеж (аккузатив), третий (инструменталис), четвертый (датив), пятый (аблатив), шестой (генитив), седьмой (локатив) и вокатив [10, p. 97]. В сочинении «Сумчупа» служебные лексемы, выражающие предметные связи, приводятся в другом порядке. Прочие служебные лексемы и морфемы в грамматике «Тагкичжугпа» описываются в том же порядке, что и в трактате «Сум-

чупа». Это, по мнению Р.Э.Миллера, может быть свидетельством того, что автор или авторы второй грамматики были знакомы с текстом сочинения «Сумчупа» [10, р.98].

Наиболее ранними сочинениями после трактатов «Сумчупа» и «Тагкичжугпа», посвященными тибетской грамматике, являются труд «Врата речи, [подобные] мечу» (тиб. *Smra sgo mtshon cha*) и комментарий к нему. Как указывает Р.Э.Миллер, авторство основного сочинения ошибочно приписывалось Кюнга Гьялцэну (тиб. *Kun dga' rgyal mtshan*), также известному как Сакья-пандита (тиб. *Sa skya paṇḍita*, 1182–1251). Р.Э.Миллер и П.К.Верхаген полагают, что автором грамматики является индийский буддийский ученый Сморитиджнянакирти (санскр. *Smṛtijñānakīrti*). Автором комментария, который посвящен непосредственно тибетской грамматике, является либо сам Сморитиджнянакирти, либо его тибетский ученик Чойки Сангпо (тиб. *Chos kyi bzang po*). Точное время создания текстов не установлено, однако согласно хронике «Синяя летопись» Чойки Сангпо был современником Атиши, который покинул Индию в 1040 г., прибыл в Тибет в 1042 г. и умер там в 1054 г. «Врата речи, [подобные] мечу» и комментарий к данному сочинению вошли в состав тибетского буддийского канона Тэнгьюр. Текст, состоящий из 495 строф, включает две части. Первая имеет индийское происхождение и посвящена санскритской грамматике, вторая описывает примерно тридцать тибетских грамматических элементов, в основном частицы, семнадцать из которых были предметом описания в трактате «Сумчупа» [8, р.60].

Обширными филологическими исследованиями, включавшими изучение санскритской грамматики и принципов перевода на тибетский язык, занимались Лодой Тэнпа (тиб. *Blo gros brtan pa*, 1276–1342) и его старший брат Шонгтон Дорчже Гьялцэн (тиб. *Shong ston rdo rje rgyal mtshan*) [13, р.46]. Предметом описания сочинения Лодой Тэнпы «Три ясных собрания» (тиб. *Tshogs gsum gsal ba*) являются восемь тибетских падежей, грамматические показатели и некоторые вопросы орфографии [11, р.46]. В грамматике обнаруживается множество калек с санскрита, позволяющих предположить непосредственное влияние санскритской науки о языке. Также автор использует эквиваленты санскритских терминов, характерные для традиции IX в. [5, с.201].

Краткость первых грамматических трактатов «Сумчупа» и «Тагкичжугпа» вызвала необходимость составления комментариев, которые, наряду с другими сочинениями, продолжали традицию описания сочетаний согласных в слого.

Одним из наиболее ранних сохранившихся грамматических трудов, написанных в духе двух первых грамматических трактатов, является фрагмент из сочинения Лодэн Шейраба (тиб. *Blo ldan shes rab*, 1059–1109) [5, с.200].

Для грамматического труда⁵ Сонам Цэмо (тиб. *Bsod nams rtse mo*, 1142–1182) характерно соединение индийской техники фонетического описания с традиционным для тибетского языкознания вниманием к комбинациям согласных. Второе сочинение данного автора включает эзотерические названия тибетских гласных. Автор утверждает, что гласных в тибетском языке пять, что противоречит предшествующей традиции, основанной скорее на графике, в соответствии с которой в тибетском языке четыре гласных [5, с.200].

⁵ Труд Сонам Цэмо написан в стихах и включает три текста со следующими названиями: «Объяснение различий букв и [их] классификация» (тиб. *Yi ge'i bye brag dang dbye bsdu bstan pa*), «Объяснение места образования фонем, способа произношения и способа чтения» (тиб. *Yi ge'i 'byung gnas dang/ 'byin thabs dang/ bklag thabs bstan pa*), «Объяснение санскрита и способа чтения мантр» (тиб. *Rgya gar gyi skad dang sngags kyi bklag thabs bstan pa*) [8, р.58].

Отрывки сочинений Лодэн Шераба и Сонам Цэмо цитировались в последующих грамматических сочинениях. Так, фонетический трактат Сонам Цэмо «Объяснение места образования фонем, способа произношения и способа чтения» цитируется в комментарии Ситу Махапандиты. Сочинения обоих авторов встречаются в обширном комментарии к трактатам «Сумчупа» и «Тагкичжугпа» (тиб. *Sum rtags 'grel chen*) Лобсанг Цултима (тиб. *Blo bzang tshul khrims*, 1845–1915).

Одним из выдающихся тибетских грамматистов является Сакья-пандита. К основным грамматическим сочинениям данного автора относят «Присоединение букв» (тиб. *Yi ge'i sbyor ba*), краткое изложение сочинения «Врата речи, [подобные] мечу», учебный текст «Вступление в речь» (тиб. *Sgra la 'jug pa*), «Врата, [в которые] входят мудрецы» (тиб. *Mkhas pa'i 'jug pa'i sgo*) [12, p. 208]. Сочинение «Украшение уст мудреца» (тиб. *Mkhas pa'i kha rgyan*), авторство которого точно не установлено, также приписывается Сакья-пандите. Как отмечает П. К. Верхаген, несмотря на то что в своих сочинениях автор не упоминает названия трактатов «Сумчупа» и «Тагкичжугпа», он использовал текст двух первых грамматик, особенно при написании сочинения «Присоединение букв».

XV–XVI вв. датируется комментарий к трактату «Сумчупа» Дхармапалабхадры (санскр. *Dharmapālabhadra*, 1441–1528), известный как «Вместилище драгоценностей» (тиб. *rin po che'i za ma tog*) [8, p. 81].

Описание комбинаций согласных в слоге в духе трактатов «Сумчупа» и «Тагкичжугпа» также характерно для сочинения Янгчен Гавэ Лодо (тиб. *Dbyangs can dga' ba'i blo gros*, ок. 1588–1615), составленного на рубеже XVI–XVII вв. [8, p. 76].

Морфонологическая установка прослеживается и в других грамматических трактатах, появляющихся вплоть до XX в. и характеризующихся явным стремлением возродить традицию описания языка в духе трактатов «Сумчупа» и «Тагкичжугпа». Самым известным из них является комментарий Ситу Махапандиты (1699/1700–1774) «Прекрасный жемчужный венок — ожерелье мудреца» (тиб. *Mkhas pa'i mgul rgyan tu tig phreng mdzes*), который наиболее ценится самими тибетцами.

Краткое изложение данного сочинения, составленное Нгулчу Дхармабхадрой (тиб. *Dngul chu dharma bha dra*, 1722–1851): «Устные наставления по сочинению великого ученого Ситу» (тиб. *Mkhas mchog si tu'i zhal lung*), — также относится к числу важных комментариев. Нгулчу Дхармабхадра является автором грамматической работы, посвященной трактатам «Сумчупа» и «Тагкичжугпа», — «Ожерелье из драгоценных камней кетак» (тиб. *Nor bu ke ta ka'i do shal*), а также двух трактатов, посвященных правилам чтения [12, p. 208]. Янгчен Дубпэ Дорчже (тиб. *Dbyangs can grub pa'i rdo rje*), племяннику и последователю автора, принадлежат краткое изложение трактата «Сумчупа», комментарий к нему «Волшебное дерево благих изречений» (тиб. *Legs bshad ljon dbang*) и сочинение «Зерцало, проясняющее сложные вопросы» (тиб. *Dka' gnad gsal ba'i me long*), посвященное грамматике «Тагкичжугпа» [12, p. 208].

Одним из первых комментариев к трактатам «Сумчупа» и «Тагкичжугпа», введенных в научный оборот на западе, стал «Драгоценный венок благих изречений — комментарий к основополагающим текстам „Сумчупа“ и „Тагкичжугпа“» (тиб. *Sum rtags gzhung mchan legs bshad nor bu'i phreng ba*), опубликованный Жаком Бако (*Jacques Bacot*) в 1928 г. в латинской транслитерации с приложением фотокопии рукописи, а также переведенный им на французский язык и снабженный подробными примечаниями. Имя автора «Драгоценного венка благих изречений» неизвестно. Соответственно, не может быть точно установлено и время написания данного комментария. Ж. Бако при-

писывает его авторство ученику Кедуб Дампы (тиб. *Mkhas grub dam pa*), который, по мнению Ж. Бако, обучался у Ситу Махапандиты. Таким образом, комментарий можно приблизительно датировать XVIII–XIX вв.

Число комментариев, продолжающих традицию двух первых грамматических трактатов, увеличивается и сегодня. При описании тибетской грамматики современные авторы до сих пор обращаются к сочинениям «Сумчупа» и «Тагкичжугпа» и комментариям. Так, одним из наиболее известных современных грамматических трудов, продолжающих лингвистическую традицию трактатов «Сумчупа» и «Тагкичжугпа», является «Ясное зеркало — введение в тибетскую грамматику» (тиб. *Bod kyi brda sprod rig pa'i khrid rgyun rab gsal me long*), написанное Келсанг Гьюрме (тиб. *Skal bzang 'gyur med*) в 1981 г. [14].

Таким образом, традиция описания сочетания согласных в слого, заложенная в трактатах «Сумчупа» и «Тагкичжугпа», продолжала развиваться в комментариях к ним. Следует отметить, что сочетание индийской техники фонетического описания с традиционным для тибетского языкознания вниманием к комбинациям согласных характерно и для других тибетских грамматических сочинений, не являющихся комментариями к первым грамматикам. Такая модель описания сохраняется до настоящего времени.

Источники и литература

1. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. История языкознания / под ред. С. Ф. Гончаренко. М.: Академия, 2007. 672 с.
2. Синяя Летопись / пер. с тиб. Ю. Н. Рериха, пер. с англ. О. В. Альбедилы, Е. Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001. 768 с.
3. Snellgrove D., Richardson H. A cultural history of Tibet. New York, 1968. 291 p.
4. Ngawangthondup Narkyid. The origin of the Tibetan script // Contributions on Tibetan language, history and culture. Delhi, 1995.
5. Иванов В. В. Тибетская грамматическая традиция в соотношении с санскритской (опыт комментария) // История лингвистических учений. Средневековый Восток / под ред. А. В. Десницкой, С. Д. Кацнельсона. Л.: Наука, 1981. С. 177–202.
6. Verhagen P. C. A history of Sanskrit grammatical literature in Tibet. Vol. I–II. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1993. Vol. I. Transmission of the canonical literature. 353 p.
7. Болсохоева Н. Д., Ванчикова Ц. П., Дашиев Д. Б. и др. Введение в изучение Ганчжура и Данчжура. Историко-библиографический очерк. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. 200 с.
8. Miller R. A. Studies in the grammatical tradition in Tibet. Amsterdam: John Benjamins, 1976.
9. Thubten Kunga Chashab. System of classical Tibetan grammar (Sum cu pa and Rtags kyi 'jug pa). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2008. 294 p.
10. Miller R. A. Prolegomena to the first two Tibetan grammatical treatises. Wien: Arbeitskreis für Tibetische und Buddhistische Studien Universität Wien, 1993. 252 p.
11. Verhagen P. C. The classical Tibetan grammarians // History of the Language Sciences. Vol. I–III. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. Vol. I. P. 207–210.
12. Duff T. The Illuminator Tibetan-English Encyclopaedic Dictionary [Электронный ресурс] / transliterated Style Electronic Edition 5.10 January 1st, 2005 (ver 1.000 3rd March, 2000). 1 CD-ROM.
13. Tshe tan zhab drung: Tshe tan zhab drung. Gangs can bod kyi brda sprod pa'i bstan bcos sum cu ba dang rtags 'jug gi rnam gzhag rgya cher bshad pa thon mi'i zhal lung zhes bya ba bzhugs so. Beijing: Kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 2005. 349 p.
14. Skal bzang 'gyur med. Bod kyi brda sprod rig pa'i khrid rgyun rab gsal me long. Chengtu: Sichuan Nationalities Publishing House, 1981. 453 p.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

Л. М. Ульмезова

**О ТЕРМИНЕ «СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ»
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Под наклонением обычно понимают грамматическую категорию, выражающую отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего [1, с. 321].

В индоевропейском языкознании сослагательное наклонение трактуется как категориальная форма косвенного наклонения, обычно с развитой системой оттенков модального значения, объединяемых общим признаком отсутствия прямого соответствия содержания высказываемого действительности [2, с. 249]. В настоящее время делаются первые шаги по внедрению понятия «сослагательное наклонение» в тюркское языкознание, хотя первым, кто недвусмысленно заговорил об этом наклонении на материале древнеуйгурского языка, стал Д. М. Насилов. В трудах по тюркским языкам, о каком бы из них ни шла речь, формы сослагательного наклонения не представлены. Важность и актуальность вопроса определяется тем, что аналогичные формы имеются во всех тюркских языках и процесс преодоления их ошибочного истолкования, как будет показано, необходимо продолжать путем детального исследования материала конкретных языков.

В карачаево-балкарском языке существуют сложные глагольные финитные формы $-(A/BI)r$ эди (отрицательная форма $-mAз$ эди), $-лЫк(ь)$ эди / $-(A/BI)рЫк(ь)$ эди, которые указывают на то, что действие должно было, могло или могло бы совершиться, но в действительности не совершилось [3, с. 14–15; 4, с. 34–35]. Иначе говоря, эти формы имеют значение сослагательной модальности, характеризующейся несоответствием содержания высказывания действительности [3, с. 14–15; 5, с. 473–474; 6, с. 39, 191; 7, с. 119]. Следует отметить, что в тюркских (а также во многих индоевропейских) языках, значение сослагательности в диахроническом аспекте является продуктом взаимодействия двух временных значений — будущего и прошедшего, носителями которых выступают морфемы — компоненты составных показателей этих форм [8, с. 96].

В карачаево-балкарском языке морфемы $-(A/BI)r$ (отрицательная форма $-mAз$) и $-лЫк(ь)$ / $-(A/BI)рЫк(ь)$ выражают будущее время, за ними следует морфема прошедшего времени эди. Эти морфемы представляют собой омонимы неопределенного имперфекта II и будущего в прошлом.

Форма неопределенного имперфекта II с морфемой $-(A/BI)r$ (в отрицательном статусе $-mAз$) эди характеризует действие, совпадающее с прошлым периодом ориентации как не связанное с какой-либо конкретной ситуацией в прошлом:

Сабийле аны ызындан жилип бар+ыр эди+ле (информант). — «Дети, плача, шли за ней».
Не бек туююп кюрешседа, ат таргъа кирирге уна+маз эди (информант). — «Как бы он ни стегал коня, он упрямылся и не входил в ущелье».

Форма будущего в прошлом с морфемой *-лЫк(ь) эди / -(А/Ы)рЫк(ь) эди* в составе индикатива имеет значение, сигнализирующее о следовании действия за прошлым периодом ориентации:

Алай эди да, эринмеген, къарыучугъу болгъан адам анда да жашаял+лыкъ эди [9, с. 34]. — «И было вот, что кто не ленился и имел достаточно сил, **мог бы прожить** и там».

Баям, бир белгили зат айт+ырыкъ болур эди [10, с. 10]. — «Наверное, он **собирался сказать** что-то важное».

Возникновение значения сослагательности в результате переосмысления будущего в прошедшем — явление широко распространенное за пределами тюркских языков [8, с. 96]. Поскольку материальные средства выражения различных грамматических категорий относительно ограничены, для передачи новых значений используются уже имеющиеся в языке формы, значение которых при этом переосмысливается [11, с. 102; 12, с. 204].

Примеры использования формы *-лЫк(ь) эди / -(А/Ы)рЫк(ь) эди*:

Мен алай ауруп инжилмесем эди, жер юлюшчюгюмю ишлеп жашаргъа да бол+лукъ эди+м [9, с. 33]. — «Если бы я так не мучился от болезни, то я **смог бы** прожить и тем, что обрабатываю (свой) участок земли».

Алай эди да, эринмеген, къарыучугъу болгъан адам анда да жашаял+лыкъ эди [9, с. 34]. — «И было вот, что кто не ленился и имел достаточно сил, **мог бы прожить** и там».

Ала боллуимасала, чачылып, седиреп, тёрелерибиз кетип, халкълай къалмазгъа бол+лукъ эди+к [9, с. 69]. — «Если бы они не помогли (нам), мы **могли бы** утратить свои обычаи, рассеяться и исчезнуть как народ».

Примеры использования формы *-(А/Ы)р эди* (отрицательная форма *-мАз эди*):

Басхан суудан бир уртлам этип / Ёлсем, Къызгенде асыралгъан / Атамча, мен тынч жат+ар эди+м / Кёлюм къалгъанлыкъгъа къыралгъа [13, с. 378]. — «Если бы я умер, сделав глоток из реки Баксан, / То **упокоился бы** с миром, / Как мой отец, похороненный в Кызгене, / Хотя и есть обида на страну».

Черекге айтдым: / — Суюгеним / Болмаса эди, сен былай / Таза бол+маз эди+нг! / — Тюздю, тюздю! — деди черек [14, с. 19]. — «Сказал я реке: / — Если бы не моя любимая, / Ты **не была бы** такой чистой. / — Да, это правда! — ответила река».

Морфема *эди* способна, сливаясь с временными основами, формировать единую словоформу:

Халкъ насыбы къайдагъысын билсем эд, / Бутларымы мен ат этип, жет+ер+е+м (<жет+ер эди+м). / Арабызда къан ырхыла барсада, / Жюрегими къайыкъ этип, ёт+ер+е+м (<ёт+ер эди+м) [15, с. 205]. — «Если бы я знал, где счастье народа, / **Я бы прибежал** туда, / Если бы даже между нами текли реки крови, / **Я бы переплыл**, соорудив лодку из своего сердца».

В современном турецком языке существуют сложные глагольные финитные формы *-(А/І)rdİ* (отрицательная форма *-mAzdİ*) и *-(y)AcAktİ*, которые указывают на то, что действие должно было, могло или могло бы совершиться, но в действительности не совершилось [3, с. 14–15; 4, с. 34–35]. Эти формы представляют собой омонимы неопределенного имперфекта и будущего в прошлом.

Форма неопределенного имперфекта с морфемой $-(A/I)rdI$ / $-mAzdI$ ($< -(A/I)r\ idi$, $-mAz\ idi$) сигнализирует о том, что действие совершалось в прошлом неоднократно или в течение длительного периода времени, например:

*Asıkan köy çocukları da, kara kayanın dibine **gid+er**, güneşe **yalvar+ırdı*** [16, s.101]. — «А проголодавшиеся деревенские дети **шли к** подножью черной скалы, **обращались с мольбой к** солнцу».

*Hasan Ağa on paraya bile **kıy+mazdı*** [17, s.38]. — «Хасану Аге **было жалко** потратить даже десять парá».

Форма будущего в прошлом с морфемой $-(y)AcAktI$ ($< -(y)AcAk\ idi$) сигнализирует о том, что действие мыслится как следующее за каким-то периодом в прошлом:

*Derviş, kırkbirinci gün dışarı **çık+acaktı*** [16, s.106]. — «На сорок первый день дервишу **предстояло выйти** наружу».

Морфемы $-(A/I)rdI$ (отрицательная форма $-mAzdI$) и $-(y)AcAktI$ выражают будущее время, за ними следует морфема $(i)di$. Эта морфема способна, сливаясь с временными основами, формировать единую словоформу.

Сочетание значений будущего и прошедшего времени сформировало семантическую основу для сослагательного наклонения.

Примеры использования формы $-(A/I)rdI$ и $-(y)AcAktI$:

*Öte yandan, hükümetin de gözünden kaçmıyordu Kudret beğ'in dini siyasete âlet eden konuşmaları... Öküz altında buzağı arıyan iktidar hükümeti isterse binbir delil **bulabil+irdi** konuşmalarında, **tutukla+r**, **at+ardı** içeri ama, bu da «politik siyaset»e uymadığından, herifi tutuklamıyorlardı. Çünkü halk gemi aziya almıştı zaten. Herifi tutuklayıp içeri atarlarsa, muhalefetin ekmeğine yağ sürmüş **ol+acak+lar**, herif **kahramanlaş+acaktı*** [18, s.241]. — «С другой стороны, речи Кудрет-бея о религии как об орудии политики тоже не укрывались от внимания властей... Если правительство, которое ищет теленка под быком (т. е. пытается доказать виновность человека при помощи нелепых доводов. — Л. У.), захотело бы, то **смогло бы** найти в его речах тысячу улик, **арестовало бы** его, **бросило бы** в тюрьму, однако и оно никого не арестовывало (только) из-за „политической неблагонадежности“. Поскольку ведь и народ тоже закусил удила. Если бы они (власти) арестовали человека и бросили бы в тюрьму, то тем самым они пролили бы воду на мельницу оппозиции (букв: „намазали бы масло на хлеб оппозиции“), и человек этот **сделался бы героем**».

Примеры использования отрицательной формы $-mAzdI$:

*Cebinde parası olsaydı, ısırınca çıtırdayan iki tane susamlı simit alsaydı, bir de tavşan kamı demli çay, peynir bile **iste+mezdi** ama, nöbetçi* [18, s.45]! — «Если бы в кармане у дежурного были бы деньги, если бы он купил пару бубликов с кунжутом, хрустящих, когда их надкусывают, а еще и хорошенько заваренного чаю (букв: „цвета заячьей крови“), то тогда он **не стал бы** и сыра **просить**».

Сослагательно-волеизъявительное наклонение в карачаево-балкарском языке

Глагольное имя с морфемой *-гъы* в карачаево-балкарском языке упоминается грамматистами [19, с. 53–69]. В качестве словоизменительного средства оно функционирует, например, в казахском языке: *Менің сенімен дос бол+ғы+м келеді* — «Я хочу подружиться с тобой»; *Менің іш+кі+м келмейді* — «Я не хочу пить».

В древнеуйгурском языке эта форма в качестве глагольного имени имеет значения будущего времени, возможности и долженствования [20, с. 67–70; 21, S. 117]. Это обстоятельство позволяет думать, что карачаево-балкарская форма со сложной морфемой *-гъЫ эди* представляет собой одну из разновидностей сослагательного наклонения, сформировавшуюся на типичной для сослагательного наклонения семантической основе, — сочетание значений будущего и прошедшего времен.

Сослагательно-волеизъявительное наклонение *-гъЫ эди* + личный аффикс 2-й группы имеют значение, сигнализирующее о том, что говорящий сообщает о событии, которое так или иначе не имело или не имеет места (сослагательная модальность) и которое представляется ему нежелательным (волеизъявление):

Абат, ол төрт алма терекни буз иш урма+гъы эди, алағъа бир хата болма+гъы эди [9, с. 189]. — «Абат, **как бы** те четыре яблони **не побил** град, **как бы** они **не пострадали**».
Жауун жауп иш къалма+гъы эди (информант). — «**Как бы не** пошел дождь».

Итак, можно сделать вывод, что в составе категории сказуемости карачаево-балкарского языка, которая понимается как совокупность всех глагольных финитных форм, в качестве частной категории выделяется сослагательное наклонение, которое имеет свое собственное категориальное значение.

Необходимо подчеркнуть важность упреждения в тюркском языкознании понимания того, что тюркские языки, как и многие другие языки мира, обладают сослагательным наклонением, как правило, отсутствующим в тюркских грамматиках. Тем более что типологически это наклонение в карачаево-балкарском языке устроено так же, как и во многих славянских, германских, романских и других языках (путем сопряжения значений будущего и прошедшего).

Источники и литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS: КомКнига, 2007. 569 с.
3. Насилов Д. М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма): автореф. дис. ... канд. наук. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. Гузев В. Г., Дениз-Йылмаз О. Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 133 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
6. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 232 с.
7. Телицин Н. Н. К вопросу о сослагательном наклонении в древнетюркских языках // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. 1998. Вып. 1.

8. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 164 с.
9. Минги Тау. Нальчик: Эльбрус, 2004. № 2.
10. Минги Тау. Нальчик: Эльбрус, 2004. № 1.
11. Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М.: Наука, 1968. 127 с.
12. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 352 с.
13. Мурадин Ёлмез. Акъ Жугъутур. Нальчик: Эльбрус, 1999. 456 с.
14. Кули Къайсын. Таула Тургъан Къадарда. Нальчик: Эльбрус, 1997. 464 с.
15. Мёчюланы Кязим. Кязим. Нальчик: Эльбрус, 1996. 600 с.
16. Aziz Nesin. Anıtı Dikilen Sinek. 4. basım. İstanbul: Adam Yayınları, 2005. 128 s.
17. Aziz Nesin. Borçlu Olduklarımız. İstanbul: Adam Yayınları, 2005. 89 s.
18. Orhan Kemal. Üç Kağıtçı. 6. baskı. İstanbul: Tekin Yayınevi, 1981. 268 s.
19. Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1971. 302 с.
20. Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке (на материале древнеуйгурских памятников из Синьцзяна): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1990. 22 с.
21. Gabai A. von. Altürkische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. 2 verbesserte Auflage. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. 374 S.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 294.321

*К. В. Алексеев, П. Л. Гроховский, А. А. Сизова, М. О. Смирнова,
А. А. Туранская, Н. В. Ямпольская, Н. С. Яхонтова*

ТИПОЛОГИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА БУДДИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ «БУДДИЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ СОЧИНЕНИЙ»)

Уже на раннем этапе своего становления и до начала XX в. монгольская литературная традиция формировалась и развивалась в тесном контакте с индо-тибетским культурным ареалом. Особое место в этом процессе занимает буддизм, который стал известен монголам уже в XIII–XIV вв., а с XVII в. распространился среди широких масс монгольского населения.

Большую часть корпуса монгольской литературы в период XIII–XX вв. составили переводные (в основном с тибетского) буддийские тексты, под влиянием которых вырабатывался и обогащал свой словарный состав монгольский литературный язык, что ставит нас перед необходимостью изучения этих переводов, важного не только для глубокого понимания литературного процесса в Монголии, но и для раскрытия характера монгольской культуры в целом.

Особые сложности при чтении буддийских переводных и оригинальных текстов на монгольском языке вызывают выявление в тексте и интерпретация буддийской терминологии, играющей ключевую роль в трансляции смысла буддийских произведений. Лингвофилософская основа средневековой монгольской литературы, выражавшаяся в стремлении как можно более точно передать оригинал буддийского текста, зачастую приводила к пословному (буквальному) переводу терминологии, что существенно затрудняет работу исследователя такого рода сочинений.

Среди сложностей выявления и интерпретации терминологии буддийских сочинений на монгольском языке можно отметить:

- калькирование буддийской терминологии, имен собственных, что существенно затрудняет их распознавание в тексте перевода;

- сохранение в тексте перевода порядка слов тибетского оригинала (в первую очередь, определения в постпозиции к определяемому, невозможного в монгольском языке);
- сохранение в тексте перевода терминологии на санскрите и тибетском языке;
- отсутствие единообразной системы транслитерации и транскрипции иноязычных слов;
- ошибки прочтения и перевода терминологии на монгольский язык.

В последние два десятилетия интерес к проблемам средневековых переводов на монгольский язык существенно возрос. Появляются исследования по истории монгольского перевода [1], изучаются переводческие техники и приемы на основе сравнения нескольких переводов одного тибетского оригинала [2], издаются средневековые переводные сочинения в переложении на современный монгольский язык [3, 4], описывается проблематика изучения монгольских переводов [5], составляются краткие словари буддийской терминологии на монгольском языке [6, 7].

Тем не менее, проблема изучения буддийской терминологии на монгольском языке столь сложна, а материал столь обширен, что это требует комплексного подхода, в котором должны объединиться усилия не только монголоведов, но также тибетологов и санскритологов.

Интерактивная база данных «Буддийская терминология монгольских переводных сочинений» (далее — БД) [8] призвана помочь исследователям монгольской буддийской литературы в работе с переводными текстами. Основу БД составляют материалы, набираемые участниками проекта при чтении монгольских переводных текстов и сличении их с оригиналами. Помимо буддийской терминологии в БД вошли имена собственные (личные имена, топонимы, названия сочинений и т. п.), которые встречаются в монгольских переводных сочинениях, а также характерные ошибки прочтения и перевода тибетских текстов.

На данный момент БД состоит примерно из 650 статей. Статьи БД включают монгольский термин, его тибетский и, по возможности, санскритский эквиваленты, перевод и объяснение термина, а также примеры использования данного термина из тибетского текста и его монгольского перевода (предложения или фрагменты предложений) с переводом на русский язык.

База данных предполагает возможность интерактивного поиска по терминологии на монгольском, тибетском и санскрите без установки каких-либо дополнительных программ.

Каждый термин БД включен в определенную терминологическую категорию (подкатегорию) и маркирован соответствующим ей тегом. Например, «Философская терминология» (тег — Philosophy), «Терминология, описывающая морально-этические нормы» (тег — Ethics), «Терминология, описывающая психотехнические практики» (тег — Psychotechnics) и т. д. Такой подход позволяет существенно расширить функциональные возможности БД и использовать ее для получения информации по самому широкому кругу вопросов, например, для того чтобы обобщить терминологию, относящуюся к той или иной тематике; очертить круг значений какого-либо термина в сочинениях, принадлежащих к разным функциональным жанрам; собрать все эпитеты и имена того или иного святого или божества.

Ниже приведен список входящих в БД терминологических категорий и подкатегорий с примерами (термин на монгольском, тибетском и, по возможности, санскрите

с его объяснением). Категории расположены в порядке убывания количества терминов БД, которые можно к ним отнести¹.

1. Философская терминология (192)

монг. *boda*, тиб. *dn̄gos po*, санскр. *bhAva* — вещество, предмет, «материя»; «материя» как основа восприятия, то, что может быть непосредственно воспринимаемо сознанием, в отличие от абстрактных понятий, которые невозможно воспринимать напрямую.

монг. *belge*, тиб. *mtshan ma*, санскр. *nimitta* — знак, признак, отличительная черта; в узком значении — знак как концептуальная структура, отличительный признак, который двойственное сознание присваивает каждому предмету.

2. Имена, эпитеты и классы будд, бодхисаттв и божеств, а также буддийских святых и окружения будды (185)

2.1. Имена и эпитеты будд (15)

монг. *luus-un daGun egeSig-tU qaGan*, тиб. *'brug sgra'i dbyangs kyi rgyal po*, санскр. *gar-jita-svara-rAja* — Гарджитасварараджа, 'Царь с громовым голосом'; имя одного из будд.

2.2. Имена и эпитеты бодхисаттв (69)

монг. *arban jUg-Un yirtincU-yin ulus-aca ciGuluGsan*, тиб. *phyogs bcu'i 'jig rten gyi khams dag nas 'dus pa*, санскр. *daza-dig-lokadhAtu-saMnīpatita* — 'собравшиеся из областей миров десяти направлений'; эпитет бодхисаттв.

2.3. Имена и эпитеты божеств (15)

монг. *ciGuluGsan-и ejen*, тиб. *tshogs bdag*, санскр. *gaNapati* — 'владыка собрания'; эпитет Ганапати (Ганеши), индийского божества богатства и процветания.

2.5. Имена и эпитеты буддийских святых и окружения будды (11)

монг. *anaata bindadi*, тиб. *mgon med zas sbyin*, санскр. *anAthapiNDada* — Анатхапиндада; имя домовладельца, в чьем саду проповедовал Будда.

2.6. Классы будд (4)

монг. *urin jalaGsan burqad*, тиб. *sryan drang pa'i lha rnam*s — 'приглашенные будды'; божества, которых призывают занять свои места в мандале во время совершения ритуала.

2.7. Классы бодхисаттв (1)

монг. *Gurban ijaGur-tu itegel*, тиб. *rigs gsum dgon po* — 'главы трех семей'; так называют бодхисаттв Авалокитешвару (воплощение сострадания всех будд, главу семьи

¹ Количество терминов, относящихся к той или иной категории/подкатегории, указано в круглых скобках. Некоторые термины, безусловно, могут быть отнесены к нескольким категориям. Поэтому суммарное количество терминов по категориям может не совпадать с общим количеством словарных статей БД. Ссылки на источники, из которых взяты термины и примеры к ним, см. в интерактивной БД.

Падма), Манджушри (воплощение мудрости всех будд, главу семьи Татхагата) и Ваджрапани (воплощение способностей всех будд, владыку семьи Ваджра).

2.8. Классы божеств (21)

монг. *kumbadin*, тиб. *grul bum*, санскр. *kumbhANDa* — кумбханды; группа божеств, которые относятся к классу якш, имеют тело якши и голову насекомых, божества из свиты Лхамо.

2.9. Классы буддийских святых и окружения будды (49)

монг. *yeke batu aGci arban jirGuGan*, тиб. *gnas brtan chen po bcu drug* — 16 махаставир; 16 старейшин, 16 архатов, хранивших буддийское Учение после смерти Будды Шакьямуни.

3. Терминология, описывающая процесс обучения и воспитания (157)

монг. *saba-yin jirGuGan kkir*, тиб. *nyan pa po'i dri ma drug* — шесть скверн; шесть недостатков, мешающих усвоению проповеди учения: гордыня, недостаток веры, недостаток усердия, отвлечение внимания вовне, внутренняя скованность, подавленность.

монг. *nom-i ULU toGtaGaqu-yin tabun gem*, тиб. *chos mi ,dzin pa'i skyon lnga* — пять зол неусвоения проповеди Учения: неусвоение слов, неусвоение смысла, усвоение без понимания значения (Учения), неверное усвоение, неусвоение полностью.

4. Терминология, описывающая психотехнические практики (95)

монг. *amurlin aqui*, тиб. *zhi gnas*, санскр. *zamatha* — шаматха, 'умиротворенное пребывание'; система медитативных практик, направленная на обретение способности управлять процессами, происходящими в сознании.

монг. *berke yabudal*, тиб. *dka' ba spyod pa*, санскр. *duSkara cArika* — 'трудные свершения'; аскеза, преодоление испытаний, в частности испытаний, которые проходит йогин в тантрической практике.

5. Космология и космогония (79)

5.1. Космология (31)

монг. *ayis tamu (ayus tamu)*, тиб. *mnar med*, санскр. *avIci* — Авичи; название одного из восьми горячих адов буддийской космологии.

монг. *gegen gerel-tU*, тиб. *'od gsal*, санскр. *prabhAsvara* — Прабхасвара, 'Сияющий'; название высшего из трех уровней второй дхьяны царства форм.

5.2. Типы живых существ (39)

монг. *aduGusun*, тиб. *dud 'gro*, санскр. *tiryajc* — животные; один из шести видов живых существ.

монг. *burqan Ugei*, тиб. *sangs rgyas kyis stongs pa* — родившиеся в отсутствие будды, одно из восьми несвободных состояний, препятствующих практике буддийского Учения.

5.3. Космогония (9)

монг. *ecUs caG-un Gal*, тиб. *dus mtha'i me* — ‘огонь конечного времени’; огонь конца калпы. Согласно буддийской космологии в последнюю калпу появятся семь солнц, которые уничтожат землю.

монг. *gSan*, тиб. *skad cig*, санскр. *kSaNa* — мгновение, короткий промежуток времени. В индийской традиции длительность этого временного промежутка определялась различными философскими школами по-разному, к примеру, она сравнивалась по продолжительности со щелчком пальцами.

6. Терминология, описывающая морально-этические нормы (65)

монг. *abqu uGuraqu*, тиб. *blang dor* — ‘принятие [и] отбрасывание’; способность различать, каких видов поведения следует придерживаться, а каких избегать.

монг. *amin tasulqu*, тиб. *srog gcod pa*, санскр. *prANAtipAta* — ‘прерывание жизни’; убийство, один из пяти тяжких грехов в буддизме.

7. Терминология, описывающая ритуал (54)

7.1. Ритуальные объекты (26)

монг. *tabun takil*, тиб. *mtchod pa lnga* — пять подношений буддийским божествам: цветы, благовония, лампы, ароматическая вода, еда.

монг. *qangyal-un ed*, тиб. *bskang rdzas* — ‘предметы [для] умилоствления’; предметы, подносимые божествам.

7.2. Ритуальные действия (10)

монг. *Sarid-i gegdekU*, тиб. *bzlas pas bsnyen par byed* — произносить дхарани.

монг. *itegel yabuylqu*, тиб. *skyabs 'gro*, санскр. *zaraNaM-gacchAmi* — приход к прибежищу, принятие прибежища в трех драгоценностях: будде, Дхарме и сангхе.

7.3. Названия ритуалов (18)

монг. *jang Uile*, тиб. *cho ga*, санскр. *vidhi* — ритуал, руководство по проведению того или иного ритуала.

монг. *doloyan gesigün*, тиб. *yan lag bdun*, санскр. *saptAGga-pUjA* — ‘Семичастная молитва’; традиционная молитва в буддийских ритуалах, состоящая из семи частей (поклонение божеству, подношение, раскаяние в недобродетельных поступках, сорадование заслугам других живых существ, приход к прибежищу, порождение бодхичитты, стремление достичь пробуждения и привести всех живых существ к освобождению).

8. Терминология, описывающая буддийскую традицию, например, названия линий передачи учений (53)

монг. *aGui yeke yabudal-un UndUsUn*, тиб. *rgya chen spyod rgyud* — ‘Широкая действенная традиция [передачи буддийского вероучения]’; традиция экстенсивной практики, ведущая свое начало от Майтрейи, Асанги и Васубандху и ставящая во главу угла аспект метода буддийского учения.

монг. *kagdam-pa-yin jirGuGan Gool*, тиб. *bka' gdams gzhung drug* — 'Шесть основ Кадампа'; шесть основных текстов традиции Кадам: «Джатакамала», «Уданаварга», «Бодхисаттвабхуми», «Махаянасутраламкара», «Шикшасамучая» и «Бодхичарьяаватара».

9. Имена собственные и эпитеты буддийских деятелей (26)

монг. *Kuu*, тиб. *Khu* — Кутон Цондуй Юндунг (1011–1075); один из трех основных тибетских учеников Атиши Дипанкарашриджняны (982–1054).

монг. *tOrbel Ugei aq-a degUU*, тиб. *thogs med sku mched*, санскр. *asaGga, vasubandhu* — 'Асанга и его брат'; Асанга (320–390) и его младший брат Васубандху (IV–V вв.), основатели философской традиции Йогачара.

10. Буддийская символика (25)

монг. *mandal*, тиб. *dkyil 'khor*, санскр. *maNDala* — мандала, 'круг', сакральное схематическое изображение или конструкция, в буддизме символизирующие сферу обитания того или иного божества, а также внешнее и внутреннее пространство практикующего.

монг. *udumbar-a*, тиб. *u dum+wa ra*, санскр. *udumbara* — фикус удумбара, символ редкости появления Будды в этом мире.

11. Названия сочинений (18)

монг. *caray-a avatar-a*, тиб. *spyod*, санскр. *bodhicaryAvatAra* — «Бодхичарьяаватара»; сочинение индийского монаха Шантидэвы (VIII в.), описывающее путь бодхисаттвы.

монг. *dkon choG dalala*, тиб. *dkon mchog ta la la*, санскр. *ratna-talala* — «Драгоценный светильник»; махаянская сутра, переведенная на тибетский язык пандитой Сурендрабодхи и переводчиком Еше Де.

12. Топонимы (16)

монг. *qotala bayasqulang-tu-yin quriyan*, тиб. *kun dga' ra ba*, санскр. *ArAma* — 'Ограда полной радости' (санскр. 'роща', 'сад'); название роши, в которой произносятся проповеди буддийского учения.

монг. *jaGan-u ger*, тиб. *glang po'i khyim*, санскр. *hastinApura* — Хастинапура; название столицы государства Кауравов.

13. Духовные звания (14)

монг. *bandida*, тиб. *paNDi ta*, санскр. *paNDita* — пандита, образованный человек, эксперт в той или иной области, наставник.

монг. *buyan-u sadun*, тиб. *dge ba'i bshes gnyen*, санскр. *kalyANa-mitra* — 'благый друг'; духовный наставник. В традиции Махаяны этот термин используется для обозначения духовного наставника, опора на которого является необходимым условием достижения освобождения из сансарического бытия.

14. Атрибуты будд, бодхисаттв и божеств (9)

14.1. Атрибуты будд (1)

монг. *altan kUrdu mingGan gegesUtU*, тиб. *gser gyi 'khor lo rtsibs stong can* — ‘золотое колесо с тысячью спиц’; название буддийского символа и храмового украшения.

14.2. Атрибуты бодхисаттв (3)

монг. *sikUr*, тиб. *gdugs*, санскр. *chattra* — зонт; один из видов подношений буддам, описанных в махаянских сутрах.

14.3. Атрибуты божеств (5)

монг. *tongGoriG*, тиб. *gri gug*, санскр. *kartrI* — нож особой формы, атрибут многих гневных божеств.

монг. *tabun mudur*, тиб. *phyag rgya lnga*, санскр. *paNca-mudrA* — ‘пять символов’; пять видов кладбищенских украшений, которые характерны только для гневных божеств. Эти украшения сделаны из человеческих костей.

Материалы, представленные в БД, также позволяют расширить наши знания о переводческих техниках монголов и тибетцев. Сопоставительный анализ примеров из «параллельных» текстов на тибетском и монгольском языках позволяет существенно расширить представления о том, как монгольские и тибетские филологи понимали идею переводческой эквивалентности, описать действия переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода, определить понятие «нормы перевода» в те времена.

В данной статье мы можем лишь привести примеры наиболее распространенных в монголоязычных текстах переводческих трансформаций, т. е. преобразований, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода. Специалисты в области теории перевода до сих пор не пришли к общему пониманию понятия трансформации. Этим объясняется большое количество различных классификаций, предложенных учеными. Перечень типов переводческих трансформаций, приведенных в нашей статье, основан на работах Л. С. Бархударова [9, с. 189–230] и А. Паршина [10]. Необходимо также отметить, что на практике основные типы переводческих трансформаций «в чистом виде» встречаются редко, и примеры, приведенные ниже для иллюстрации определенного их типа, могут содержать переводческие трансформации и других типов.

Довольно часто в монгольских переводных текстах встречаются случаи транскрипции тибетских слов, их транслитерации (воспроизведения графической формы иноязычного слова), а также сочетания этих двух приемов. Отдельно следует отметить случаи, когда «восстанавливалось» исходное санскритское слово, несмотря на то что в тибетском тексте употреблен калькированный перевод с санскрита.

Провести границу между транскрипцией и транслитерацией тибетских слов довольно трудно, в первую очередь потому, что точная передача тибетских звуков и букв на монгольском невозможна из-за существенного различия в звуковом составе и алфавите этих двух языков.

Транскрипция

монг. *Sang kampa*, тиб. *zhang ka ma pa* — Шанкамапа Шейраб Од (1057–1131). Этот пример можно считать очевидным случаем использования транскрипции, воспроизводящей звуковую, а не графическую форму тибетского имени собственного: *zhang ka ma pa*.

Транслитерация

монг. *Rngog*, тиб. *rNgog* — Ог Лэгпэ Шейраб (XI в.), один из трех основных тибетских учеников Атиши Дипанкарашриджняны (982–1054). Данный пример является очевидным случаем транслитерации, поскольку в монгольском тексте передана графическая форма тибетского имени собственного *rNgog*, которое в некоторых тибетских диалектах может произноситься как «Ог».

монг. *rigs tiks*, тиб. *rigs thigs* ‘капля логики’, санскр. *nyAyabindu id.* — «Ньяябинду», сочинение по логике, составленное Дхармакирти. Этот пример можно также отнести к случаям транслитерации: монг. *rigs tiks* точно передает тибетское написание названия сочинения *rigs thigs* (единственное исключение: тибетский придыхательный согласный [th] не имеет эквивалента в монгольском языке и всегда передается обычным [t], если только автор перевода не использовал галик — специальный транслитерационный алфавит).

Сочетание транслитерации и транскрипции

монг. *blam-a Abaduti*, тиб. *bla ma a wa d+hu ti pa*, санскр. *avadhUti* — Лама Авадхутипа, наставник Атиши Дипанкарашриджняны (982–1054). В этом примере имя наставника Атиши передано на монгольском с помощью транслитерации титула Авадху-типы: *blam-a* ‘лама’ — и транскрипции собственно имени ламы.

монг. *coms*, тиб. *tshoms*, санскр. *udAna-varga* — «Уданаварга» — сборник стихов из буддийского канона, составленный Дхарматратой, северная версия «Дхаммапады». Здесь тиб. *tshoms* (сокр. от *ched du brjod pa'i tshoms*), которое произносится «цом», в монгольском переводе передано как *coms* и является сочетанием транскрипции и транслитерации, поскольку сохраняет тибетскую приписную [s], которая не произносится.

«Восстановление» санскритского оригинала в монгольских переводных текстах, в первую очередь, относится к передаче санскритских заимствований, попавших в монгольский язык на ранней стадии переводческой активности монголов (прежде всего, через древнеуйгурский) и прочно вошедших в монгольский язык. В тех случаях, когда калька такого термина попадалась монгольскому переводчику в тексте тибетского оригинала, он передавал ее в переводе словом, заимствованным из санскрита, даже в тех случаях, когда оригиналом являлся непереводаемый тибетский текст.

Например, тиб. *yi dwags* (прета, один из шести видов живых существ в буддизме) передается в монгольском тексте как *birid*, соответствующее санскр. *preta*; тиб. *pha rol tu phyin pa* (парамита, духовная практика бодхисаттвы) — как *baramid* (соответствует санскр. *pAramitA*). Тиб. *grul bum* (кумбханды, группа божеств, которые относятся к классу якш, имеют тело якши, голову насекомого и входят в свиту богини Лхамо) в монгольском переводе передано как *kumbadin*, что соответствует санскр. *kumbhAN-Da*.

Тем не менее, монгольские переводчики пользовались этим приемом и в тех случаях, когда слово не вошло прочно в монгольский язык, — в первую очередь, для передачи имен собственных и топонимов.

Например, Панчала (санскр. *paIcala*), древнее название области северо-западной Индии и одно из 36 священных буддийских мест, на тибетском передано как *lnga len pa*, тогда как в монгольском переводе «восстановлено» санскритское название — *bancala*. Имя одного из пяти архатов, ближайших учеников Будды и составителей Абхидхармы, переданное в тибетском тексте как *gang po byams ma'i bu*, в монгольском переводе звучит как *burni miitri vani*, что соответствует санскр. *pUrNa maitrAyaNIputra* (Пурна, сын Майтраяни). Тибетский эквивалент названия одного из старейших текстов литературы праджняпарамиты «Санчайягатхи» (санскр. *samcayagAthA*) — *'phags pa sdud pa* — также передан на монгольском как *sanjay-a gata*.

Также часто монгольские переводчики прибегали к калькированию тибетской буддийской терминологии. В результате перевода лексических единиц оригинала путем замены их составных частей, морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их соответствиями в «переводящем» монгольском языке создавались новые слова или устойчивые сочетания, копирующие структуру исходной лексической единицы.

Можно привести следующие примеры калькирования из БД:

монг. *amarmaG-un tngri* ‘божества [мира] желаний’, тиб. *'dod pa'i lha id.* — божества материального (чувственного) мира.

монг. *amitan itegel* ‘покровитель живых существ’, тиб. *,gro mgon id.*, санскр. *jagan-nAtha id.* — эпитет Будды.

монг. *kUsel-Un erdem* ‘качества желания’, ‘особенности желания’, тиб. *,dod pa'i yon tan id.* — удовольствие, получаемое от объектов пяти органов чувств.

Зачастую при калькировании монгольские переводчики сохраняли порядок слов тибетского оригинала, даже если это противоречило строю монгольского языка. Как правило, это касается сохранения невозможного в монгольском языке определения в постпозиции к определяемому (чаще всего, выраженного числительным).

Например:

монг. *aq-a degUU Gurban* ‘три брата’, тиб. *sku mched gsum id.* — трое основных учеников наставника Дромтонпы (1004/5–1064): Потоба Ринченсэл (1031–1105), Ченнава (1038–1103) и Пучунва (1031–1106). В этом примере в монгольской кальке в постпозиции сохранено определение, выраженное числительным *Gurban* ‘три’.

монг. *altan kUrduUn mingGan gegesUtU* ‘золотое колесо с тысячью спицами’, тиб. *gser gyi 'khor lo rtsibs stong can id.* — название буддийского символа и храмового украшения. Здесь, как и в предыдущем примере, в монгольской кальке определение *mingGan gegesUtU* (с тысячью спицами) сохранено в постпозиции к определяемому.

Следующим типом переводческих трансформаций, распространенных в монгольских переводах буддийских текстов, являются **перестановки**, т.е. изменения расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. В следующих двух примерах из БД определения, стоящие в тибетском оригинале в постпозиции к определяемому, в монгольском переводе были переставлены в положение перед определяемым, что соответствует нормативному порядку слов в монгольском языке.

монг. *adalidqasi ügei satuva* ‘несравненное существо’, тиб. *sems dpa’ dpe med pa id.*, санскр. *anupramacitta* ‘имеющий несравненное сознание’ — эпитет шестидесяти персонажей во главе с Манджушри, упоминающихся в некоторых махаянских сутрах в составе окружения проповедующего Будды.

монг. *doloyan gesigün*, тиб. *yan lag bdun* — семичастная молитва, традиционная молитва в буддийских ритуалах, состоящая из семи частей.

Одним из наиболее многообразных типов переводческих трансформаций, встречающихся в монгольских переводах, являются **замены**. В процессе перевода буддийской терминологии, личных имен и топонимов замене могут подвергаться как грамматические, так и лексические единицы, в связи с чем можно говорить о грамматических и лексических заменах. К грамматическим заменам можно отнести замены форм слова и частей речи, к лексическим — случаи конкретизации, генерализации, модуляции (приема смыслового развития), лексических добавлений и опущений. К заменам также можно отнести прием комплексного преобразования.

Замены формы слова

монг. *amitan-i uduriduGci* ‘ведущий живые существа’, тиб. *gro ba’i ded dpon* ‘предводитель живых существ’ — эпитет будды. В этом примере родительный падеж из тибетского оригинала в монгольском переводе был заменен на винительный. Такая замена падежа произошла из-за того, что в монгольском для перевода тибетского существительного *ded dpon* ‘предводитель’ употреблена причастная форма *uduriduGci* ‘ведущий’, которая управляет винительным падежом.

монг. *arban nigen niGur-tu* ‘с одиннадцатью лицами’, тиб. *bcu gcig zhal* ‘одиннадцатиликий’ — эпитет бодхисаттвы Авалокитешвары. В монгольском переводе добавлен аффикс совместного падежа, отсутствующего в тибетском оригинале.

Замены частей речи

монг. *berke yabudal* ‘трудное свершение’, тиб. *dka’ ba spyod pa id.* — аскеза, преодоление испытаний, которые проходит йогин в тантрической практике. Здесь причастная форма тибетского глагола *spyod pa* ‘совершать деяние’ была заменена в монгольском переводе существительным *yabudal* ‘деяние’.

монг. *kUmUn boluGsan* ‘ставший человеком’, тиб. *mi nyid* ‘пребывание человеком’ — рождение человеком, одно из пяти обстоятельств, благоприятных для практики буддийского учения. В данном случае вспомогательное слово *nyid* ‘тот самый’, используемое для образования абстрактных существительных, было заменено в монгольском переводе причастием прошедшего времени *boluGsan* ‘ставший’, от глагола *bolqu* ‘становиться’.

Генерализация

монг. *aGula jula-yin qaGan* ‘хан гора-свеча’, тиб. *lhun po tar me’i rgyal po* ‘царь светильника-Меру’, санскр. *merupradīparāja* ‘раджа светильник Меру’, ‘раджа сверкающий [словно] Меру’ — Мерупрадипараджа, имя собственное бодхисаттвы. Здесь тиб. *lhun po* — название горы Меру, центра буддийского мира, заменено в монгольском переводе на существительное *aGula* ‘гора’, обладающее более широким значением.

монг. *arban qoyar ökin tngri* 'двенадцать богинь', тиб. *brtan ma bcu gnyis* 'двенадцать [богинь] тэнма' — 12 богинь Тэнма, усмирённых Падмасамбхавой и считающихся защитницами определенных районов Тибета. Здесь тиб. *brtan ma*, обозначающее совершенно определенный класс богинь, заменено в монгольском переводе на более общее *ökin tngri* 'богиня'.

Конкретизация

монг. *jabsar Ugei kilince* 'грех без промежутка', тиб. *mtshams med pa'i las* 'деяние без промежутка', санскр. *Anantarya* 'отсутствие промежутка' — «немедленное греховное деяние», страшный грех, совершив который грешник после смерти сразу попадает в ад. Здесь тиб. *las* 'деяние' в монгольском переводе заменено на слово *kilince* 'грех', обладающее более узким референциальным значением.

Лексические добавления и опущения встречаются в монгольских переводах буддийской терминологии значительно реже, чем другие перечисленные выше виды переводческих трансформаций.

Лексические добавления

монг. *dumda Gajar-a tOrOgsen* 'родившийся в срединной земле', тиб. *dbus skyes* 'рождение в центре' — рождение в срединной стране, т.е. в Индии; одно из пяти благих обстоятельств, способствующих практике буддийского учения. В монгольском переводе добавлено существительное *Gajar* 'земля', 'место' в дательном-местном падеже, отсутствующее в тибетском оригинале.

монг. *erketen bUrin tegUsUgsen* 'исполненный всех органов чувств', тиб. *dbang po tshang* 'все органы чувств' — обладание всеми органами чувств, одно из пяти благих обстоятельств, способствующих практике буддийского учения. Монгольский переводчик передал тиб. *tshang* 'быть целым', 'быть полным' двумя словами: *bUrin* 'все', 'каждый' и *tegUsUgsen* 'преисполнившийся' (от глагола *tegUskU* 'преисполняться').

Лексические опущения

монг. *bayatur* 'богатырь', тиб. *dpa' bo gcig pa* 'одиноким герой', санскр. *eka-vīra* 'одиноким герой' — экавира; одиночная форма божества (без юм) в буддийской иконографии. При переводе на монгольский было опущено прилагательное *gcig pa* 'одиноким'.

монг. *payiman Gajar* 'восемь земель', тиб. *dman pa sa brgyad* 'восемь нижних земель' — восемь низших уровней, восемь ступеней достижения просветления в Хиньяне. При переводе на монгольский было опущено слово *dman pa* 'нижний'.

Крайне редко среди типов переводческих трансформаций, представленных в БД, можно встретить приемы, которые с некоторой натяжкой можно отнести к типу **модуляций** (приемов смыслового развития).

Например, тибетское выражение *bka' drin gzo ba* 'памятование о милосердии' переведено на монгольский как *aci qariGulqu* 'вернуть благодеяние', т.е. ответить на благодеяние.

Тиб. *kun rdzob* (*kun tu rdzob pa*), что можно буквально перевести как 'полностью затемненный', 'полностью запутанный' и что означает относительность в таких, например, выражениях как «относительная бодхичитта» или «относительная истина», на

монгольский переведено как *inaGungki* — ‘внешний, наружный’, имеющее также переносное значение ‘суетный, пустой’.

Также редко встречается прием целостного преобразования, суть которого заключается во всеобъемлющем преобразовании как отдельных слов, так и словосочетаний.

Образное тибетское выражение *dud gro* — ‘ходящие согнувшись’ (калька санскр. *tiryac* ‘ходящие горизонтально’), т. е. ‘животные’, в монгольском переводе преобразовано в *aduGusun* ‘животные’.

Как уже было отмечено выше, эти типы элементарных переводческих трансформаций на практике «в чистом виде» выделить трудно. Как правило, они сочетаются друг с другом, принимая характер сложных, «комплексных» трансформаций.

Например, титулатура и имя собственное индийского буддийского философа и автора «Абхидхармакоши» Васубандху (IV–V вв. н. э.) на санскрите звучит как *AcArya vasubandhu* ‘наставник Сын Васу’ (где *vasu* имеет два значения ‘класс божеств из свиты Индры’ и ‘богатство’), а на тибетский скалькировано как *slob dpon dbyig gnyen* ‘наставник Родственник Богатства’. На монгольском языке имя собственное «Васубандху» передано с помощью транслитерации тибетской кальки — *dbyig gnyen*, а его звание переведено словом *baGsi* ‘учитель’, обладающим более широким значением, чем тиб. *slob dpon* (особо подготовленный в определенной области наставник), что позволяет усмотреть здесь прием генерализации. Кроме того, в монгольском переводе (*dbyig gnyen baGsi* ‘учитель Дбийг Гньен’) использован прием перестановки: слово «учитель» стоит в постпозиции к имени собственному, а не в препозиции, как в тибетском.

Грамматические замены могут также включать одновременную замену части речи и формы слова:

монг. *ciyuluysad* ‘собравшиеся’, тиб. *‘khor* ‘круг’, ‘свита’ — те, кто слушают проповедь Будды. В этом примере существительное тибетского оригинала с нулевым показателем множественного числа заменено в монгольском переводе на причастие прошедшего времени во множественном числе.

Интерактивная база данных «Буддийская терминология монгольских переводных сочинений» позволяет существенно увеличить число уровней наблюдения за монгольскими переводными текстами и смоделировать традиционный подход к прочтению таких сочинений, знание которого столь необходимо современному исследователю монгольских и тибетских буддийских сочинений.

Литература

1. Хүрэлбаатар Л. Монгол орчуулгын товчоон. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1995. 159 с.
2. Бүрнээ Д., Энхтөр Д. Уламжлалт монгол орчулгуудын судлалд. Улаанбаатар: Дорно дахины гүн ухаан хүн судлалын дээд сургууль, 2003. 307 с.
3. Бүрнээ Д., Энхтөр Д. Монголын бурханы шашны түүхэн сурвалж. Улаанбаатар: Дорно дахины гүн ухаан хүн судлалын дээд сургууль, 2004. 374 с.

- Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

С. Ю. Вradий

**«КАРТА РОССИИ (АГУК ЁДЖИДО)» —
ПЕРВОЕ КОРЕЙСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРИМОРЬЯ¹.
ЧАСТЬ 2**

В 1860 г., когда Россия договорными статьями закрепила свое пребывание на дальневосточных землях, на оконечности полуострова Новгородского, в глубине залива, на берегу бухты Постовой был основан пост Новгородский, ныне поселок и порт Посъет, расположенный в 107 км (по прямой) к юго-западу от Владивостока, о чем имеется запись на карте:

«Хотя место основанного порта небольшое, здесь начинается южный морской рубеж [России]. Большие и малые паровые суда регулярно перевозят в Хайшень[вэй]² податной хлеб, фураж, солдат и вооружение. Снабжают Яньцюин³... Военно-морские силы насчитывают 500–600 [солдат]. В лагере размещены 5 больших орудий. По обеим сторонам водного устья⁴ установлены [под]водные мины, с тем, чтобы принять [охранительные] меры против непредвиденных осложнений. Предприняты различного рода [оборонительные] приготовления, прикрывающие ключевые позиции [букв. — горло] Яньцюин. Именно здесь русские прежде всего возвели [военный пост]» (Карта России. Мусююй [1]).

Расположение пяти артиллерийских орудий указано на карте. Кроме того, на карте Посъета, именуемого в документе Мусююй, обозначены три артиллерийские батареи, смотровая вышка, склады военного фуража, кузнечный цех, присутственное место, управление электрических линий, два здания управления по военным вопросам.

На том же листе карты обозначены южный и северный гарнизоны поселения Яньцю (село Новокиевское):

«Что касается двух лагерей, возведенных на юге и севере, то это два крупных укрепленных пункта с двухтысячной кавалерией. [Здесь также расквартированы] 1500 солдат сухопутных войск, двести единиц патрульно-охранных войск⁵, сто двадцать артиллеристов. [Имеются] один провинциальный чиновник, один полицейский чин, более пятидесяти больших и малых военных командиров. Каждый в соответствии с рангом и чином командует войсками. Провианта и фуража накоплено вдоволь. Складские хранилища и арсеналы полны. Во время учений и тренировок приказы строги, дисциплина четкая. Приспосабливаясь к изменяющейся обстановке, продвигаются вперед или отводят [войска].

¹ Работа выполнена при поддержке Академии корееведения (Республика Корея). This research was supported by a grant from the Academy of Korean Studies (AKS-2010-R-34).

Первую часть статьи см. в предыдущем номере журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета».

² Китайское наименование Владивостока.

³ Яньцюин 延秋營, так названо на карте село Новокиевское, появившееся в 1867 г., ныне поселок Краскино Хасанского района. Располагавшееся поблизости корейское поселение было известно среди русских под названием Яньчихе.

⁴ Имеется в виду «по обеим сторонам морского входа в бухту».

⁵ 塘軍, 步軍, 巡軍. Войска, несущие сторожевую, патрульную, караульную, охранную, фельдъегерскую службу.

© С. Ю. Вradий, 2012

Только в случае овладения подобными навыками, можно говорить об успехе в военных науках»⁶ (Карта России. Яньцюин [1]).

Далее к северу на карту нанесено корейское селение Ачжими 芽芝味 (русское наименование — Адими⁷). Сопутствующая надпись гласит:

«Население — 113 дворов, 762 души. В деревне недавно возведено укрепление, обнесенное частоколом. 1000 военных поселенцев... По всей вероятности, [здесь находится] хорошо укрепленный южный рубеж русских» (Карта России. Ячживэй [1]).

Российское поселение Сидеми⁸ описано под названием 柴芝味 Чайчживэй:

«С востока на запад — 23 ли, с юга на север — 6–7 ли. 60 ли на северо-восток — застава Мэнгутай, на восток, в полутора часах перехода паромом, — порт Хайшенвэй, в 70 ли к югу — Ячживэй, в 38 ли на запад, через хребет, — граница Хуньчуня. Население — 23 двора, где проживают 216 душ. Выращивают овес, сузу⁹, ячмень, чумизу, просо. В изобилии водится лосось, поэтому „низкорослые“¹⁰ [и прочие] иностранцы приходят на рыбный лов. Река у деревни [своим] устьем впадает в море. Здесь располагаются гавань для судов, следующих в Хайшенвэй, российская застава» (Карта России. Чайчживэй [1]).

Упомянутая застава Мэнгутай 孟古盖 — это нынешний поселок Барабаш Хасанского района:

«Имеются 200 конных воинов, управление проводной электрической связью... Российское поселение, более 70 дворов» (Карта России. Чайчживэй [1]).

Подробно и живописно изображен в тексте и на карте Владивосток (см. рис. 1), который в 1880 г. получил статус города, равный по рангу Кронштадту. Описания городского рельефа, местности выполнены аллегорически в соответствии с даосской практикой освоения пространства Фэншуй. Привлечены характеристики Инь и Ян (мужского и женского начала), пяти элементов (огонь, металл, земля, дерево, вода), другие традиционные для восточной космогонии признаки, определяющие гармонию и дисгармонию окружения в жизни человека. Ориентация в пространстве по сторонам света осуществлена на основе традиционных представлений, когда для обозначения севера упоминаются Черное воинство «Сюань» 玄武, мифологические божества, изображавшиеся в виде змеи и черепахи, а для указания на западный сектор неба привлекается аллегория белого тигра [4, р. 57–59]. Автор текста приходит к заключению, что в результате взаимодействия отрицательного начала мироздания Инь с положительным началом Ян в данном месте сформировался «большой город, главный порт стран Восточного океана»¹¹ (Карта России. Хайшенвэй [1]).

⁶ Согласно архивным данным, осенью 1869 г. в Новокиевском стояли батальон и горный дивизион [2, с. 38]. Позже в Новгородском посту и на р. Яньчиге располагался отряд, состоявший из Уссурийского пешего казачьего батальона и Новгородско-Уссурийской местной команды с одним взводом 3-й горной батареи (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 598. Цит. по: [3, с. 17]).

⁷ Адими, современная река Пойма, Хасанский район.

⁸ Ныне поселок Безверхово Хасанского района.

⁹ Суза, масличное растение, остро пахнущая культура, высаживалась вокруг полей со злаковыми для защиты от скота и вредителей-насекомых.

¹⁰ 倭 “wo” — «карлик, низкорослый» — уничижительное прозвище японцев, распространенное среди жителей цинского Китая, Кореи.

¹¹ Упомянутый в тексте Восточный океан включал акваторию Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Статус Главного порта Восточного океана Владивосток получил в соответствии с императорским указом 16 февраля 1871 г.



Рис. 1. Лист «Карты России» с изображением Владивостока [1]

«Военно-морские силы [насчитывают] 2000 [солдат], на судах военного флота — 1500 матросов; [имеются] 500 кавалеристов, 1000 стрелков, 300 артиллеристов. Один *дулингуань*¹² командует морскими и сухопутными силами, более 200 прочих высших офицеров, каждый со старанием и прилежностью исполняет свои обязанности... 6–7 боевых судов регулярного флота, 7–8 минных крейсеров¹³ заходят [в порты] нашей страны [в Корею]. 7–8 вспомогательных судов, предназначенных под перевозку провианта, зерна и военного снаряжения, ходят повсюду, начиная от Бэйяна¹⁴, курсируют между российскими портами. [Есть еще] 5–6 судов, которые используются сообразно обстановке в военных и мирных [целях]»¹⁵ (Карта России. Хайшеньвэй [1]).

Первые деревоземляные фортификационные сооружения будущей Владивостокской крепости начали возводить еще в 1877 г. В 1880 г. на береговых батареях были установлены новейшие по тем временам 9-дюймовые нарезные пушки и мортиры.

Можно предположить, что составителям карты было известно расположение люнета Объяснения в устье одноименной речки, батареи Безымянная, а также орудий на мысах Голдобина, Эгершельда (оборонявших вход в бухту Золотой Рог), Купера, Бурном (в районе Семеновского покоса, нынешняя Спортивная гавань). Общая конфи-

¹² 都領官 «Дулингуань», ср. 都總管 «Дуцзунгуань» — главноначальствующий в округе (дин. Сун).

¹³ Минный крейсер 載水雷龜沉船, букв. — «судно в форме черепахи, груженное [под]водными ми-нами».

¹⁴ 北洋 «Бэйян» — приморские части северных провинций Китая, бывшие провинции Чжили, Фэнь-тянь, Шаньдун.

¹⁵ Для сравнения приведем архивные данные, согласно которым Владивостокский гарнизон к тому времени включал 1-й Восточно-Сибирский линейный батальон (550 чел.), 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон (440 чел.), Сибирский флотский экипаж (808 чел.), конную Уссурийскую казачью сотню (60 сабель) (см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 598. Цит. по: [3, с. 17]).

гурация береговой обороны Владивостока на карте представлена 21 артиллерийским орудием 砲塔: четыре обозначены на Амурском береговом участке, десять на Уссурийском, семь обороняют бухту Золотой Рог.

К центру Владивостока примыкают обозначенные на карте высоты с наблюдательными постами 瞭望臺 на них. Это, по всей видимости, гора Орлиное Гнездо (193 м), Тюменская гора (сопка Буссе), на которых располагались первые деревоземляные укрепления сухопутной обороны Владивостока, гора Суворова, возвышавшаяся над всем восточным флангом оборонительного сектора.

В 1878 г. военный порт Владивостока был перенесен с западной части бухты Золотой Рог в ее восточную часть, в так называемый район «Гнилого Угла». «Восточный гарнизон» со складами войскового провианта, военным заводом, госпиталем, арсеналом показан на карте.

Город вел оживленную торговлю, чему способствовал приданный ему статус порто-франко, стимулировавший экономический подъем, что весьма благоприятно отразилось на общем благосостоянии города. Удобная бухта привлекала иностранные суда. «Товарами запружены все набережные», — сообщалось в газетах. Деятельность порта достигла больших размеров, о чем образно свидетельствует документ:

«На водной поверхности с севера и юга, как рис и конопля [в поле], стоят в ряд корабли под погрузку. Кажется, будто нет места, куда шило воткнуть¹⁶. Сюда прибывают [суда из] цинского [Китаю], нашей [Кореи], а также России, Англии, Америки, Франции, Германии, Финляндии, Японии и других государств» (Карта России. Хайшенъвэй [1]).

Острова в акватории Владивостока показаны пустынными, покрытыми лесной растительностью, их местоположение обозначено приблизительно, неточно — по всей видимости, у авторов было мало о них информации. Названы лишь острова Циндао и Хундао. Это, вероятно, остров Скрыплева и мыс Басаргина, ошибочно обозначенный островом.

На карте Владивостока указано «японское консульство». Как известно, в июне 1876 г. здесь было открыто японское коммерческое агентство, фактически выполнявшее функции консульства, правительственного органа, ведавшего делами японских резидентов. В 80-е гг. XIX в. во Владивостоке насчитывалось немало японских поселенцев: торговцев, предпринимателей, мастеровых людей.

Обращает на себя внимание то удивление, которое испытывают авторы текста по поводу увиденных в российском Приморье средств коммуникации, организации и масштабов военных гарнизонов, совершенства промышленных предприятий, развитости портового хозяйства:

«В гарнизоне имеется завод по производству оборудования, [где] по образцу изготавливают изделия. Не используют ручную силу, а применяют совершенные, законченные методы. Хотя око видит, однако, язык не в состоянии в полной мере передать [увиденное]¹⁷» (Карта России. Хайшенъвэй [1]).

¹⁶ «Некуда шило воткнуть» в данном случае означает «оживленное портовое хозяйство», ср.: «яблоку негде упасть».

¹⁷ Первое упоминание о владивостокских механических мастерских относится к 1866 г. В 1870-е гг., когда решением правительства Владивосток становится главным портом России на Тихом океане и базой военного флота, сюда из Николаевска-на-Амуре было перевезено оборудование механического завода. В 1883 г. по инициативе губернатора А. В. Фельдгаузена (1832–1907) во Владивостоке на северном берегу Золотого Рога началось строительство механических мастерских военного порта, ставших впоследствии крупнейшим судоремонтным предприятием «Дальзавод».

Описывая телеграф, быстрое средство передачи информации, авторы карты замечают:

«Эти удивительные вещи невозможно описать словами» (Карта России. Яньцюин [1]).

В западной части карты города присутствует запись: «Американское управление электрическими линиями. Раскапывая землю, [прокладывают] линию, проникают в море, чтобы соединить со своей страной». По всей видимости, здесь упоминается Большая Северная Телеграфная Компания Дании, которая в 1871 г. получила концессию на осуществление телеграфных услуг между Европой и Дальним Востоком через Россию. Компанией был проложен подводный кабель между Владивостоком, Посъетом и Нагасаки, позднее были соединены Шанхай и Гонконг. Во Владивостоке датчанам было предоставлено право аренды земельного участка между нынешними улицами Алеутской и Посъетской, где было возведено небольшое здание телеграфа. Сегодня здесь располагается комплекс зданий, известных в городе под названием «Серая лошадь», что примерно соответствует участку, указанному на карте [5, с. 274; 6, с. 67, 75].

Село Никольское, ныне город Уссурийск Приморского края, располагается на р. Раздольной (Суйфун), в 112 км к северу от Владивостока, в центре сельскохозяйственных районов Приханкайской равнины, плодородные земли которой изначально привлекали внимание переселенцев.

Приведем описание села Никольского, именуемого на карте как Сунхуанъин 宋皇營 (см. рис. 2):

«Что касается местоположения, то селение находится в междуречье Цинлунцзян и Байхуцзян¹⁸. Реки, соединяясь, образуют излучину, огибающую яшмовым поясом глинобитную городскую стену, которая ограждает на северо-западе обширную неспаханную равнину, [покрытую] безбрежной зеленью [трав и лесов], с плодородными почвами. Река в южном течении, поворачивая обратно, открывает участок земли, где расположено селение Синьфэн, основанное на месте старого города. Прежде здесь проживали две семьи — Го [и] Цай. До сих пор сохранились разрушенный фундамент и битые куски черепицы» (Карта России. Сунхуанъин [1]).

В окрестностях Уссурийска и ныне присутствуют остатки древних укреплений. В ноябре 1869 г. граф Ф. Литке, председатель императорского Русского географического общества, обращаясь к генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову, ходатайствовал о «принятии своевременных мер для сохранения разных памятников древности, разбросанных во множестве в южной части Уссурийского края и в бассейне р. Суйфуна. Большая часть этих развалин находится в изгибе, образуемом р. Суйфуном при впадении в нее р. Ча-гоу (Ца-го), и это пока единственное место, в котором найдены обломки черепиц, каменные фундаменты ворот и т. п.» [7].

Учитывая географически важное расположение села, находившегося на пересечении стратегических транспортных путей, начиная с 70-х гг. XIX в. Никольское постепенно превращается в один из главных военных пунктов, центр военной администрации.

¹⁸ 青龍江 Цинлунцзян, букв. — «Река черного дракона». 白虎江 Байхуцзян, букв. — «Река белого тигра».



Рис. 2. Лист «Карты России», на котором изображено село Никольское 宋皇營 [1]

Вот что пишут о военном состоянии Никольского составители карты:

«Количество войск в данном гарнизоне: 1500 конных, 3000 бойцов пехоты, стрелков, в отборных войсках 1000 смельчаков-смертников из пополнения, 300 артиллеристов. [Имеются] большие запасы провианта и фуража. Воины отважны. Весь войсковой провиант доставляется торговцами водным путем по [реке] Цюфэн (Суйфун). Солдаты, повозки с лошадьми непрерывным потоком идут в северный и южный лагеря. Офицеры и командиры периодически проводят учения, подобно тому как тренируются наши отборные войска в Ханьду¹⁹, обучаясь [воинским] навыкам Ху и „низкорослых“»²⁰ (Карта России. Сунхуаньин [1]).

К концу 80-х гг. XIX в. в Никольском была сосредоточена почти половина военных сил, дислоцированных в крае, и их военные управления; число войск доходило до 5000 [8, с. 59]. Этот факт привлек внимание корейской миссии, о чем подробно свидетельствует карта:

«Русские полностью полагаются на подобного рода [укрепленные] районы, считая их в качестве основных пунктов [военной обороны] южной границы. Здесь располагаются один Гомисаэр — чиновник, ведающий пограничными вопросами²¹, один чиновник по местным вопросам, один чиновник, возглавляющий гражданское население, более

¹⁹ Ханьду, или Ханьян — столица Кореи во времена правления династии Чосон (1392–1897), нынешний Сеул.

²⁰ Имеется в виду обучение корейцев воинскому искусству Китая и Японии.

²¹ По всей видимости, пограничный комиссар Южно-Уссурийского края. Эту должность в исследуемый период занимал Н. Г. Матюнин (1849–1907).

200 прочих военных чинов, не подсчитано число военных инспекторов, охраны, [ведущих] транспортировкой продовольствия, обучением и проч. Поистине здесь [находится] мощное военное логово» (Карта России. Сунхуангын [1]).

«Карта России» Агук Ёджидо, составленная в 80-е гг. XIX в., является, по словам южнокорейских исследователей, важным источником сведений по истории российско-корейских отношений [9, с. 38]. Она свидетельствует об эволюции внешней политики Кореи, наметившейся в конце XIX столетия. К этому времени уже четко обозначились интересы разных государств на Корейском полуострове. Корея стремилась защитить себя, выработать стратегию поведения в новых условиях. В поисках альтернативы усиливавшейся агрессии со стороны европейских держав и Японии, пытаясь устранить китайское вмешательство во внутренние дела, корейский двор проявил заинтересованность в развитии отношений с Россией.

В тексте карты имеются описания жизни и быта корейских поселенцев, бежавших начиная с 60-х гг. XIX столетия от нищеты, голода и притеснений со стороны чиновничества в поисках лучшей доли в Россию. Королевский двор стал более терпимо относиться к факту присутствия корейцев за границей, что еще недавно строго запрещалось (нарушители подвергались суровому наказанию). Мотивом изменения отношения к эмигрантам выступили собственные интересы Кореи: возможность использовать беглецов для сбора информации разведывательного характера о соседних государствах.

Помимо собственно географических на карте представлены сведения о растениях, животных и других естественнонаучных достопримечательностях Приморья, о событиях из истории взаимоотношений России, Кореи и Китая. Карта могла быть использована современниками для уточнения параметров пограничной линии, изучения состояния российско-китайских приграничных отношений, анализа пограничного вопроса. На ней отображены военные объекты, приведены количественные характеристики охранных войск, оборонительные сооружения пограничных территорий.

Промышленные предприятия, система транспортного сообщения, связь, развитое портовое хозяйство в городах российского Приморья представлены на страницах карты. В тексте имеются сведения о политической, экономической жизни северной страны, недавно появившейся на дальневосточных рубежах и формирующей стратегию взаимоотношений с соседними государствами. Сам документ, как считает один из корейских исследователей, — это «доклад о продвижении великой России на Восток», представленный вниманию правителя Кореи [10, с. 61].

По свидетельству сотрудников библиотеки Чансогак Академии корееведения, хранителей раритетного документа, она является одной из немногих, если не единственной цветной картой, отображающей военные реалии иностранных государств — сопредельных Китая и России [10, с. 59]. Отметим также важность того факта, что документ стал первой письменной попыткой Кореи составить представление о соседнем государстве — России.

Источники и литература

1. 江北日記. 江左輿地記. 俄國輿地圖 Kangbuk Ilgi. Kangzwa Jochigi. Aguk Yeojido = «Дневники [миссии на] северный берег реки». «Записи о землях, расположенных на левом берегу реки». «Карта России». 城南市 Seongnam-si = Соннам: 韓國精神文化研究院 Hankuk Jeongsin Munhwa Yeonguwon = Академия духовной культуры Кореи, 1994. 285 с.

2. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.): документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 308 с.
3. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006. 336 с.
4. Yoon Hong-key. The Culture of Fengshui in Korea: an Exploration of East Asian Geomancy. Oxford: Lexington Books, 2006. 331 p.
5. Ингемансон Б. М. Космополитический Владивосток: шведские отблески, 1908–1923 // Рубеж. 2003. № 4 (866). С. 273–278.
6. Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Уссури, 1990. 302 с.
7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Л. 6–7 об.
8. Никольск-Уссурийский: страницы истории: документы и материалы / ред.-сост. Н. А. Троицкая и др. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2003. 180 с.
9. 幸承權 Syn Seoung Kwon. 江左輿地記. 俄國輿地圖解題 Kangzwa Jochigi. Aguk Yeojido haeje = Комментарии к «Записям о землях, расположенных на левом берегу реки» и «Карте России» // 江北日記. 江左輿地記. 俄國輿地圖 Kangbuk Ilgi. Kangzwa Jochigi. Aguk Yeojido = «Дневники [миссии на] северный берег реки». «Записи о землях, расположенных на левом берегу реки». «Карта России». 城南市 Seongnam-si = Соннам: 韓國精神文化研究院 Hankuk Jeongsin Munhwa Yeonguwon = Академия духовной культуры Кореи, 1994. С. 38–51.
10. 李旺茂 Li Wang Mu «아국여지도»와 XIX 세기말 조선의 관방(關防)의식 Aguk Yeojidowa XIX seki mal Joseonui gwanbang uisik = «Карта России» Агук Ёджидо и представления о защите границ в Корее в конце XIX столетия // 俄國輿地圖 Aguk Yeojido = «Карта России». 城南市 Seongnam-si = Соннам: 韓國學中央研究院 藏書閣 Hangukhak Jungang Yeonguwon Jangseogak = Библиотека Чансогак Академии корееведения, 2007. С. 58–65.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

М. Ю. Илюшина

«БОЖЕСТВЕННЫЕ КАСЫДЫ...» СУЛТАНА АЛЬ-ГУРИ

В Копенгагене, в датской Королевской библиотеке хранится рукописный сборник стихов предпоследнего правителя мамлюкской державы султана Кансуха аль-Гури (1501–1516), хотя, если следовать полностью огласованному тексту рукописи, султана следовало бы назвать Кансух аль-Гаури, поскольку первая буква в нисбе имеет четко проставленную фатху (краткий гласный *a*). Также огласовано это имя в сборнике стихов *аль-Гаури* под названием «Божественные касыды...» (القصيد الربانية والموشحات السلطانية الغورية), который был записан по повелению самого султана одним из его мамлюков и хранится в Институте Рукописей в Каире [103. ص. 1] (текст тридцати шести из сорока двух стихотворений датской рукописи почти полностью совпадает с текстом «Божественных касыд...»). Огласовка фатхой была обнаружена и в копии «Шахнаме» с посвящением Кансуху *аль-Гаури*, по заказу которого она была изготовлена [2, р. 31–32].

В стихотворении Ибн Ийаса (1448–1524), посвященном вступлению султана на престол, а также в касыде, сопровождающей описание событий лета 1512 г., буква *ġ* в имени аль-Гури огласована даммой (краткий гласный *y*) [278. ص. 4, 3]. Трудно предположить, что Ибн Ийас, известный историк, выходец из семьи черкесских мамлюков и современник аль-Гури, не знал, как произносится имя этого правителя. Еще более невероятной представляется ошибка в текстах, написанных для султана по его собственному заказу. Противоречие, как отмечает египетский исследователь Ша'бан Мухаммад Марса, может объясняться стремлением аль-Гури связать свое происхождение с арабской областью аль-Гаур (на территории современных Иордании, Палестины и Израиля) [98. ص. 1]. Такое стремление вполне согласуется с заявлением аль-Гури о том, что черкесы ведут свой род от гассанидов, т.е. имеют арабские корни [51. ص. 4]. Возможно, Ибн Ийас, который закончил работу над своей хроникой уже после того, как Египет вошел в состав Османской империи, не счел нужным поддерживать версию арабского происхождения мамлюкского султана. В современной научной литературе употребляются оба варианта написания имени — *аль-Гури* и *аль-Гаури*. В данной статье используется более распространенная в публикациях на русском языке [5–8] форма *аль-Гури*.

Достоверных сведений о происхождении Кансуха аль-Гури, как и большинства мамлюкских эмиров, нет. Его нисбу связывают с казармой аль-Гур в каирской цитадели, где он, возможно, проходил обучение как один из мамлюков Каитбея (1468–1496) [9, р. 20]. Существует гипотеза о том, что будущий султан родился в грузинском городе Гори или его окрестностях, поскольку в казарме аль-Гур размещались преимущественно выходцы из этой области. В Египет аль-Гури был привезен, предположительно, торговцем по имени Бабирди [2, р. 31–32].

Кансух аль-Гури входил в число мамлюков Каитбея, получил освобождение, а вместе с ним коня и ткань на костюм, после этого он стал одним из камердинеров султана — мамлюком *аль-джамдария*¹. Затем его перевели в личную охрану Каитбея. В 1481 г. Кансух аль-Гури при посредничестве своего тезки, эмира Кансуха Хамми'а,

¹ Джамдар — тот, кто отвечает за одевание султана [54. ص. 10].

© М. Ю. Илюшина, 2012

был назначен *кашифом* (управляющим) Нижнего Египта. Через три года Кансух аль-Гури получил звание командира десятка и отправился в Алеппо, затем стал наместником Тарсуса, позже снова вернулся в Алеппо [2, 3, 4, 5]. С 1489 г. он занимал там должность начальника дворцовой службы и, по существу, был наместником султана в этом городе, отлично проявив себя при подавлении восстания 1493 г. Следующим его назначением было наместничество в Малатье (Восточная Анатолия) [2, р. 33]. Успешная деятельность в провинциях позволила аль-Гури стать одним из самых влиятельных эмиров султаната, имеющих в своем подчинении не менее тысячи воинов [9, р. 20]. После смерти Каитбея и смещения его наследника ан-Насира Мухаммада (1496–1498) аль-Гури был в числе наиболее вероятных кандидатов на престол. Аз-Захир Кансух (1498–1499/1500) назначил его командиром султанских мамлюков (*ра'с наубат-ан-нуаб*). Аль-Гури вошел в круг доверенных лиц аль-'Адила Туманбея (1501) и занял в его администрации сразу четыре должности: главного *давадара* («хранителя чернильницы», т.е. начальника султанской канцелярии), *везира* (в его ведении находились налоги, а также надзор за расходами султанской кухни), *устадара* (мажордома, советника султана, решавшего важнейшие вопросы управления его резиденцией, которая включала и дворцовые службы, и казармы султанских мамлюков) и главного *кашифа*. Аль-'Адил Туманбей был свергнут 19 апреля 1501 г. Попытки двух других эмиров добиться избрания закончились неудачей и уже на следующий день, 20 апреля 1501 г., Кансух аль-Гури стал султаном [2, р. 33–34; 9, р. 20–21; 3, 4, 5]. Ибн Ийас сообщает, что в день своего восшествия на престол аль-Гури не переставал плакать и отказывался принять и титул, и черную султанскую чалму [3, 4, 5]. Это не помешало новому правителю в течение последующих пятнадцати лет твердой рукой удерживать власть в Египте.

В конце XV в. мамлюкский политический режим испытывал серьезные финансовые затруднения. Кансух аль-Гури был вынужден проводить конфискации некоторой части икта' и вакфов, повышать налоги и таможенные пошлины, чтобы наполнять постоянно пустеющую казну. «Непопулярные» меры вызывали недовольство среди военной элиты и гражданского населения [2, р. 34–36; 7, с. 151]. Курс жестких репрессий, принятый новым султаном, казался поначалу менее эффективным, чем обычная практика удаления проявивших недовольство оппозиционеров и потенциальных соперников из столицы: мятежи не прекращались. Под подозрением находился каждый, немногие могли удержаться в администрации более года. Только через пять лет пребывания у власти, когда был раскрыт очередной заговор, аль-Гури почувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы переместить в Цитадель собственную жену, жившую в частной резиденции в Каире [9, р. 21; 3, 4, 5].

Вопросы престижа, укрепления авторитета власти были важны для Кансуха аль-Гури не менее, а может быть и более, чем для любого другого мамлюкского султана. Формированию имиджа благочестивого и просвещенного правителя способствовали поддержка религии, деятельность в сфере культуры. Не всегда удачные попытки проведения финансовых реформ, губительные последствия распрей внутри военной элиты должны были затеряться в списке богоугодных дел, поблекнуть в тени величественных мечетей, прекрасных школ и богатых библиотек.

Весной 1503 г. была открыта великолепная *медресе*, возведенная по приказу султана. Праздник по этому случаю продолжался всю ночь. Обилие яств на освещенных яркими фонариками столах поражало присутствовавших не меньше, чем восхититель-

ное убранство здания. В дальнейшем неподалеку от *медресе* аль-Гури построил мавзолей и водоем с фонтаном для питья, а осенью 1503 г. — новую мечеть [59–58, 53–52. ص. 4, الج. 3].

По приказу аль-Гури были основаны постоянный двор и новые укрепления в Акабе, куда прибывали паломники, направляющиеся в Священные города. Осенью 1515 г. архитектор Хайр-бек вместе с группой инженеров, плотников и строителей отправился в Мекку для возведения госпиталя и пристанища для путников, кроме того, им было приказано вымостить Заповедную Мечеть и подвести к городу воду из источника Базан [2, р. 50; 163. ص. 4, الج. 3].

В конце 1506 или самом начале 1507 г. из Сирии в египетскую столицу доставили плодовые деревья, цветущие кустарники и кокосовые пальмы. Они были высажены на площади у Цитадели. Кансух аль-Гури, как сообщает Ибн Ийас, был очень увлечен этим проектом и любил прогуливаться по новому саду. В 1508 г. там устроили пруд и террасы [137, 102. ص. 4, الج. 3]. В 1513 г. султан распорядился о строительстве новых фонтанов в Каире [289–288. ص. 4, الج. 3].

Султан Кансух аль-Гури поощрял перевод и переписку книг и прославился как основатель первой при мамлюкском дворе мастерской по иллюстрации рукописей [2, р. 33]. Известны два прозаических произведения самого аль-Гури². Египетский ученый доктор 'Абд-аль-Ваххаб 'Аззам посвятил этим сочинениям специальное исследование, которое было впервые опубликовано в 1941 г. [4]. Поэтический ответ Кансуха аль-Гури на посвященный ему панегирик приводит в своем биографическом словаре Наджм-ад-Дин аль-Гази [112–111. ص. 11].

Рукопись стихотворений аль-Гури из Датской Королевской библиотеки плохо сохранилась, многие фрагменты текста не читаются. Ни имя переписчика, ни дата переписки не установлены. Сорок листов (по девять строк на странице) заключены в европейский картонный переплет с корешком и уголками из светло-коричневой кожи [12]. Этот новый переплет рукопись получила, по-видимому, уже в Дании. На корешке сохранились золотая монограмма «CRVIII»³ и надпись: «Poëmata Sultani Kânszuh el-Gauri». Текст полностью огласован, почерк — отчетливый насх, черные чернила, заголовки выписаны золотом, иногда — красными чернилами. Заглавие предпоследнего стихотворения не вписано.

В сборник вошли в основном стихотворения религиозного содержания. В каждом из них упомянуто имя султана, который представлен благочестивым мусульманином и набожным правителем, в некоторых бейтах использованы характерные для суфийской поэзии образы:

1. Владение — Твое. И паства вся — Твои рабы, Ты ими правишь.
Бедняк Твой Гури Тебе вверяет власть свою над ними...

[12, л. 2а].

2. Аль-Гури просит помощи у Господа во всяком деле.
Он царство получил, но лишь рабом остался
Всевышнего, Всеславного Владыки

[12, л. 3а].

² «الكوكب الدرى في مسائل الغورى»; «نفائس المجالس السلطانية».

³ Датский король Кристиан VIII правил с 1839 по 1848 г.

3. Позаботься о них...
И рабе Твоем Гури. Пусть взором Твоим осветится душа
[12, л. 3аа].
4. Аль-'Ашраф Гури навел порядок в войске,
Повиновеньем их — султан
[12, л. 56].
5. Быть может аль-Гури увидит Божественный Свет,
Он царства и трона желанней
[12, л. 66].
6. Душа аль-Гури пьяна тем сладостным напитком,
Который наслаждение дает...
[12, л. 9а, 9б].
7. На троне царства своего свидетельствовал Гури,
Что Свет превыше царства
[12, л. 116].
8. Поэзия Гури украшена смыслом — запомнят ее.
Сколь многие были искусны подобно ему в сочинительстве —
ныне забыты
[12, л. 136].
9. Раб Твой аль-Гури слаб,
Грехами сердце истощилось,
Прощенья просит у Тебя,
О Милостивый Бог!
[12, л. 14а, 14б].
10. Раб Твой аль-Гури
Совсем не жесток:
Слезы немедля текут,
Трепет внушает Бог
[12, л. 15а].
11. Ждет милосердия Гури
От Того, Кто дает благодать.
От злейшего в тварях Господних
Просит его ограждать
[12, л. 16а].
12. Гури, Твой раб, покорен,
К судьбе своей устремлен
[12, л. 16б].
13. Раб Твой грешный аль-Гури
Прощения просит
[12, л. 17а].
14. Гури прощения просит
У Всемогущего Бога
[12, л. 18а].
15. Его желанье Гури исполняет,
Его благодарит, Ему хвалу возносит
[12, л. 18б].

16. Ты — Кто прощает ошибки,
 Гури — Твой преданный раб
[12, л. 19а].
17. Гури, раб Его молящий
 О всякой радости,
 Приюта ищет...
[12, л. 20а].
18. Лишь Бог аль-Гури нужен,
 Суду Его послушен,
 Он Божьей воле внимлет,
 У врат Его стоит
[12, л. 20б].
19. Аль-Гури — раб, который совершал ошибки...
 Прими молитву от Него
[12, л. 21б].
20. Гури, раб твой молящий,
 Столь многое получил от Тебя
[12, л. 21аа].
21. Аль-Гури Господа благодарит
 И языком, и сердцем,
 Боится он греха,
 Защиты ищет он в прощеньи Божьем
[12, л. 21аб].
22. Аль-Гури быть очищенным надеется от пятен,
 И Милосердного он о прощеньи молит...
[12, л. 22б].
23. Когда придет черед,
 Защити раба Твоего аль-Гури
 От несправедливости...
[12, л. 24а].
24. Гури искренен в любви,
 Он с ними заодно. Они —
 На Бога уповают. И средь рабов Его
 Могущественней нет никого
[12, л. 24б].
25. На милосердие надеется аль-Гури
 И просит он защиты...
[12, л. 25а].
26. Раб Его Гури —
 Тот, кто искренен в благодарности...
[12, л. 26а].
27. Гури уповает на прощенье.
 Защити, Господи, его на верном пути.
[12, л. 27а].
28. Гури раб Твой трепещет,
 Оставил грехи свои в прошлом...
[12, л. 27б].

29. Надеется аль-Гури раб Его,
Что будет им доволен Господин
[12, л. 27а6].
30. Раб Твой Гури кается,
От грехов своих возвращается...
[12, л. 28а].
31. Прямым путем веди раба аль-Гури,
Даруй ему Божественную благосклонность
[12, л. 28аа].
32. Тому, Кто все свершит
И в этой жизни, и в другой,
Вверяет дело Гури —
Послушен Божьему суду
[12, л. 28а6].
33. Удали грехи от раба Твоего аль-Гури,
Когда он придет к Тебе...
[12, л. 29а].
34. О Боже! Говорит аль-Гури...
[12, л. 30а].
35. О Снисходительный! Раб Твой аль-Гури просит
Сновиденье ему ниспослать
[12, л. 31а].
36. Я, аль-Гури, — раб,
Послушен и прошу прощенья
[12, л. 32а].
37. Свидетельствует Гури, раб Твой,
Что Он — Единственный...
[12, л. 326].
38. Аль-Гури искренен в любви
И в помыслах своих, и в сердце
[12, л. 33а].
39. Надеется аль-Гури,
Что будет принято все то,
Что совершил.
Он искренен пред Богом
[12, л. 34а].
40. Я, Ашраф Гури, — раб,
И Господа рабов прошу судьбу свершить
[12, л. 35а].
41. О Великодушный! Ты дал мне
Службу Дому и Святому месту
И царство поручил...
...Аль-Гури,
Будь для него Помощником
[12, л. 356].
42. О Господин рабов! Твой раб аль-Гури
Стремится в лучшую из стран,
К Заступнику, когда наступит срок...
[12, л. 37а].

Аль-Гури, смиренный мусульманин, правитель, все помыслы которого обращены к Всевышнему, а все дела — на благо подданных. Таков осевой образ поэтического сборника, иногда едва заметная, но прочная нить, связывающая все стихотворения воедино. Обращение к суфийской тематике, по-видимому, отражает значимую роль суфизма в мамлюкском сообществе. Мамлюки были основателями многочисленных *ханака* (странноприимных домов для суфиев) и часто сами назначали руководителей этих учреждений. Иногда в них располагались *рибаты* (в данном случае специальные помещения, «казармы») для солдат, которые здесь же проходили обучение, как например в *ханаке*, основанной султаном Бейбарсом II (1309–1309). Сам аль-Гури оказал покровительство Ибрахиму Гюльшени (ум. в 1534 г.), основателю первой *завийи* (суфийской обители) *халватийа*. Перед решающей битвой с османами на равнине Мардж Дабик в 1516 г. Кансух аль-Гури объехал свои войска в сопровождении дервишей и глав орденов *бадавийа*, *кадирийа* и *рифа'ийа* [13, с. 28–29, 71, 196, 240].

О воинах султана, его мамлюках говорится в первых стихотворениях сборника:

Соедини сердца солдат моих все вместе.
Пусть будут цели их и ясны и чисты.
Тех, кто обман задумал против нас,
Сгуби и уничтожь.
И укрепи того, душа которого
Тверда, правдива, мужества полна.
Мне власть над ними сохрани,
Они — опора государства и его защита.
Укрой заботой их, даруй им счастье
Ранг возвысить свой.
В особенности тем, на ком стоит держава.
Что есть они — пред вечности лицом — благое дело.

[12, л. 3аа].

Послушно войско нам. Соединилось,
Собралось в едином верном сердце.
Мы любим их как сыновей.
Пусть сохранит их Бог, единства не нарушив.
Душа полна любовью к ним,
Пусть Бог их вместе соберет на радость.
Для нас они все — братья,
Стеной стоят на страже государства,
Ему на пользу силы отдают.
Победоносна армия, в ней
Каждый предан нам кавалерист.
Сомненья нет в них

[12, л. 4а].

И каждый старший в войске — как отец, а средний — брат,
Младые же для нас — как сыновья

[12, л. 4б].

В приведенных выше строках перечислены по сути базовые характеристики мамлюкского сообщества, наличие которых было необходимым условием сохранения политической власти и военных побед. Чем дальше отступали мамлюки от этого идеала, тем опаснее становились смуты, а султан мог потерять и трон, и собственную жизнь.

Отсутствие единства в армии и предательство подкупленного османами командира стали одной из причин поражения мамлюков на Дабикском поле и гибели Кансуха аль-Гури.

Стихотворения рукописного сборника Датской Королевской библиотеки представляют собой редкий образец поэтического творчества мамлюков. Официальный «декларативный» характер написанных в традиционных размерах касыд и строфической поэзии *мувашиах* позволяет рассматривать *Диван Кансуха аль-Гури* как важный источник для изучения культуры и идеологии мамлюков.

Литература

1. *Diwan al-Sultan al-Ghauri*. Dirasa wa tahqiq Sha'ban Muhammad Marsa. Al-Kahira: Majallat ma'had al-mahtutat al-'arabija, 1981. 178 s.
دوان السلطان الغوري. دراسة و تحقيق شعبان محمد مرسى. القاهرة, 1981. 178 ص.
2. *Hamzah Kh*. Late Mamluk patronage: Qansuh al-Ghuri's waqf and his foundation in Cairo. Florida: Universal-Publishers Boca Raton, 2009. 152 p.
3. *Ibn Iyas, Muhammad b.* 'Ahmad al-Hanafi. Bada'i' al-Zuhur fi Waqa' i' al-Duhur. Al-J. 4. Istanbul: Matba't al-Dawla, 1931. 502 s.
محمد بن احمد بن ايباس الحنفى. بدائع الزهور في وقائع الدهور. الجزء الرابع. استانبول, 1931. 502 ص.
4. 'Azzam, 'Abd al-Wahhab. Majalis al-Sultan al-Ghawri. Cairo: Matba't lajnat al-ta'lif wa-l-tarjima wa-l-nashr, 1941. 101 s.
عبد الوهاب عزام. مجالس السلطان الغوري: صفحات من تاريخ مصر في القرن العاشر الهجري. القاهرة, 1941. 101 ص.
5. Хрестоматия по истории халифата / сост. и пер. Л. И. Надирадзе. М.: Изд-во МГУ, 1968. 252 с.
6. *Ал-Джабарту Абд ар-Рахман*. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х. И. Кильберг. М.: Наука, 1978. 498 с.
7. *Зеленев Е. И.* Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 373 с.
8. История Востока: в 5 т. М.: Вост. лит. РАН, 2009. Т. 2. Восток в средние века. 716 с.
9. *Petry C. F.* Protectors or Praetorians? The Last Mamluk Sultans and Egypt's Waning as a Great Power. Albany: State University of New York Press, 1994. 280 p.
10. *Muhammad 'Ahmad Dahman*. Mu'jam al-Alfaz al-Tarikhiya fi al-'Asr al-Mamluki. Beirut: Dar al-fikr al-mu'asir, 1990. 160 s.
محمد احمد دهمان. معجم الالفاظ التاريخية في العصر المملوكي. بيروت, 1990. 160 ص.
11. *Najm al-Din al-Ghazzi*. Al-Kawakib al-sa'ira bi-a'yan al-mi'a al-'ashira. Beirut: Dar al-afak al-djadida, 1979. 942 s.
نجم الدين الغزي. محمد بن محمد. الكواكب السائرة بأعيان المئة العاشرة. بيروت, 1979. 942 ص.
12. Cod. Arab. 280. Codices Arabici. Det Kongelige Bibliotek. Copenhagen.
13. *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. М.: Наука, 1989. 328 с.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

Ю. С. Мыльникова

«ФУНЮЙ ШИ ЯНЬЦЗЮ»: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖАНРА

Изучение «женской истории» (англ. — *women's history*; кит. — *фунюй ши яньцзю* 妇女史研究) представляет собой относительно новое направление в исторической науке. «Женская история» относится к категории гендерных исследований (англ. — *gender studies*; кит. — *синбе яньцзю* 性别研究) — междисциплинарных исследовательских практик, в которых используется понятие социального пола — гендера (*шэхуй синбе* 社会性别) — для анализа общественных явлений и их изменений. Стоит сразу отметить, что после того как библиотекарь Королевской библиотеки в Копенгагене Нин Коч в 1971 г. ввела в обиход термин «феминология» (англ. — *feminology*; кит. — *фунюй-сюэ* 妇女学), наряду с устоявшимся понятием «женская история» появляется не получивший большого распространения термин «историческая феминология» [1, с. 489].

Рост интереса к «женской теме» в современном западном гуманитарном знании наметился к концу 1960-х гг. Социально-политический контекст появления женских исследований был создан либеральными идеями (эмансипации, равенства, автономии, прогресса), нашедшими отражение в молодежных движениях конца 1960-х гг., сексуальной революции и дальнейшем развитии феминизма. На 1970-е гг. приходится начальный этап становления женских исследований, которые в то время могли называться по-разному¹. В конечном итоге общепринятым термином западной науки становится словосочетание *women's studies*.

К началу 1970-х гг. в рамках многих традиционных академических дисциплин уже в десятках университетов США и Европы появилось «изучение женщин». Историки, как правило, анализировали проявления гендерного неравенства, а также возвращали несправедливо забытые имена женщин, внесших вклад в развитие культуры. Литературоведы рассматривали своеобразие образного и речевого стилей женщин-писательниц; педагоги ставили вопрос об особенностях воспитания мальчиков и девочек; психологи обращались к ранее известным, но несколько подзабытым классическим трудам по женской психологии; социологи пытались показать неодинаковость социальных ролей мужчин и женщин.

Гендерные исследования в эпоху глобализации стали признанным направлением развития гуманитарного знания не только в США и Западной Европе, но и в странах Африки, Азии, Восточной Европы, России, на постсоветском пространстве.

На этом фоне возникает и формируется как самостоятельная дисциплина изучение «женской истории» (англ. — *women's history*; кит. — *фунюй ши яньцзю* 妇女

¹ Например: 1. «женские исследования» (*female studies*), что казалось ученым-феминисткам слишком биологизированным; 2. «феминистские исследования» (*feminist studies*), что отвергалось многими по причине идеологизированности (так как не все желающие примкнуть к новому направлению причисляли себя к феминисткам/феминистам); 3. «изучение женщин» (*women's studies*), что некоторыми считалось не слишком политкорректным, так как подчеркивало «объектность» женщины или женщин как предмета изучения; 4. «женские исследования» (*women studies*) — так определялись исследования любой проблемы, написанной на «женскую тему», причем чаще всего самими женщинами.

© Ю. С. Мыльникова, 2012

史研究), чему в немалой степени способствовали появление в мировой историографии новых концепций и подходов, выделение в отдельные направления исторического знания истории ментальностей, истории повседневности, истории сексуальности, повышение значимости проблем исторической психологии и исторической демографии. Кроме этого появляется также интерес к проблемам массовых движений, в том числе женского движения.

Остановимся кратко на некоторых поворотных моментах в изучении «женской истории».

В 1986 г. Джоан Скотт выдвинула тезис о том, что понятие социального пола (гендера) является важной категорией исторического анализа. Гендер непосредственно связан с существовавшими на различных этапах истории нормативными концепциями, которые отражены в религии, политике, образовании, науке и праве. С другой стороны, гендер имеет отношение к общественным институтам и организациям, находит выражение в культурных символах и знаках, а также самоидентификации. По мнению Д. Скотт, изучение истории через призму гендера и связанных с ним понятий открывает новые перспективы в исследовании старых вопросов, позволяет выработать новые определения для конкретных исторических реалий [2].

С конца XX в. изучение «женской истории» вышло на качественно новый уровень: цель исследований перестала сводиться лишь к отысканию женских имен в источниках. Исследования стали фокусироваться на поисках, осмыслении и объяснении того, как гендерные институты (такие как модель брака, семейная организация, система родства и т. д.) влияли на жизнь женщин, опосредовали положение и статус женщины в семье и обществе. Кроме того, стали анализироваться причины существования данных институтов и создаваемая ими обстановка в обществе. В современных исследованиях женщина не рассматривается более как пассивный персонаж истории, ее позиционируют как активного участника исторического процесса. В методологии гендерных исследований наметилась новая тенденция. Ученые подчеркивают, что у каждого отдельного общества определение гендера не является неизменным или единственно существующим. Соответственно, и в изучении «женской истории» следует обращать внимание на реинтерпретацию гендерных понятий, которые возникали на различных исторических этапах и в различном историческом окружении [3].

Активно занимающиеся изучением «женской истории» китайские историки как на материке, так и в Гонконге и на Тайване неплохо осведомлены в отношении указанных тенденций. К сожалению, в силу различных причин отечественное китаеведение по-прежнему недооценивает значимость и перспективность разработки самых разных аспектов, связанных с жизнью женщин в многовековой истории Китая. Учитывая определенное «отставание» отечественной науки в этом направлении, данный обзор исследований на китайском языке призван хотя бы отчасти заполнить существующий вакуум.

- **Публикации первой половины XX в.**

Начало изучению «женской истории» было положено в первые десятилетия XX в. китайскими исследователями. В 1909 г. цинскими историками Цзинь Бин-линем и Ван И-цюанем была составлена «История женщин Китая» [4]. После Синьхайской революции и движения за новую культуру в Китае развернулось женское движение, давшее мощный импульс первым историческим исследованиям по данной теме. Изучение «жен-

ского вопроса» на материковом Китае пережило два всплеска: один пришелся на первую половину XX в., второй, который продолжается и поныне, начался в 1980-е гг.

Книга «Новая история китайских женщин», написанная в 1913 г. писателем Сюй Тянь-сяо, судя по всему, была самой первой попыткой проведения системного анализа в отношении жизни китаянок [5]. Это произведение стало своего рода прорывом, ведь вся написанная ранее литература о женщинах и для женщин преимущественно описывала женские добродетели и носила назидательный характер. Работу Сюй Тянь-сяо отличают революционная тональность, пропаганда женских прав. Повествование состоит из глав и параграфов, а не следует традиционной биографической форме (*лечжуань* 列传).

В 1920-е гг. было издано несколько знаковых трудов. Монографии Чэнь Гу-юаня «История брака в древнем Китае» [6] и Чэнь Дун-юаня «История жизни китайских женщин» [7], опубликованные в 1925 и 1928 гг. соответственно, оказали значительное влияние на становление «женской истории» в Китае. Повествование в «Истории жизни китайских женщин» построено по династийному принципу и заканчивается описанием жизни женщин в республиканском Китае. Внутри глав отдельные параграфы посвящены вопросам брака, морали, образования, женского целомудрия, бинтования ног, также в книге содержится материал о наложницах и дамах свободного поведения (называемых в источниках и китайскими авторами «певички»), женском движении. Вопросы замужества и семейной жизни женщин традиционного китайского общества были детально освещены в работе «Брак и семья» историка и личного секретаря Чан Кай-ши Тао Си-шэна [8].

В конце 1920-х гг. Чжао Фэн-цзе была опубликована первая в Китае монография о правовом положении женщин [9]. В книге представлена характеристика гражданских прав и свобод женщины республиканского Китая, причем правовое положение женщины автор рассматривает с точки зрения исполняемых ею трех основных внутрисемейных ролей — ролей незамужней дочери, жены и матери. Книга Цюй Тун-цзю «Китайское право и китайское общество» [10], переведенная в 1961 г. на английский язык, всецело посвящена традиционному китайскому праву и, в частности, правовому аспекту положения женщины в императорском Китае. В поле зрения исследователей оказалась также и история проституции, в этой связи можно упомянуть работу Ван Шу-ну «История певичек в Китае» [11], опубликованную впервые в 1934 г.

- **Работы 1980–1990-х гг. XX в.**

Антаяпонская война, годы гражданской войны, перипетии внутривосточной обстановки в первые годы существования КНР негативно сказались на научной жизни Китая: многие исторические проблемы потеряли свою актуальность, марксистско-ленинская парадигма диктовала выбор вопросов для исторических исследований.

Лишь спустя свыше тридцати лет научный мир Китая начал переживать вторую волну интереса к изучению вопросов «женской истории». Некоторые историки резонно полагают, что прошедшая в сентябре 1995 г. в Пекине IV Всемирная конференция ООН по положению женщин стала импульсом к дальнейшему развитию исторических исследований по «женскому вопросу» в Китае. С начала 1980-х по 1990-е гг. историки занимались восстановлением утраченных позиций.

По спектру рассматриваемых вопросов исследования этого периода можно разделить на несколько блоков. Первый блок работ посвящен институту семьи и брака

в Китае, положению женщины в системе традиционных семейных отношений. Так, например, можно упомянуть труды Ван Юй-бо «История института патриархальной семьи в Китае» [12]; Сюй Ян-цзе «История института семьи в Китае» [13]; Сунь Сяо «Исторические рассказы о браке в Китае» [14]; Ши Фэн-и «Брак и семья в древнем Китае» [15]; Тао И, Мин Синь «История института семьи и брака в Китае» [16]; Го Син-вэнь «Традиционные обычаи заключения брака в Китае» [17]; Цзян Юэ-бинь «Китайские жены и наложницы» [18]. Стоит особо выделить монографию Чэнь Пэна «Очерки истории брака в Китае» (публикация рукописи 1957 г.) [19], до сих пор не утратившую своей актуальности.

Отдельную категорию публикаций составляют работы о взаимоотношениях двух полов, о месте женщины в культурной традиции Китая. В сочинении под редакцией Минь Цзя-инь «Вариации маскулинности-фемининности: взаимоотношения двух полов и модель общества» [20] с точки зрения социального пола представлена всесторонняя характеристика взаимоотношений двух полов. В коллективной монографии «Женские табу: анализ места женщины в системе ритуальных норм древнего Китая»истики Чжао Цзянь-вэй и Чжан Чжэнь-цзюнь проводят анализ существовавших этикоритуальных запретов в отношении женщин с точки зрения деторождения, брака, пола, религии и норм ношения траура [21]. Системное описание воспитания и образования женщин предпринял Цао Да-вэй в работе «Женское образование в древнем Китае» [22].

«Наряды женщин в истории Китая» [23] и «Украшения и макияж женщин древнего Китая» [24] — пример работ историко-этнографического плана, посвященных женским ювелирным украшениям, головным уборам, прическам, макияжу и аксессуарам.

Также исследователей стали привлекать знаменитые и талантливые женщины Китая, придворные дамы и певички. Такие публикации, как «100 женщин, повлиявших на историю Китая» [25] или «Знаменитые женщины в истории Китая» [26], ежегодно появляются на прилавках книжных магазинов КНР.

В рассматриваемый период было опубликовано немало исследований, ограниченных изучением положения вдов и повторно вышедших замуж женщин. Как бы хороши ни были эти работы, стоит понимать, что составить целостную картину положения женщин, опираясь лишь на материал о вдовах, разведенных женщинах и вступивших в брак повторно, невозможно.

Нельзя не упомянуть выход в свет первого системного библиографического труда «Аннотированный каталог публикаций о китайских женщинах за последние сто лет» под редакцией Цзан Цзяня и Дун Най-цяна [27].

Тогда же появляются первые результаты исследований, ограниченных правлением конкретной династии. В 1988 г. была издана монография Гао Ши-юя «Женщины эпохи Тан», в которой была предпринята попытка всесторонне осветить жизнь женщин различного происхождения и социального статуса в танскую эпоху [28]. Перечислим и ряд других подобных изданий: Чжэн Хуй-шэн «Женщина и брак в древнем Китае» [29], Пэн Вэй «Формы брачного союза в ханьское время» [30], Дэн Вэй-чжи «Брак в дотанское время» [31], Ся Сяо-хун «Представления о женщине учеными эпохи поздней Цин» [32], Ли Цзи-пин «Система рабства эпохи Тан» [33].

- **Исследования рубежа XX–XXI вв.**

С конца 1990-х гг. XX в. по настоящее время вслед за превращением феминизма в явление глобального масштаба и дальнейшим развитием научных гендерных иссле-

дований *фунюй ши яньцзю* получило дополнительный стимул к дальнейшему развитию. Исследованиям нового этапа присущи некоторые особенности.

Во-первых, происходит **расширение объектов изучения**. В связи с этим стоит выделить работы по изучению женщин из числа нацменьшинств или проживающих на территории национальных автономий. Так, например, в монографии Дин И-чжуан «Жизнь женщин и институт брака у маньчжур» анализируется взаимосвязь брачных обычаев маньчжур с восьмизнаменной системой, представлена всесторонняя характеристика института брака и жизни женщин у маньчжур [34]. В книге Шэнь Хай-мэй «Изучение жизни женщин провинции Юньнань в эпохи Мин и Цин», опубликованной на основе кандидатской диссертации, проведен всесторонний анализ общественной жизни женщин различных национальностей, проживавших на территории провинции Юньнань во времена правления династий Мин и Цин [35].

Второй особенностью современного этапа становится **разнообразие исследуемых проблем**. Исследователи стали отходить от освещения традиционных достаточно хорошо изученных вопросов об институте брака и традициях заключения брачного союза в Китае, начав разработку таких проблем, как возраст вступления в брак, матримониальные конфликты и т. д. В этой связи необходимо назвать несколько ключевых монографий. В публикации Го Сун-и «Моральные нормы и жизнь: супружеские отношения в цинском Китае» проведен глубокий анализ локальных обычаев заключения брака, особенностей брака среди различных слоев общества, обычая воспитания малолетних девочек в качестве будущих невесток (*тунянси* 童养媳), брачного возраста; в ней также содержится информация о наложницах, примаках, целомудренных вдовах и повторно вышедших замуж женщинах [36].

Комплексное исследование на основе архивных материалов представлено в монографиях «Изучение семьи и брака в Китае в XVIII в. на основе анализа судебных дел за период 1781–1791 гг.» историка Ван Юэ-шэна [37] и «Положение и права женщин династий Мин и Цин: на основе казенных бумаг и судебных дел» А Фэн [38]. Еще одну работу Ван Юэ-шэна «Анализ матримониальных конфликтов в середине правления династии Цин» отличают оригинальный подход и основательная аргументированность выводов [39].

Со временем изучение проституции, сексуальной теории и практики традиционного Китая, роли женщины в китайской эротологии становится отдельным направлением в мировой синологии. В этой связи можно упомянуть публикацию Лю Да-линя «Секс и китайская культура» [40] и работу У Цунь-цуня «Любовные нравы обществ Мин и Цин» [41].

Обновление методов исследования и расширение круга используемых источников. Под этим аспектом подразумевается, прежде всего, использование теории социального пола (гендера) применительно к изучению «женской истории» — историки стали осознанно применять понятие гендера в научных исследованиях. Публикации последних лет отличают плюрализм, детальность, научная обоснованность, отход от стереотипных суждений; то, что целью исследований становится воссоздание подлинной картины исторических событий. Наиболее значимые научные достижения новейшего периода содержатся в работах по истории женщин отдельных династий. Приведем несколько примеров.

Одной из ключевых работ начала 2000-х гг. стала монография профессора калифорнийского университета Яо Пин «Жизненный путь женщин династии Тан» [42].

На основе широкого круга источников, прежде всего текстов танских надгробий, Яо Пин проводит комплексное исследование брачной обрядности, аспектов супружеских отношений, положения матерей, мачех и наложниц. В книге также представлена характеристика женщин, находящихся вне традиционной системы семейных отношений (монахини, певички).

Концептуально новым исследованием является монография Те Ай-хуа «Изучение женщин ученого сословия эпохи Сун» [43]. Те Ай-хуа оставила в стороне неплохо проработанные вопросы заключения брака и имущественных прав женщин и сконцентрировалась на менее изученных аспектах жизни женщин, таких как, например, участие женщины в общественной жизни, проведение досуга, правовое положение женщины сквозь призму законодательства о сексуальных преступлениях, общественное мнение о взаимоотношениях полов, круг чтения женщин, их роль в обучении детей и т. д.

Самого серьезного внимания заслуживает сборник «Женщины и общество династий Тан и Сун», изданный в 2003 г. в книжной серии Пекинского университета «Изучение периода расцвета Тан» [44]. В двух томах собраны статьи выдающихся китайских, японских и западных историков.

Несмотря на развитие новых тенденций в изучении истории женщин, многие исследователи по-прежнему следуют традиционной историографии, занимаются вопросами семьи и брака, используя наработки предыдущих историков. В этой связи можно назвать монографии Ван Бинь-лина «История брака в Китае» [45] и Ван Шао-си «История наложниц» [46].

Стоит особо отметить пятитомник под редакцией Чжан Го-гана «История семьи в Китае» [47]. Это первое в своем роде многотомное сочинение, в котором освещены особенности заключения брака и показано все многообразие семейной жизни китайского общества, начиная от правления династии Цинь и до республиканского периода.

Работы гонконгских и тайваньских авторов представляют отдельный блок исследований по данной теме. Изучение «женской истории» в Гонконге и на Тайване прошло целенаправленно и продуктивно, в этих регионах к настоящему времени сформирована полноценная комплексная научная база исследований по «женской истории». Основными направлениями специализированных работ становятся брак, деторождение, повседневная жизнь и общественное положение женщин.

Гонконгский историк Пан Дэ-синь в работе «Жизнь горожан двух сунских столиц» [48] посвятил отдельную главу социальному статусу женщин, представлениям о женском целомудрии, судьбам наложниц, проституток и рабынь, а также профессиям горожанок. В 1993 г. Лю Юн-цун опубликовал результаты своего исследования в книге «Слабый пол и история: новый взгляд на традиционную концепцию» [49]. Другие гонконгские исследователи Май Мэй-шэн (麦梅生) и Е Хань-мин (叶汉明) также внесли существенный вклад в продвижение изучения «женской истории».

Начиная с 1979 г. на Тайване под редакцией Бао Цзя-линь непрерывно публиковались сборники статей, посвященные жизни женщин в Китае. В них собраны исторические статьи, на основе которых можно проследить путь становления «женской истории». Бао Цзя-линь знаменита и как автор единственной в своем роде публикации «Учение инь-ян и положение женщины» [50]. Уже стали классическими монографии тайваньских историков старшего поколения Ли Цзя-фу «Жизнь китайских женщин в древности» [51] и Гао Да-гуаня «Эволюция семьи и общества в Китае» [52]. Не менее содержательны также коллективная монография «Трагические судьбы женщин в исто-

рии Китая» [53] и сочинение Сян Шу-юня «Танский закон о браке и истинное положение дел» [54].

В научной литературе положение женщины в истории Китая традиционно рассматривается сквозь призму модели семейного уклада. В последние годы китайские исследователи, как и их западные и японские коллеги, исходят из того, что брак и семья не являются единственными критериями определения статуса и положения женщины, поскольку на разных этапах многовековой истории Китая женщины принимали активное участие в общественной жизни, культуре, образовании и религиозной деятельности.

Литература

1. Tierney H. Women's Studies Encyclopedia. Vol. 1–3. New York: Greenwood Press, 1999. Vol. 1. 560 p.
2. Scott Joan W. Gender: a useful category of historical analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. P. 1053–1075.
3. Tosh J. The pursuit of history: aims, methods, and new directions in the study of modern history. London; New York: Longman, 1991. 243 p.
4. 中国女史 / 金炳麟, 王以铨辑. Чжунго ньюн ши. (История женщин Китая) / сост. Цзинь Бин-линь, Ван И-цюань. Ханчжоу, 1909.
5. 徐天啸. 神州女子新史. Сюй Тянь-сяо. Шэньчжоу ньюнцзы синьши. (Новая история китайских женщин). Тайбэй, 1993. 116 с.
6. 陈顾远. 中国古代婚姻史. Чэнь Гу-юань. Чжунго гудай хуньинь ши. (История брака в древнем Китае). Шанхай, 1925. 148 с.
7. 陈东原. 中国妇女生活史. Чэнь Дун-юань. Чжунго фунюй шэнхо ши. (История жизни китайских женщин). Шанхай, 1928. 440 с.
8. 陶希圣. 婚姻与家族. Тао Си-шэн. Хуньинь юй цзяцзу. (Брак и семья). Шанхай, 1931. 111 с.
9. 赵凤喈. 中国妇女在法律上之地位. Чжао Фэн-цзе. Чжунго фунюй цзай фалюй шан чжи дивэй. (Правовое положение женщин в Китае). Шанхай, 1928. 152 с.
10. 瞿同祖. 中国法律与中国社会. Цюй Тун-цзу. Чжунго фалюй юй чжунго шэхуй. (Китайское право и китайское общество). Шанхай, 1947. 259 с.
11. 王书奴. 中国娼妓史. Ван Шу-ну. Чжунго чанцзи ши. (История певичек в Китае). Пекин, 2004. 344 с.
12. 王玉波. 中国家长制家庭制度史. Ван Юй-бо. Чжунго цзячжанчжи цзятин чжиду ши. (История института патриархальной семьи в Китае). Тяньцзинь, 1989. 317 с.
13. 徐扬杰. 中国家族制度史. Сюй Ян-цзе. Чжунго цзяцзу чжиду ши. (История института семьи в Китае). Пекин, 1992. 478 с.
14. 孙晓. 中国婚姻小史. Сунь Сяо. Чжунго хуньинь сяоши. (Исторические рассказы о браке в Китае). Пекин, 1988. 289 с.
15. 史凤仪. 中国古代婚姻与家庭. Ши Фэн-и. Чжунго гудай дэ хуньинь юй цзятин. (Брак и семья в древнем Китае). Ухань, 1987. 284 с.
16. 陶毅, 明欣. 中国婚姻家庭制度史. Тао И, Мин Синь. Чжунго хуньинь цзятин чжиду ши. (История института семьи и брака в Китае). Пекин, 1994. 356 с.
17. 郭兴文. 中国传统婚姻风俗. Го Син-вэнь. Чжунго чуаньгун хуньинь фэнсу. (Традиционные обычаи заключения брака в Китае). Сиань, 1994. 288 с.
18. 姜跃滨. 中国妻妾. Цзян Юэ-бинь. Чжунго ци це. (Китайские жены и наложницы). Шицзячжуан, 1991. 302 с.
19. 陈鹏. 中国婚姻史稿. Чэнь Пэн. Чжунго хуньинь ши гао. (Очерки истории брака в Китае). Пекин, 1990. 788 с.

20. 闵家胤. 阳刚与阴柔的变奏: 两性关系和社会模式. *Минь Цзя-инь*. Янган юй иньжоу дэ бяньцзоу: лянсин гуаньси хэ шэхуй моши. (Вариации маскулинности — фемининности: взаимоотношения двух полов и модель общества). Пекин, 1995. 446 с.
21. 赵建伟, 张振军. 女性的禁忌: 中国古代妇女礼仪的文化审视. *Чжао Цзянь-вэй, Чжан Чжэнь-цзюнь*. Нюйсин дэ цзиньцзи: Чжунго гудай фунюй ли и дэ вэньхуа шэньши. (Женские табу: анализ места женщины в системе ритуальных норм древнего Китая). Пекин, 1996. 181 с.
22. 曹大为. 中国古代女子教育. *Цао Да-вэй*. Чжунго гудай нюйцзы цзяюй. (Женское образование в древнем Китае). Пекин, 1996. 578 с.
23. 周汛, 高春明. 中国历代妇女妆饰. *Чжоу Сюнь, Гао Чунь-мин*. Чжунго лидай фунюй чжуанши. (Наряды женщин в истории Китая). Шанхай, 1988. 319 с.
24. 王维玲, 王定祥. 中国古代妇女化妆. *Ван Вэй-лин, Ван Дин-сян*. Чжунго гудай фунюй хуачжуан. (Украшения и макияж женщин древнего Китая). Сиань, 1991. 229 с.
25. 影响中国历史的100个女人 / 肖黎, 马宝珠, 吕延涛主编. Инсян Чжунго лиши дэ 100 гэ нюйжэнь. (100 женщин, повлиявших на историю Китая) / сост. Сяо Ли, Ма Бао-чжу, Люй Янь-тао. Гуандун жэньминь чубаньшэ, 2000. 475 с.
26. 邵桂珍. 中国历史上的著名妇女. *Шао Гуй-чжэнь*. Чжунго лиши дэ чжумин фунюй. (Знаменитые женщины в истории Китая). Шанхай, 1988. 253 с.
27. 近百年中国妇女论著总目提要 / 臧健, 董乃强主编. Цзинь бай нянь Чжунго фунюй луньчжу цзунму тияо. (Аннотированный каталог публикаций о китайских женщинах за последние 100 лет) / под ред. Цзан Цзянь, Дун Най-цян. Чанчунь, 1995. 668 с.
28. 高世瑜. 唐代妇女. *Гао Ши-юй*. Тан дай фунюй. (Женщины эпохи Тан). Сиань, 1988. 176 с.
29. 郑慧生. 上古华夏妇女与婚姻. *Чжэн Хуй-шэн*. Шангу хуася фунюй юй хуньинь. (Женщина и брак в древнем Китае). Чжэнчжоу, 1988. 251 с.
30. 彭卫. 汉代婚姻形态. *Пэн Вэй*. Ханьдай хуньинь синтай. (Формы брачного союза в ханьское время). Сиань, 1988. 425 с.
31. 邓伟志. 唐前婚姻. *Дэн Вэй-чжи*. Тан цян хуньинь. (Брак в дотанское время). Шанхай, 1988. 178 с.
32. 夏晓虹. 晚清文人妇女观. *Ся Сяо-хун*. Вань Цин вэньжэнь фунюйгуань. (Представления о женщине учеными эпохи поздней Цин). Пекин, 1995. 198 с.
33. 李季平. 唐代奴婢制度. *Ли Цзи-пин*. Тан дай нуби чжиду. (Система рабства эпохи Тан). Шанхай, 1986. 269 с.
34. 定宜庄. 满族妇女生活与婚姻制度研究. *Дин И-чжуан*. Маньцзу фунюй шэнхо юй хуньинь чжиду яньцзю. (Жизнь женщин и институт брака у маньчжур). Пекин, 1999. 384 с.
35. 沈海梅. 明清云南妇女生活研究. *Шэнь Хай-мэй*. Мин-Цин Юньнань фунюй шэнхо яньцзю. (Изучение жизни женщин провинции Юньнань в эпохи Мин и Цин). Куньмин, 2001. 284 с.
36. 郭松义. 伦理与生活 — 清代的婚姻关系. *Го Сун-и*. Луньли юй шэнхо — Цин дай дэ хуньинь гуаньси. (Моральные нормы и жизнь: супружеские отношения в цинском Китае). Пекин, 2000. 646 с.
37. 王跃生. 十八世纪中国婚姻家庭研究: 建立在1781-1791年个案基础上的分析. *Ван Юэ-шэн*. Ши ба шицзи Чжунго хуньинь цзятин яньцзю: цзяньли цзай 1781-1791 нянь гэань цзичу шан дэ фэньси. (Изучение семьи и брака в Китае в XVIII в. на основе анализа судебных дел за период 1781-1791 гг.). Пекин, 2000. 346 с.
38. 阿风. 明清时代妇女的地位与权力: 以明清契约文书、诉讼档案为中心. *А Фэн*. Мин Цин шидай фунюй дэ дивэй юй цюаньли: и Мин Цин циюэ вэньшу, сусун дан ань вэй чжунсинь. (Положение и права женщин династий Мин и Цин: на основе казенных бумаг и судебных дел). Пекин, 2009. 311 с.
39. 王跃生. 清代中期婚姻冲突透析. *Ван Юэ-шэн*. Цин дай чжунци хуньинь чунту тоуси. (Анализ матримониальных конфликтов в середине правления династии Цин). Пекин, 2003. 338 с.
40. 刘达临. 性与中国文化. *Лю Да-лин*. Син юй Чжунго вэньхуа. (Секс и китайская культура). Пекин, 1999. 620 с.

41. 吴存存. 明清社会性爱风气. У *Цунь-цунь*. Мин-Цин шэхуй син ай фэн ци. (Любовные нравы обществ Мин и Цин). Пекин, 2000. 294 с.
42. 姚平. 唐代妇女的生命历程. *Яо Пин*. Тан дай фунюй дэ шэнмин личэн. (Жизненный путь женщин династии Тан). Шанхай, 2004. 367 с.
43. 铁爱华. 宋代士人阶层女性研究. *Те Ай-хуа*. Сун-дай шижэнь цзе цэн нюйсин яньцзю. (Изучение женщин ученого сословия эпохи Сун). Пекин, 2011. 384 с.
44. 唐宋女性与社会 / 邓小南主编. Тан-Сун нюйсин юй шэхуэй. (Женщины и общество династий Тан и Сун) / под ред. Дэн Сяо-нань. Шанхай, 2003. 918 с.
45. 汪玢玲. 中国婚姻史. *Ван Бинь-лин*. Чжунго хуньинь ши. (История брака в Китае). Шанхай, 2001. 571 с.
46. 王绍玺. 小妾史. *Ван Шао-си*. Сяо це ши. (История наложниц). Шанхай, 2008. 166 с.
47. 中国家庭史 / 张国刚主编. Чжунго цзятин ши. (История семьи в Китае): в 5 т. / под ред. Чжан Го-ган. Гуанчжоу, 2007.
48. 庞德新. 宋代两京市民生活. *Пан Дэ-синь*. Сун дай лян цзин шиминь шэнхо. (Жизнь горожан двух сунских столиц). Гонконг, 1974. 512 с.
49. 刘咏聪. 女性与历史: 中国传统观念新探. *Лю Юн-цун*. Нюй син юй лиши: Чжунго чуань-тун гуаньнянь синьтань. (Слабый пол и история: новый взгляд на традиционную концепцию). Гонконг, 1993. 145 с.
50. 鲍家麟. 阴阳说说与妇女地位. *Бао Цзя-лин*. Инь-ян сюэшо юй фунюй дивэй. (Учение инь-ян и положение женщины) // Продолжение сборника статей по истории китайских женщин / сост. Бао Цзя-лин. Тайбэй, 1991. С. 37–54.
51. 李甲孚. 中国古代的妇女生活. *Ли Цзя-фу*. Чжунго гудай дэ фунюй шэнхо. (Жизнь китайских женщин в древности). Тайбэй, 1978. 202 с.
52. 高达观. 中国家族社会之演变. *Гао Да-гуань*. Чжунго цзяцзю шэхуй чжи яньбянь. (Эволюция семьи и общества в Китае). Тайбэй, 1978. 146 с.
53. 赵元信, 何锡蓉. 中国历代女性悲剧大观. *Чжао Юань-синь, Хэ Си-жун*. Чжунго лидай нюйсин бэйцзюй дагуань. (Трагические судьбы женщин в истории Китая). Тайбэй, 1995. 278 с.
54. 向淑云. 唐代婚姻法与婚姻实态. *Сян Шу-юнь*. Тан дай хуньинь фа юй хуньинь шитай. (Танский закон о браке и истинное положение дел). Тайбэй, 1991. 232 с.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

П. С. Тептюк

ДВЕ РУКОПИСИ МАКАМ АЛ-‘АББАСА (XVI ВЕК)

В рукописном фонде ИВР РАН хранится ранее не изученная арабская рукопись В 66, содержащая собрание из 26 макама, написанных неким ал-‘Аббасом. В Санкт-Петербурге эта рукопись появилась в 1819 г. в составе первой рукописной коллекции Ж. Л. Руссо [1, ч. 1, с. 18–19; ч. 2, с. 201–202].

На листе 1а в оглавлении сочинения, составленном переписчиком, единственный раз упоминается имя автора. Это некий ал-‘Аббас, годы жизни которого неизвестны. Во владельческой надписи на этом же листе указана единственная дата во всей рукописи — 1089/1678 г. На том же листе в оглавлении при имени автора имеются слова: رَحِمَهُ اللهُ تَعَالَى («...да смилуется над ним Господь Всевышний»). Это свидетельствует о том, что на момент написания нашего списка автора макама уже не было в живых.

В предисловии на листе 2b своими предшественниками в жанре макама ал-‘Аббас называет Абū Мухаммада ал-Харйрī (1054–1122), ал-Маусилī¹ и Ибн Мухаммада ал-Қавваса². Поскольку известно, что ал-Қаввас умер приблизительно в 1000/1591 г., макамы ал-‘Аббаса могли быть написаны не ранее первой четверти XVI в. Таким образом, ал-‘Аббас не только писал, но и жил не позднее 1678 г., указанного во владельческой надписи на листе 1а. На основании этого рукопись может быть приблизительно датирована XVI в.

В «Каталоге коллекции из пятисот восточных рукописей» Ж. Л. Руссо 1817 г. рукопись В 66 называется «Makamat-il-Abbas», № 93 [3, p. 14]; описаны формат рукописи и тип почерка. Упоминание рукописи ал-‘Аббаса содержится также в книге «Азиатский музей» Б. А. Дорна 1846 г. издания [4, S. 206, 275].

В составленном А. Б. Халидовым «Каталоге арабских рукописей Института народов Азии АН СССР» рукопись озаглавлена просто как «Maḳāmāt», № 134 [2, с. 112–113]. В нем приводится её краткое описание без примеров арабского текста (в соответствии с принципами составления данного каталога), указаны автор, формат и приблизительная датировка³. Также А. Б. Халидов сообщает, что «другие списки сочинения нам неизвестны», а рукопись некоего ал-‘Аббаса под названием «ал-Маḳāmāt ал-‘аббасиййа» («Аббасовы» или, вернее, «Аббасидские макамы»), указанная в каталоге В. Альвардта «Рукописи Королевской библиотеки в Берлине» под № 8451, содержит сочинение другого автора [5, S. 424–425, 551]⁴.

Рукопись В 66 не упоминается в каталоге арабских рукописей Азиатского музея, составленном академиком В. Р. Розеном, не предусматривавшем описание художественной прозы [6]. Очевидно поэтому о ней нет упоминаний и в «Истории арабской

¹ Какого ал-Маусилī упоминает в своей работе ал-‘Аббас, установить не удалось. Автор макама с подобной нисбой в «Истории арабской литературы» К. Брокельмана не указан.

² Шамсуддин ал-Қасим ибн Мухаммад ад-Димашқī ал-Халабī ал-Қаввас [2, с. 108].

³ Данное описание рукописи В 66 уже сейчас может быть уточнено и существенно дополнено.

⁴ Судя по описанию в каталоге, эти макамы входят в целый сборник сочинений, представляющих анекдоты на исторические темы. Сличение текста с нашей рукописью показало, что в берлинском каталоге описаны какие-то другие макамы.

© П. С. Тептюк, 2012

литературы» К. Брокельмана [7]. Поскольку у К. Брокельмана нет сведений ни о рукописи В 66, ни о самом сочинении ал-‘Аббаса, наша рукопись оказывается действительно уникальной.

В дополнительных томах «Истории арабской литературы» К. Брокельмана встречаются, помимо указаний на каталог В. Р. Розена, отсылки к книге об Азиатском музее Б. А. Дорна. Подобная отсылка есть в статье об уже упоминавшемся Ибн Мухаммаде ал-Қаввāсе. Примечательно, что на той же странице, на той же строке после ал-Қаввāса через запятую упомянут наш ал-‘Аббās с его макамами [4, S. 206]. Несмотря на такую близость упоминаний, ссылка на макамы ал-‘Аббаса в дополнительном томе К. Брокельмана также отсутствует [8].

В кратком каталоге арабских рукописей ИВАН 1986 г. под редакцией А. Б. Халидова рукопись В 66 обозначена в алфавитном указателе как «Мақāmāt ал-‘Аббās» («Макамы ал-‘Аббаса»), № 9189 [1, с. 71].

В ходе изучения научной литературы по теме автор данной статьи обратил внимание на рецензию доктора Р. Аллена, опубликованную в “Journal of Semitic Studies”⁵ [9, p. 384–386]. Рецензия посвящена книге финского профессора из Хельсинкского университета д-ра Яакко Хямен-Анттилы под названием «Макама: история жанра». В своем обзоре среди выдающихся достоинств этой книги д-р Р. Аллен упоминает содержащийся в ней список из 238 авторов макам и 15 анонимных сочинений этого жанра. Мне представлялось, что такой большой перечень авторов может содержать и нашего ал-‘Аббаса⁶.

С текстом книги автору этой статьи познакомиться не удалось, за исключением отрывков, представленных в электронном виде в Интернете. В главе, посвященной поздней средневековой и современной литературе, автором было обнаружено частичное описание сборника из 26 макам, написанных неким ал-‘Аббасом, жившим, по мнению д-ра Хямена, несколько позднее ас-Суйūtī, т. е. начиная со второй четверти XVI в. [10, p. 345–346]. Там же была упомянута «Румийская» макама, идущая второй по списку, как и в петербургской рукописи В 66.

В ответ на письмо с просьбой предоставить имеющуюся у него информацию об упомянутых в его книге макамах ал-‘Аббаса д-р Хямен сообщил, что использовал рукопись N. F. 66 из библиотеки Венского университета, и, насколько ему известно, она до сих пор не опубликована и не переведена. Как оказалось в действительности, эта рукопись находилась в фондах Австрийской национальной библиотеки, которые описал Густав Флюгель⁷.

Каталог Г. Флюгеля 1865 г. «Арабские, персидские и турецкие рукописи Императорской библиотеки в Вене» является очень подробным, в описаниях рукописей приводятся отрывки текстов. Рукопись N. F. 66 значится в нем под № 384 и озаглавлена «ал-Мақāmāt ал-масйхййа» («Христианские макамы») [11, S. 353–355, 358–359]. Сличение приводимых отрывков текста показало, что это те же самые макамы ал-‘Аббаса XVI в., что и в рукописи В 66 ИВР РАН, а различия с нашей рукописью сводятся к незначительным разночтениям, не влияющим на смысл текста.

⁵ Текст рецензии был любезно предоставлен моим научным руководителем д. ф. н., проф. А. А. Долининой.

⁶ В её перечне сборников макам, пожалуй самом исчерпывающем на сегодняшний день, нет никаких упоминаний о петербургской рукописи В 66, хотя её с легкостью можно найти в каталоге рукописей ИВР РАН 1986 г. под редакцией А. Б. Халидова.

⁷ Вероятно, д-р Хямен забыл точное местонахождение рукописи.

Сочинение, содержащееся в рукописи N. F. 66, было приписано Г. Флюгелем христианскому врачу Абӯ-л-‘Аббāсу ибн Мārй, умершему в 589/1193 г.⁸ Подобная датировка существенно расходится с приблизительными датами жизни нашего ал-‘Аббāса и является ошибочной, поскольку в тексте рукописи N. F. 66 (л. 2а, 5), как и в нашей В 66 (л. 2а, 10), встречается упоминание Ибн Муḥаммада ал-Қаввāса, жившего в XVI в., на которого Ибн Мārй XII в. ссылаться никак не мог. Очевидно, Г. Флюгель обнаружил Ибн Мārй в каком-то арабском биографическом словаре⁹.

Установить, как Г. Флюгель пришел к тому, чтобы приписать рукопись N. F. 66 Ибн Мārй, довольно сложно. В рукописи не приводятся ни полное имя автора, ни какое-либо название. Титульный лист рукописи идентифицирует автора просто как «ал-‘Аббāс» (هذا كتاب المقامات للعباس), «Это книга макама ал-‘Аббāса», но не «Абӯ-л-‘Аббāса»). Можно предположить, что причиной такой ошибки стал неправильный порядок листов в рукописи N. F. 66. Простое сличение очередности макама в оглавлении с их порядком в тексте показало, что первая тетрадь рукописи N. F. 66 (за исключением листа 1а) оказалась после первого листа шестой тетради¹⁰. Густав Флюгель знал об этом, так как в его каталоге для каждой макамы указаны номера страниц, совпадающие с нынешней нумерацией листов. Так случилось, что информация, позволяющая правильно и наиболее точно датировать рукопись, отражена на листе 2а, оказавшемся не на месте. Именно на нем ал-‘Аббāс упоминает Ибн Муḥаммада ал-Қаввāса, жившего в XVI в. Кроме того, далее на листе 4 той же тетради он упоминает ал-Байдāвй¹¹ и его комментатора ‘Исфāмдинна ал-Исфārāййнй¹².

Предисловия¹³ к сборнику и ко второй макаме не оставляют сомнений в том, что автором макама был мусульманин. На листах 16 и 56 представлена традиционная для мусульманских сочинений басмала. На листе 26 ал-‘Аббāс сообщает, что он «завершил каждую макаму стихом Корана в качестве указания на [ее] окончание, чтобы видели читающие ее пользу», т. е. каждую макаму завершают коранические цитаты. Учитывая все вышесказанное, рукопись N. F. 66 никак нельзя приписать христианину Ибн Мārй.

В «Истории арабской литературы» К. Брокельмана также упоминается сочинение под названием «ал-Мақāmāt ал-масйḥиййа», принадлежащее Ибн Мārй. Первый основной том К. Брокельмана дает отсылку к венскому каталогу Г. Флюгеля, а дополнительный ссылается еще на три работы. Первые две представляют собой биографические труды, в которых содержатся упоминания об Ибн Мārй [12, S. 360; 13, p. 295]. Последняя — каталог мосульских рукописей д-ра Дауда ал-Чалаби. В алфавитном указателе этого каталога действительно есть рукопись под заголовком «Мақāmāt Абй-л-‘Аббāс» («Макамы Абӯ-л-‘Аббāса») [14, p. 295]. Они также приписываются Ибн Мārй, однако

⁸ Абӯ-л-‘Аббāс Йаḥйā ибн Йаḥйā ибн Са‘йд ибн Мārй ан-Насрāнй ал-Басрй [7, S. 278; 8, S. 489].

⁹ Например, в словаре Ибн Қифтй, существовавшем на тот момент только в виде рукописи [12].

¹⁰ Листы могли быть перепутаны при замене переплета. Изначально рукопись N. F. 66 была частью конволюта и была подшита к сборнику макама аз-Замаḥшарй (1074–1143) (рукопись N. F. 65 из той же венской коллекции) [11, S. 398]. Возможно, что при датировании рукописи N. F. 66 Г. Флюгель также учитывал и этот факт.

¹¹ ‘Абдаллах ибн ‘Омар ал-Байдāвй (1203–1286), известный комментатор Корана [7, S. 530].

¹² ‘Исфāмдин Ибрāхйм ибн Муḥаммад ‘Арабшāх ал-Исфārāййнй (ум. 944/1536) [2, с. 417]. Д-р Хямен отметил ошибку Г. Флюгеля, однако при датировании рукописи N. F. 66 он исходил только из дат жизни ал-Байдāвй и ал-Исфārāййнй и таким образом оставил без внимания авторское предисловие к рукописи, содержащее упоминание об ал-Қаввāсе.

¹³ У первой и второй макаме сборника есть отдельные предисловия.

приводимые отрывки из рукописи указывают на то, что этот сборник макам не имеет никакого отношения ни к петербургской, ни к венской рукописям. Таким образом, К. Брокельман в первом дополнительном томе объединяет под одним номером два разных сочинения, приписывая их одному и тому же автору [8, s. 489].

Автору этой статьи удалось познакомиться с макамами Ибн Мārī по изданиям Льюиса Шейхо¹⁴ [15, S. 375–379; 16, p. 591–598]. Выяснилось, что в макамах Ибн Мārī и ал-‘Аббāса разные имена главных героев, поэтому перепутать произведения этих двух авторов совершенно невозможно¹⁵.

Петербургская рукопись В 66 находится в относительно удовлетворительном состоянии. Переплет расшатан. Порядок листов перепутан, так как тетради не прошиты и свободно отделяются. Многие листы в разводах, но это не сказывается на четкости (и возможности прочтения) текста. Австрийская рукопись N. F. 66 сохранилась гораздо лучше и не имеет каких-либо значимых дефектов. Однако в ней перепутан порядок куррас.

На основании сохранности рукописей трудно сказать, какая из них старше. Достоверно известно только то, что рукопись В 66 была написана не позже 1089/1678 г.¹⁶, а N. F. 66 — не позже 1188/1774 г.¹⁷, т. е. наша рукопись может оказаться как минимум на сто лет старше.

Сличение рукописей В 66 и N. F. 66 показало, что их тексты полностью совпадают, за исключением малочисленных синонимических расхождений, никак не влияющих на смысл. Более того, в обеих рукописях в одних и тех же местах есть пропущенные слова, одинаковым образом дописанные между строк и на полях¹⁸, т. е. рукописи отражают особенности одного и того же списка, к которому они, вероятно, восходят.

Список изданий, ошибочно приписывающих авторство рукописи N. F. 66 Ибн Мārī

1. *Flügel G.* Die Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Bd. 1–2. Wien: K. K. Hof- und Staatsdruckerei, 1865. Bd. 1. 615 S. (S. 358–359).
2. *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd. 1–2. Weimar: Verlag von Emil Felber, 1898. Bd. 1. 528 S. (S. 288).
3. *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur. Sb. 1–3. Leiden: E. J. Brill, 1937. Sb. 1. 973 S. (S. 489).
4. E. J. Brill's first encyclopaedia of Islam, 1913–1936. Vol. 1–9 / ed. by M. Th. Houtsma... [et al.]. Leiden; New York: E. J. Brill, 1993. Vol. V. L — Moriscos. 601 p. (P. 163).

¹⁴ Эти издания не были учтены в дополнительном томе «Истории арабской литературы» К. Брокельмана.

¹⁵ Размеры циклов также не совпадают: 26 и 50 макам у ал-‘Аббāса и Ибн Мārī соответственно.

¹⁶ Дата указана во владельческой надписи на листе 1а: «Из неподдельной милости его к его рабу Мухаммаду ‘Али ат-Тайбу, да простится ему, аминь. 1089 год, цена её 4 асадй».

¹⁷ На листе 34а комментарии некоего Мустафы из Триполи, датированные 1188/1774 г. Помимо этого на листе 86б имеется именная печать Йозефа фон Хаммер-Пургшталя (1774–1856) с указанием на 1223/1808 г. [17, s. 56–57, 59]. В каталоге Й. ф. Хаммер-Пургшталя, описывающем его личную коллекцию, рукопись N. F. 66 не упоминается [18, p. 286–306, 403–418; 19, p. 261–288].

¹⁸ В рукописи В66 листы 196, 776, 79а и в N. F. 66 листы 19а, 756, 416 соответственно.

Литература

1. Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А. Б. Халидова: в 2 ч. М.: Наука: ГРВЛ, 1986. Ч. 1. 527 с.; Ч. 2. 336 с.
2. Халидов А. Б. Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. I–II. М.: ИВЛ, 1960. Вып. I. Художественная проза. 135 с.
3. Rousseau J. L. Catalogue d'une Collection de Cinq Cents Manuscrits Orientaux. Paris: Imprimerie de le Normant, 1817. 53 p.
4. Dorn B. A. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Peterburg: Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1846. 776 S.
5. Ahlwardt W. Verzeichnisse der arabischen Handschriften. Bd. 1–10. Berlin: A. Asher & co., 1895. Bd. 7. 806 S.
6. Rosen V. Notices Sommaires des Manuscrits Arabes du Musée Asiatique. Saint-Petersbourg: Eggers & Co. et J. Glasounof [etc., etc.] commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences, 1881. 256 p.
7. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd. 1–2. Weimar: Verlag von Emil Felber, 1898. Bd. 1. 528 S.
8. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Sb. 1–3. Leiden: E. J. Brill, 1937. Sb. 1. 973 S.
9. Roger A. Review: Maqama: a History of a Genre // Journal of Semitic Studies. 2002. Vol. 49 (2). P. 384–386.
10. Hämeen-Anttila J. Maqama: a History of a Genre. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 502 p.
11. Flügel G. Die Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Bd. 1–2. Wien: K. K. Hof- und Staatsdruckerei, 1865. Bd. 1. 615 S.
12. Ibn al-Qiftī. Ta'rikh-i Ḥukamā' / ed. by J. Lippert. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1903. 22, 499 S.
13. Yāqūt. Irshād al-Arib ilā Ma'rifat al-Adīb / ed. by D. S. Margoliouth. Vol. 1–7. London: Luzac, 1931. Vol. VII. 366 p.
14. al-Chalabī D. Kitāb Makḥṭūṭāt al-Mawṣil. Baghdad: Maṭba'at al-Furāt, 1927. 389 p.
15. Cheikho P. L. Chrestomathia Arabica cum Lexico Variisque Notis. Editio Secunda Emendata. Beryti: Typographia Patrum Societatis Jesu, 1910–1911. 488 S.
16. Karmālī A. Al-Maqāmāt al-Naṣrāniyya li Ibn Mārī // Al-Machriq. Troisième Année. Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1900. P. 591–598.
17. Hammer-Purgstall J. Abhandlung über die Siegel der Araber, Perser und Türken. Wien: C. Gerold & Sohn, 1849. 58 S.
18. Hammer-Purgstall J. Catalogus codicum arabicorum, persicorum, turcicorum bibliothecae Caesareae Regiae Vindobonensis // Fundgruben des Orients. Bd. 1–6. Wien: Vindobonae, 1811. Bd. 2. P. 286–306, 403–418.
19. Hammer-Purgstall J. Catalogus codicum arabicorum, persicorum, turcicorum bibliothecae Caesareae Regiae Vindobonensis // Fundgruben des Orients. Bd. 1–6. Wien: Vindobonae, 1818. Bd. 6. P. 261–288.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.(21+22)+159.99

О. Ю. Завьялова

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ МАНДЕН (АНАЛИЗ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ)

Этнопсихологические особенности проявляются в характере и темпераменте этноса и его этосе, в системе психических и нравственных норм поведения, эстетических представлений, зафиксированных в фольклоре¹. Разумеется, нельзя основываться только на фольклорных материалах — картина получится весьма искаженная, хотя бы потому, что фольклорные тексты во многом отражают прошлые ценности и идеалы. Однако базовые идеи отражены именно в фольклоре.

Большинство ученых пришли к выводу, что определить общую модальную личность или единый для всего народа национальный характер сложно, но единая культура ведет к выработке общих сценариев поведения и общей картины мира, с определенной системой ценностей, что и надо изучать посредством анализа устной традиции.

Отметим, что даже в рамках одного этноса культурные традиции могут быть весьма различными у городского и деревенского населения, поскольку городская и деревенская культуры даже одного народа не идентичны. Классический фольклор, анализируемый нами, принадлежит деревенскому обществу и рассчитан в основном на деревенскую аудиторию, следовательно, и выводы будут относиться в большей степени к тому обществу, которое выработало данные тексты и пользуется ими. Тем, кто бывал в Африке, наверняка бросились в глаза значительные отличия поведения и ценностных ориентаций городского населения и деревенского. Для городского населения африканских народов важную роль сегодня играют европейские ценности, в частности передаваемые через средства массовой информации; роль фольклора здесь явно не столь значительна. Именно в африканских городах происходит наложение европейских норм поведения и картин мира на национальные, что часто ведет к изрядной дезори-

¹ Рут Бенедикт писала, что каждая культура имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые объединены одной культурной темой (которую Р. Бенедикт и называла «этосом культуры») [1].

© О. Ю. Завьялова, 2012

ентации в системе ценностей. Сельское население гораздо более традиционно, и роль фольклора здесь еще весьма значима.

По фольклорным текстам легко можно узнать не только реалии жизни, ритуалы той или иной культуры, но и некоторые особенности видения мира и сценария поведения данного народа. Ценностные ориентации отражаются в поступках и образах героев эпоса и сказок. Сказка, например, обращается и к биологической, и к социальной сущностям человека, что отражено в представленных ею моделях поведения². Сказки могут описывать как мужскую модель поведения, так и женскую, тогда как эпос рассчитан на мужскую аудиторию в большей степени и дает модели мужского поведения.

Система ценностей (ценностной ориентации), в свою очередь, наряду с этническими константами³ входит в состав этнической картины мира, которая отражается в действиях людей. При этом ценностная ориентация представляет собой цель действия, а этнические константы — образ действия. Сказки, например, представляют модели поведения в определенных ситуациях, согласно которым в дальнейшем все члены общества, воспитанные на них, и будут действовать. Кроме того в фольклорных текстах представлена и «оптимальная» личность, адаптированная к данной культуре и обладающая всеми свойствами, позволяющими действовать наилучшим способом в данном обществе.

Модели поведения. Существуют общечеловеческие универсальные модели, которые отражают базовые взаимоотношения человека с обществом, человека с природой, и модели поведения, характерные для определенных культур. Тем не менее, и большая часть последних скорее всего будет не уникальна. Фольклор отражает все общее и все специфическое в развитии культур. В частности сам фольклорный репертуар отражает потребность культуры в данный момент в выполнении им тех или иных функций.

Что касается сказок манден, то они отражают ряд интересных и явно значимых для культуры народов манден идей⁴.

Потребность в самых разнообразных друзьях и помощниках как, например, в сказке про мальчика, нашедшего себе друзей: обезьян, муравьев и змею. Основная идея сказки заключается в том, что все друзья, даже самые неожиданные, могут оказаться необходимыми, — человек один становится беспомощным. В данной сказке отражаются ценности коллективизма, взаимозависимость людей в обществе, а также людей и природы. Отец мальчика, умирая, специально послал его найти себе настоящих друзей, так как другой поддержки у него не останется. При этом акцентирована превентивная взаимность: отец дает мальчику корову, чтобы тот отдал ее будущему другу. Если человек хочет получить поддержку, он должен первым предложить что-либо тому, кто может потом помочь. В культуре это закреплено системой дарения: приезжая к кому-либо в гости, человек должен подарить ему подарок при приезде и при отъезде. В этой сказке отражена и другая проблема: охота за чужим наследством, точнее дележ его, если хозяин не сумел удержать. Здесь наблюдается внешний локус-контроль, который в принципе весьма значим для африканцев, — ожидание помощи со стороны, а также коллективизм культуры, значимость человека только в коллективе, зависимость его от

² Подробнее см.: [2].

³ «Система этнических констант представляет собой определенную и постоянную на протяжении всей жизни этноса форму упорядочивания опыта, которая в соответствии со сменой культурно-ценностных доминант народа в течение его истории получает различное наполнение» [3].

⁴ Исследование выполнено на следующих источниках: [4–6].

нее. Если мы обратимся к эпическим сказаниям манден, то также увидим среди основных мотивов поиск помощников. Это первое действие, которое предпринимает герой для достижения своих целей: Буакариджан в борьбе с Билиси; отец Сундьяты, и, наконец, сам Сундьята. Собственная некомпетентность компенсируется способностями (данными от природы или магическими) помощников и соратников. Ни в одной сказке или другом фольклорном тексте нет описания того, как долго надо учиться магии или иному другому искусству. У манден человек приобретает знания в семье, от рождения. Этому способствует деление общества на джаму, профессиональные кланы. От этого происходит восприятие всех способностей и умений как данности, зависящей от везения, судьбы: «повезло родиться в такой-то семье, стране». И отношение к европейцам, к «белым» аналогичное: это люди, которым повезло родиться под «денежным деревом». В Африке часто встречается мнение о том, что «белые» ничего не умеют кроме как зарабатывать деньги. К работе манден относятся как к данности: всю жизнь у человека одна и та же работа, ее можно выполнять лучше или хуже, но человек будет заниматься тем, чем занимался всегда его род. Африканцы редко считают, что чего-либо можно добиться самому. Сегодня, например, юноша может выбирать свой путь сам: или он идет получать европейское образование в школе, колледже и т. д., или получает традиционные знания — совмещать два этих пути нельзя. Таким образом, мы наблюдаем отношение к европейскому образованию как к прямо противоположному традиционному. Город воспринимается как вместилище нового и всего европейского, однако сейчас это и место, где можно реализовать себя, заработать денег. Город и деревня как два мира, даже рассказы о духах повествуют о том, что именно в городе духи не могут находиться — городская жизнь им не соответствует. Техника несовместима с духами. Происходит понимание разделения городской и деревенской жизни.

Роль слова в мировосприятии народов манден весьма велика, это отражено во всей их устной традиции, в частности в отношении к гриотам — «хозяевам слова».

Каждый жанр ориентирован на определенную аудиторию, соответственно и поведение героев и нормы приемлемы именно для данной аудитории. В эпосе, жанре для свободных и вождей, очевидно, на первом месте стоят интересы народа, на втором — семьи. Сказки же ориентированы на всех, хотя есть и те, что направлены на женскую аудиторию, и те, что в большей степени относятся к мужской, как уже упоминалось.

Сказки с моделью проживания пересекаются с эпосом, положительные качества часто одни и те же: взаимопомощь, умение общения с чужим миром, храбрость, решительность, послушание по отношению к старшим.

Сказки с моделью выживания скорее акцентируют личные качества и нацелены обучить модели выживания, по ним мы можем, судить какие личные качества рассматриваются манден, как желательные для приобретения личной выгоды и помогающие человеку не только жить в данной среде, но побеждать и получать выгоду. Эти качества желательны не для коллектива, а именно для отдельного человека. На первом месте здесь стоит хитрость. Отметим, что есть ряд сказок, описывающих ум, но практически нет описывающих мудрость. Основное желаемое качество — умение быстро найти выход из любого положения, правильно оценить ситуацию и человека. Огромное количество сказок данной модели учат «от обратного», т. е. описывают модель нежелательного поведения (с нежелательными качествами). Такие нежелательные сценарии также весьма действенны. Здесь мы видим шкалу ценностных ориентаций, начиная с противоположной стороны: на первом месте стоит глупость, на втором — жадность.

Отметим ярко выраженную взаимозависимость своего и чужого миров в фольклоре манден. Мир чужих не является чем-то сверхъестественным, он всегда рядом с миром людей. Есть даже сказка о двух юношах, человеке и духе, в которой дух переводил своего друга человека в свой мир, просто держа его за руку.

Есть, пожалуй, две основных идеи, отличающие фольклор манден и соответственно мировоззрение манден. Первая — это идея Ньяма — энергии жизни, основной энергии. Только тот, кто умеет управлять ньяма и обладает ею в большой степени, является настоящим мужчиной и способен управлять людьми. «Энергия» в Африке — базовое понятие, движущая сила всего. Если мы ищем душу, то они — энергию, причем энергия существует и в слове, и в неодушевленных предметах. Опять же отсюда и отношение к окружающему миру: африканцы в нем *существуют*, а европейцы с ним *сосуществуют*, отдельно.

Вторая ярко выраженная черта фольклора — идея баланса с чужим миром. Баланс между мирами описывается во всех устных традициях, однако для манден она более важна, так как эти народы до сих пор весьма зависимы от природы. Основной, на наш взгляд, фактор — вера в то, что сами манден являются лишь арендаторами земли: земля принадлежит духам. Для того чтобы какой-либо род жил на определенной земле, предки его должны были договориться с духом — хозяином земли, принести ему определенную жертву (в давние времена человеческую) и повторять жертвоприношения регулярно (сейчас это может быть корова, коза, баран или курица и орехи кола). Эти отличительные черты не могут не влиять на все поведение и мировосприятие манден.

Соседство с духами (jine) также сочетается с некоторым восточным фатализмом — верой в судьбу, предопределение. Героям предсказывают их великое будущее, рождение и т. д. Правители и герои, как правило, идут к гадалкам, чтобы узнать исход сражения и получить указания, что необходимо для этого сделать. Однако мы видим и ориентацию на внутренний локус-контроль у героев и правителей. Они сами вершат свою судьбу и винят в случае неудачи только себя. Таким образом, наблюдается двойной локус-контроль: внешний по отношению к глобальным событиям и внутренний, необходимый лидерам.

Отдельного внимания заслуживает отношение к духам. С одной стороны, их место весьма значимо, с другой — мусульманам, каковыми себя считают многие манден, не пристало так зависеть от духов, значимость их пытаются занижать. Иногда говорят, что духов изгнали, чтобы поселиться на их земле, однако это противоречит регулярным жертвоприношениям им. В деревнях Баландугу и Ньягассоля духи — хозяева земли (женщины) влюбились в основателей деревень и поэтому разрешили им селиться на их земле. Часто то же самое рассказывают и о духах — покровителях рода, они также вступали в связь с каким-нибудь легендарным предком.

Место духа — покровителя всей деревни Ньягассоля Коториту (Kotoritu) — место общего жертвоприношения. Коториту находится сразу за деревней, недалеко от школы. Здесь жила женщина — дух Банту До Корийя, которая полюбила предка Кейта, основателя деревни Таман Куруман Момби Кейта, по другим сведениям Насира Манден. Дух поставила условие, что каждый год ей должна быть принесена жертва, и люди могут жить на ее земле, пока они будут так делать; если же жертва не будет принесена, то она убьет всех жителей деревни в случае, если те немедленно не покинут это место. Никто не должен из свободных или кастовых «быть в ее доме», только раб. Раньше приносили в жертву именно рабов — Таравеле, теперь же старейшина Таравеле сам

произносит молитву на месте жертвоприношения и приносит жертву от имени всей деревни: одну корову, одного барана, трех коз и 70 орехов коло⁵. Ежегодное жертвоприношение происходит во время мусульманского праздника Нового года, в месяц *selikalo*. Приходят все мужчины деревни, женщины и дети не допускаются. Мужчины приносят с собой все необходимое для приготовления пищи и после принесения жертвы готовят из жертвенных животных еду и устраивают всеобщую трапезу. На этом месте также приносят жертву в экстренных случаях: во время сильной засухи, неурожая, войны и т. д. В день жертвоприношения гриоты Куяте играют на священном балафоне Сумаоро, который хранится у них в отдельной хижине, расположенной посредине ду.

Если попробовать определить ценностные ориентации, отмеченные в фольклоре манден, в соответствии со списком М. Рокича, то можно будет примерно ранжировать те, что имеют соответствия, те, что не акцентированы в текстах, и те, что не имеют соответствий в картине мира манден (не представляют интереса).

Об основных ценностях гриот может говорить напрямую. Гриот в сказаниях о Буа-криджане прямо говорит, что «известность/почет предпочтительней красоты, способность к действиям предпочтительней богатства, а слава предпочтительней храбрости». Особенно гриоты подчеркивали последнее. Таким образом, именно ориентация на общественное мнение является лидирующей ценностью. В сказании «Война Да с Коре» гриот Баба Сиссоко говорит: «Благословенные могущественнее проклятых, богач могущественнее вождя, вождь могущественнее бедняка — с тех пор как Аллах создал мир. Это ни хорошо, ни плохо». Здесь скорее приводится данность, чем именно ценность.

Можно примерно градировать учтенные в сказках и эпосе терминальные ценности по методике ценностных ориентаций М. Рокича:

1. общественное признание;
2. наличие хороших и верных друзей;
3. жизненная мудрость;
4. продуктивная жизнь (больше для эпоса);
5. счастливая семейная жизнь;
6. материально обеспеченная жизнь (больше для сказок);
7. счастье других;
8. свобода (самостоятельность, независимость в суждениях поступках);
9. уверенность в себе;
10. активная деятельная жизнь;
11. здоровье.

Последние четыре пункта отмечены только в эпосе и характерны скорее для героя.

Разумеется, это очень приближенное рассмотрение ценностей, так как данная анкета не адаптирована для африканцев (существуют весьма значимые различия в понятиях некоторых ценностей, несоответствия лексики и т. д.).

⁵ Кстати, во время экспедиции в Гвинею в 1999 г. был отмечен интересный факт: старейшина семьи Таравеле в деревне Ньягасоля, рассказывая семейную историю, гордился тем фактом, что именно их род, как род рабов, был выбран духом-хозяином как жертвенный.

Литература

1. *Benedict R.* Patterns of Culture. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934. 260 p.
2. *Завьялова О. Ю.* Сказки народов манден — классификация по видам // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 77–82.
3. *Лурье С. В.* Историческая этнология [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/56.php (дата обращения: 12.02.2012).
4. *Думбия Б.* Поэма «Бакариджан» (сказание гриота Баба Сиссоко). Приложение к дис. «Язык гриотского эпоса народа бамана». М., 1976. 372 с.
5. *Cisse Youssouf Tata, Wa Kamissoko.* La grande Geste du Mali. Paris: Karthala-Arsan, 1988. 426 p.
6. *Innes G.* Sunjata: Three Mandinka Versions. London: SOAS, 1974. 378 p.
7. La geste de Ségou: racontée par des griots bambara / trad. et éd. par G. Dumestre. Paris: Armand Colin, 1979. 419 p.
8. La pierre barbue. Contes du Mali, présenté par G. Dumestre. Paris: Angers: Bibliothèque municipale, 1989. 126 p.
9. *Dumestre G., Kesteloot L., Traore J. B.* La prise de Dionkoloni: épisode de l'épopée bambara. Paris: Armand Colin, 1975. 183 p.
10. *Sissoko B.* Da ka Kore kele. Bamako: EDIM, 1977. 135 p.
11. *Thoyer-Rozat A.* Contes Bambara du Mali. Paris: Annik Ed. Édition, 1982. 161 p.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

*А. В. Ляхович***ПОЭЗИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ У ХАУСА**

Религиозное назидание, восхваление, поношение, социальная критика, пропаганда, сатира — все это содержание хаусанской литературы... В хаусанском обществе происходят интенсивные политические процессы, в которых певцы, поэты, писатели и исполнители создают для людей некий образ, который они узнают, соотносят и принимают. Какой бы ни была реакция этих людей, именно сила символического творчества, заключенная в словах человека, будь то поэт или политик, является средоточием социального знания [1, р. 201].

Начало XIX в. стало переломным моментом во всех сферах жизни населения стран хауса. Катализатором перемен послужила деятельность мусульманского ученого Усмана дан Фодио, которая привела к джихаду и последующему объединению хаусанских городов в халифат Сокото. Политическая активность того времени получила неожиданно высокий резонанс в сфере литературы. Шейху дан Фодио, его брату Абдуллахи дан Фодио и Мухаммаду Белло принадлежат более трехсот религиозных сочинений в прозе и поэзии [2]. В этих сочинениях приводятся изложение и трактовка событий того времени, обоснование политики Усмана дан Фодио и его реформ.

Одним из подобных сочинений является «Поэма о делах шейха», написанная Наной Асма'у:

Сейчас я объясню дела шейха,
Чтобы ты услышал, что было сделано в его время,
Шейх Усман Фодио; Бог всемогущий
Послал его нам, в страну хауса, из милосердия
Он вывел мусульман из невежества и темноты, ведь
Своим светом он все сделал видимым...
Победы были одержаны в маленьких деревнях, ибо
Бирнин К'онни испугался его и был объят ужасом.
Он покинул это место и оправился на восток,
К Гобиру, гобирцы устремились его.
Сарки Адар и Юнфа,
Они объединились, чтобы сразиться с ним.
Там, в Тсунтсува, они встретились с шейхом, так говорят,
Там Бог показал людям свою силу.
Имам Мухаммад Самбо, Са'ада и Рискува,
Они стали мучениками, помогая ему...
Среди его людей многие декламаторы Корана были убиты,
И многие ученики.
Со всей своей мощью он совершал нападения на врага.
Знай, что затем шейх отправился в Замфару,

Они пытались заключить с ним мир, поскольку боялись его.
 Те, кто противостоял джихаду, были уничтожены,
 Пока он был в Ремува, ты услышал о его победе [1, р. 202].

Приведенный выше фрагмент поэмы показывает, что с точки зрения жанровой организации произведение представляет собой рифмованную хронику с элементами восхваления. Для создания эффекта убедительности Нана Асма'у основывает свой рассказ на исторических данных: в поэме приводится последовательное перечисление военных походов и нападений на города хауса. Выражение «так говорят» призвано подчеркнуть достоверность повествования. Политическое значение это сочинение приобретает в связи с тем, что содержит не только историческую информацию, но и оценочные суждения, касающиеся деятельности шейха дан Фодио и важности джихада.

Автор «Поэмы о делах шейха» использует характерные для хаусанской словесности элементы разъяснения и восхваления, которые облегчают восприятие информации, способствуют формированию определенного отношения к действиям лидера джихада и событиям того времени. По форме изложения, диалогической, назидательно-разъяснительной, рассматриваемая поэма имеет сходство с религиозными сочинениями:

	«Поэма о делах шейха»	Поэма «Возблагодарим Аллаха!» [3, с. 189]*.
Разъяснение	Сейчас я объясню дела шейха, Чтобы ты услышал, что было сделано в его время, <i>Шейх Усман Фодио, Бог всемогущий</i> Дал (послал) его нам, в страну хауса, из-за Его милосердия (милости) Он вывел мусульман из невежества и темноты, ведь Своим светом он все сделал видимым (ясным, понятным).	Если кто-нибудь оскорбляет или ругает тебя, не волнуйся об этом, оставь Всемогущему. <i>Ибо ты тоже друг Всемогущего. Он смотрит на тебя, тот, кто имеет власть над всем.</i> Если ты хочешь спросить, спроси Господа Всемогущего, который раздает все. <i>Ибо он даст тебе, не рассердившись. Ибо он велик, никто не отрицает.</i>
Назидание	<i>Те, кто противостоял джихаду, были уничтожены...</i>	Если кто-нибудь оскорбляет или ругает тебя, не волнуйся об этом, оставь Всемогущему. Если ты слушаешь мои увещевания, раскайся, пожалуйста, перестань попрошайничать.

* Перевод выполнен Ю. В. Пригорицкой.

Элементы восхваления, посвященного шейху дан Фодио, обращают на себя внимание, в первую очередь, в начале произведения. Кроме того, в тексте поэмы присутствует рефрен, который автор использует для того, чтобы подчеркнуть мощь лидера джихада:

Бирнин К'онни испугался его и был объят ужасом.
 Он покинул это место и оправился на восток,
 К Гобиру, гобирицы устрашились его.
 Знай, что затем шейх отправился в Замфару,
 Они пытались заключить с ним мир, поскольку боялись его.

Поэмы, написанные Усманом дан Фодио, также выдержанные в русле религиозной традиции, несколько в ином ключе отражают события эпохи джихада. В его сочинениях присутствует проповедь воинского аскетизма, что объясняется тяжелым положением войск фульбе (недостаток провианта и обмундирования), особенно на первом этапе войны: «Лидер фулани стремится подстегнуть рвение своих воинов материальными стимулами. Обличая в соответствии с Кораном жадность и мирские интересы, он вместе с тем обещает своим сторонникам богатую добычу и справедливый раздел» [4, с. 137].

В форме религиозного назидания Усман дан Фодио обличает пороки местного населения, этот мотив составляет большую часть его произведений: «Бросьте играть в кости и обманывать, играть на *моло* (род гитары) и гулять с девками... Будут гореть в огне те, кто сидит в пивных, ищет незаконного, отказывается каяться... Приходящие в город, чтобы бегать за женщинами, и те, кто надевает украшения, чтобы их все видели, — все они будут наказаны...» [4, с. 137].

Творчество лидеров джихада выявило возможность применения религиозно-дидактической литературы хауса с целью политической агитации. Современная политическая литература унаследовала художественные принципы, заложенные Усманом дан Фодио и его последователями.

Как пишет Г. Фернисс, основная часть современной поэзии на политические темы — хвалебные стихи¹ [1, р. 228]. Подобные тексты по форме и содержанию имеют сходство с приведенной выше поэмой. Помимо использования художественных средств религиозной литературы поэты заимствуют и фольклорные элементы, например, жанров позорящей песни (*замбо*) и хвалебной песни (*ябо*), причем элементы песенного фольклора часто сочетаются в одном произведении (исполнитель может одновременно восхвалять царя и обличать его врагов).

В современной поэзии на политические темы сохраняется традиционная форма панегирического жанра, где восхваление сродни перечислению тех или иных качеств объекта и его заслуг. С точки зрения содержания стихи представляют собой определенный набор ситуаций, детально разработанных в жанрах хвалебной и позорящей песни, которые служат для обнаружения и проявления стереотипных качеств героя.

Сравнительно небольшое число поэтических сочинений посвящено политической истории и политическому будущему страны. Одна из самых известных современных поэм на эту тему была написана в середине 50-х гг. XX в. Са'аду Зунгуром и называлась «Север — республика или монархия?»:

Из-за того, что север полон разногласий
И зла, негде больше найти защиту.
До тех пор, пока на севере полно развратных женщин,
Клянусь Богом, мы познаем стыд перед лицом всего мира,
До тех пор, пока в городах полно бродяг,
Гомосексуалистов и проституток,
И молодых людей с фальшивыми деньгами,
И попрошайек в пивных,

¹ В хаусанской словесности развивались параллельно сходные жанры. В литературе существовал жанр *мадаху* (*мадх*) — восхваления, посвященные пророку Мухаммаду. В устной традиции сформировался жанр хвалебной песни. Хвалебные песни посвящались богатым и влиятельным людям, прежде всего царям и военачальникам, прославляя их военные подвиги и свершения.

Без сомнения, жители юга придут
 К власти в Нигерии...
 Ах! У хауса нет сердца,
 И они познают стыд перед лицом всего мира!
 Нет на севере больше родственных уз или дружбы,
 Лишь удовольствие, лишь пустословие,
 Лишь хвастовство и желание произвести впечатление,
 Заносчивость и показуха.
 Суеверия и местные мумба-юмба...
 Вероломство и лицемерие...
 Нет никого, кто поступал бы разумно
 И мудро, чтобы отличить правду ото лжи.
 Так много клятв именем Бога,
 Вот обман, вот притворство...
 Лишь интриганство и болтовня,
 Вот желание сеять раздоры и строить козни.
 Чего сможет достичь этот народ
 В мире?
 И вы же, правители, постарайтесь
 Сделать вашу страну действительно лучше [1, р. 224, 226].

В конце 1964 — начале 1965 г. появляется большое количество произведений по случаю проведения выборов в законодательные органы. Во время предвыборной кампании были написаны стихи, порочащие политических противников. Стилистически они представляли собой «нечто среднее между инвективами против грешников и невежд, типичными для мусульманской поэзии маламов, и издевательскими выпадами из позорящих песен бродячих певцов. Наряду с этим в них вкраплены панегирики лидерам правящей партии...» [4, с. 140]. В русле религиозных назиданий осуждаются пороки и высмеивается легкомыслие.

Представляет интерес отрывок из стихотворной сатиры на партию Северный народный конгресс (NPC) под названием «Три отвратительные буквы: Эн-Пи-Си»: «Их бесстыдство подобно бесстыдству козла на дороге... Добрые люди, знаете ли вы их?... [Среди их лидеров] есть лающая собака; есть также „альхаджи“, имеющий амулет, с помощью которого он вымогает деньги в долг. Вот что такое Эн-Пи-Си» [4, с. 141].

В начале XX в. одной из тем стихотворных произведений была европейская колонизация: «Отношение к ней не являлось однозначным и зиждилось на представлениях о существе происходящего в земной истории вообще. К концу первого десятилетия века оно вылилось в две тенденции: одна из них предполагала замкнутое развитие традиционной мысли и творчества „рядом“ с европейским колониальным присутствием, другая была направлена на культурные контакты с представителями Европы... В ряде поэм европейцы по собственной своей сути не предстают как зло; их приход — лишь одно из многих проявлений торжества злых сил мира, искони ему присущих. Это — либо один из признаков приближающегося конца света, либо — наступление одной из серии „неправедных эпох“, закономерное, вемое Аллаху событие; один из случаев торжества неверных над страной ислама, которое имеет исторические параллели и преходяще: „Христиане подобны потокам воды после грозы, которые скоро высыхают, когда уходят дожди“. В других поэмах христианин сам по себе воспринимался как зло, оказывался силой, непосредственно приносящей зло в мир истинной веры:

так, эмир Алию противопоставляет свое несущее процветание правление (описанное в традициях *ябо*) опасностям (представленным в традициях *замбо*), грозящим стране в правление христиан. Таким сочинениям противостояли поэмы, которые обнаруживали в европейском присутствии положительные черты (включаемые в систему традиционных идеалов), например, открывающие новый путь к знанию, искать которое следует, где бы оно ни скрывалось, „даже в Китае“» [5, с. 695–696].

Таким образом, в политической литературе хауса существуют две основные категории произведений. К первой категории относятся поэмы-восхваления, рифмованные хроники. Задача этих текстов — привить определенный взгляд на те или иные события, явления, сформировать конкретное отношение к ним. Используя традиционные средства религиозной литературы и фольклора, поэты создают образную картину, в которой центральное место занимает фигура политического деятеля. Вторая категория произведений — сочинения социально-критической направленности назидательного характера. В качестве примера социально-критической литературы можно привести «Поэму против притеснения» Салиху Квантагора:

Если кто-то придет к тебе
И спросит: «Что есть притеснение?»
Скажи ему прямо, оставь страх:
«Это путь несправедливости»...
Все те, кто причиняет вред людям
И даже притесняет их,
Без сомнения, они познают муки,
Ибо они сами навлекли на себя это.
Всех, кто так поступает, настигнет возмездие
За то, что они притесняли людей.
Благочестивый человек
Делает свою работу справедливо,
Его вознаграждение — это заработная плата...
И он не будет заниматься взяточничеством
И тем более притеснять людей.
Благочестивый полицейский должен заботиться только о том,
Как справедливо выполнить свою работу.
Единственный, кто может помешать человеку совершить преступление,
Это благочестивый полицейский.
И судьи тоже совершают
Страшное притеснение.
Благочестивый судья,
Что заставит его брать взятки?
Они знают, что, кто бы ни страдал от притеснений...
Если этот человек обратится к Богу
И скажет: «Бог мой, ты справедлив,
Со мной поступили несправедливо,
Накажи того, кто притеснял меня»,
И во истину очень скоро
Этот человек сам познает муки... [1, с. 220–222].

В отличие от приведенной выше «Поэмы о делах шейха» Наны Асма’у, в «Поэме против притеснения» нет элементов хроники или восхваления. Произведение имеет

несомненное сходство с популярным у хауса жанром религиозных назиданий *ва'ази*. Художественное своеобразие «Поэмы» построено, в первую очередь, на принципе диалогического изложения. Идейной основой произведения служит ряд понятий, которые неизменно повторяются, образуя определенную ритмическую организацию. Это такие понятия, как *залюнчи* (притеснение, угнетение, тирания) и *адальчи* (справедливость, праведность). Автор «Поэмы» апеллирует к представлениям хауса о социальном идеале, *мутумин кирки* (благочестивый человек). К нему восходят понятия *дан сандан кирки* (благочестивый полицейский) и *альк'алин кирки* (благочестивый судья). Фигура благочестивого человека является одной из идейных основ хаусанской религиозной литературы. Описываемые в литературе атрибуты благочестия (*кирки*) довольно многообразны: это черты характера человека, образ жизни, манера поведения, положение в обществе и т. д.

Литература

1. Furniss G. Poetry, prose and popular culture in Hausa. Edinburgh: Smithsonian Institution Press, 1996. 338 p.
2. Hunwick J. The Arabic Literary Tradition of Nigeria // Research in African Literatures. 1997. Vol. 28 (3). P. 211–223.
3. Пригорицкая Ю. В. «Песнь о Багауде» и жанр рифмованной хроники в литературе хауса: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Вост. фак-т СПбГУ, 2002. 219 с.
4. Щеглов Ю. К. Современная литература на языках Тропической Африки. М.: Наука, 1976. 247 с.
5. Бессмертная О. Ю. Литература на языке хауса [на рубеже XIX и XX веков] // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1994. Т. 8. С. 693–697.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94

А. А. Борисова

ЯПОНСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ИСКУССТВА И ДЕЙСТВИЯ ИЭМОТО В ПЕРИОД МЭЙДЗИ (1868–1912)

Революция Мэйдзи в Японии стала совершенно новым этапом в истории страны. В результате политических, экономических и социальных преобразований Япония встала на путь модернизации и в короткие сроки превратилась в одну из ведущих мировых держав. Из-за границы приезжали военные и технические специалисты и инструкторы, ученые и исследователи, впервые за долгое время сами японцы стали отправлять за границу посольства, миссии, а также студентов. Стремительно развивалась промышленность, росли города. Кроме того, правительство Мэйдзи создало первую в Азии конституцию, согласно одному из параграфов которой были отменены сословия. Возникли первые политические партии, шла борьба за учреждение в Японии парламента. Подобные изменения не могли не сказаться на общественной и культурной жизни страны. Естественно, большое влияние они оказали и на школы традиционных японских искусств, вынужденные в то время искать новые пути развития, для того чтобы сохранить свое значение и положение.

Как изменилось положение традиционных искусств и какие меры предпринимали главы школ для сохранения традиций? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сказать несколько слов о положении традиционных японских искусств до периода Мэйдзи.

Одной из отличительных черт периода Эдо (1603–1868) было развитие городской культуры. Ее расцвет пришелся на годы Гэнроку (1688–1704), обычно расцениваемые и как пик в эволюции японского феодализма, и как начало его движения к закату. Города, значение которых ранее не было столь уж велико, теперь активно развиваются и процветают. Горожане: торговцы, ремесленники, в руках которых, как правило, и аккумулировались денежные средства, — стремились приобщиться к изыскам традиционной культуры, ранее доступной лишь представителям высших сословий. Такие искусства, как театр Кабуки и кукольный театр Бунраку, чайная церемония, икэбана

и многие другие, становятся очень популярными в этот период. Многие горожане стремились стать учениками школ традиционных искусств.

Естественно, «наплыв» желающих не мог не привести к изменениям структуры обучения искусствам, и можно говорить о том, что именно в это время складывались школы традиционных искусств, во главе которых стояли *изэмото* (家元, «глава дома»). Так называли глав семей, монопольно владевших секретами мастерства в каком-либо искусстве и руководивших соответствующими школами. Изэмото следили за соблюдением канонов школы, при необходимости вносили изменения (что было их исключительным правом), определяли, каким образом надлежит вести обучение желающих войти в ту или иную школу. Однако наиболее значимым в системе изэмото является то, что только они имели право выдачи лицензий на преподавание, т. е. только изэмото решали, достоин человек звания мастера или нет [1, с. 72].

Власти поддерживали школы традиционных японских искусств, так как их существование способствовало доведению до людей идей неоконфуцианства (чжусианства), которое в то время было официальной государственной идеологией. К тому же строгая иерархия в структуре школ способствовала пропагандированию идей неоконфуцианства о четкости структуры и незыблемости общества в целом [2, с. 241].

Такое положение дел сохранялось в стране до периода Мэйдзи, когда Япония вступила на путь модернизации и европеизации.

Нововведения и перемены: разрушение традиций, отход от традиционных ценностей и т. п. — пагубным образом сказались на школах традиционных искусств. Во-первых, мода на все западное, «прогрессивное», привела к резкому оттоку учеников, а следовательно, сокращению и финансовых ресурсов в школах. Во-вторых, в период стремительного развития и модернизации традиционные искусства рассматривались как элемент прошлого, не отвечающий требованиям прогресса. Наконец, отмена сословий, в частности привилегированного воинского, привела к тому, что многие школы потеряли покровителей в лице даймё — серьезнейший удар по престижу и значению школы в целом [3, р. 189].

В такой сложной ситуации первоочередными задачами изэмото стали сохранение школ и возвращение им былого влияния. Какие же меры предпринимали изэмото, чтобы привлечь новых учеников и вновь вернуть школам популярность?

Если рассмотреть действия изэмото различных школ, нельзя не отметить их некоторое сходство. Так, например, обеспокоенные положением *чайной церемонии* главы всех трех школ дома Сэн (Урасэнкэ, Омотэсэнкэ и Мусянокодзисэнкэ) собрались и подписали в 1872 г. обращение к правительству, представив его затем императорскому двору. В обращении говорилось о необходимости сохранения традиций дома Сэн как культурного достояния Японии в целом. Все это свидетельствует о том, что мир чайной церемонии находился на грани краха. Нет сомнения, что дом Сэн переживал сильнейший кризис со времен самоубийства его основателя Сэн-но Рикю (1522–1591).

Предпринимались и более конкретные меры. Например, Рокурокусай (1837–1910), изэмото школы чайной церемонии Омотэсэнкэ, впервые за всю историю дома Сэн совершил путешествие по стране. Несмотря на ужасающее состояние дорог, он побывал в Хаги, Хиросима, Нагасаки. В ходе путешествия он проводил чайные церемонии и попутно объяснял смысл пути чая. Эта мера себя оправдала: в школу пришло много новых учеников, причем не только из Эдо и Киото, но и из других частей Японии. Можно утверждать, что Рокурокусай смог вернуть школе прежние позиции, казалось,

потерянные навсегда. Рокурокусай провел чайную церемонию в святилище Тэммангу в Китано перед самим императором (1880)¹. Кроме того, он провел церемонию в храме Такаяма в Тогано, посвященную шестисотлетию со дня смерти монаха Миёэ, большую чайную церемонию в Осака. Самым большим успехом Рокурокусай можно считать проведение чайной церемонии для императора в самом императорском дворце в Киото. Это произошло в 20-м году Мэйдзи (1887) [1, с. 76].

Иэмото школы Урасэнкэ Гэнгэнсай (1810–1877) сделал ставку на привлечение иностранцев, рассчитывая на их тягу к экзотической и незнакомой культуре. Одно из его неприжившихся нововведений, ставшее курьезным эпизодом в истории японской чайной церемонии, — использование европейских столов и стульев для ее проведения [4, с. 227]. Таким образом иэмото пытался полностью изменить канон действия, для того чтобы помочь своей школе удержаться на плаву. Конечно, школы вынуждены были искать пути выживания и пытались соответствовать духу времени.

Например, ранее чайными мастерами были только мужчины, но в период Мэйдзи этот путь открылся и для женщин. Здесь свою роль сыграли войны, унесшие жизни множества мужчин: японо-китайская (1894–1895) и русско-японская (1904–1905). Вместо погибших воинов их вдовы, стремясь найти свое место в жизни, продолжали изучение чайной церемонии, иногда даже на более глубоком уровне, и благодаря этому добивались получения лицензии. Именно так появились женщины-мастера, имеющие право преподавать.

Вместе с распространением чайной церемонии среди женщин увеличивалось и количество учениц, изучающих Путь чая в женских школах. Это послужило толчком к тому, чтобы иэмото предложили изучать искусство чая как обязательный предмет в средней школе. Правительство идею одобрило.

В знании чайной церемонии стали видеть одно из важнейших умений невесты, а количество женщин-мастеров увеличилось. Впрочем, обнаружилась и «оборотная сторона медали» — чайную церемонию начали рассматривать как женское занятие, и число мастеров-мужчин резко сократилось. Благодаря вовлечению женщин в чайную церемонию система иэмото выстояла, но путь мужчин в мир чая стал более сложным [1, с. 73].

Влиятельные люди из деловых кругов приобретали антикварные чайные принадлежности, демонстрируя финансовые возможности, строили чайные домики, чтобы показать эти приобретения, — так чайная церемония стала светским развлечением. В этом ее основное отличие от церемонии времен Сэн-но Рикю, когда она являла собой один из путей обретения просветления — сатори. В период Мэйдзи в чайной церемонии стали видеть скорее «увлечение для женщин или же развлечение для богатых», мужчины же все более и более отдалялись от чайной церемонии.

Подобная ситуация сложилась и в школах *икэбана*. Сэкимото Рион, глава школы Корю, в 1871 г. писал: «Сегодня общество непростое и ухудшается год от года. С прошлой зимы до этой весны никто не пришел в мой дом, чтобы учиться, а желающих посещать занятия едва ли наберется с десяток» [5]. Иэмото, чтобы бороться со снижением интереса к икэбана, предприняли шаги, похожие на действия мастеров школ чайной церемонии. Во-первых, на основе письма правительству о целесообразности препода-

¹ Здесь видна связь с чайной церемонией в Китано, проведенной Сэн-но Рикю по указанию Тоётоми Хидэёси для императора за триста лет до этого.

вания искусства икэбана в общеобразовательных школах, был издан указ, по которому обучение икэбана стало обязательным для девочек. Во-вторых, с целью привлечения учеников проводились выставки композиций известных мастеров. И в-третьих, чтобы привлечь внимание иностранцев, в икэбана обратились к цветам и материалам, которые никогда ранее не использовались в классических композициях, таким как тюльпаны из Голландии, металлические вазы и подставки для цветов [6, с. 254]. В конце периода Мэйдзи возникает новое авангардистское направление в искусстве икэбана, которое нашло воплощение в школе Согэцу, созданной, правда, несколько позже, в период Тайсё (1912–1926).

Любопытно отметить, что и главы школ *боевых искусств* обращались к властям с просьбами о введении обязательного обучения боевым искусствам в школах. Но в первой половине периода Мэйдзи это пожелание не было удовлетворено: боевые искусства были признаны «несоответствующими», в отличие от уже внедрившихся в систему образования школ чайной церемонии и икэбана.

В целом, в начале Мэйдзи положение боевых искусств было весьма плачевным, главным образом из-за отмены сословий. Во-первых, упразднение воинского сословия лишило школы социальной базы. Во-вторых, реформа и перевооружение армии на западный манер привели к отказу от стереотипов прошлого. В «новой жизни» традиционные боевые искусства как искусства поединка стали видаться архаичными и утратившими актуальность пережитками прошлого [7, с. 14].

Требовалось развеять такие иллюзии, чтобы сохранить боевые искусства для потомков. Ситуацию спасли самоотверженность и пыл Кано Дзигоро (1860–1938), которому удалось вернуть былой престиж традиционным боевым искусствам. Именно он вдохнул новую жизнь в искусство дзюдзюцу (джиу-джитсу), создав на базе его и новой техники современное дзюдо. Он первым заговорил о том, что боевые искусства не столько значимы в практическом применении, сколько являют собой «духовно-нравственное воспитание, внутреннее совершенствование, достижение этического идеала» [8].

Благодаря стараниям Кано Дзигоро японцы вновь обратились к изучению боевых искусств. И правда, во многом потеряв свои практические функции, боевые искусства обрели новую жизнь как путь самосовершенствования и самодисциплины.

Не удалось обойтись без новшеств и главам *театральных трупп*, особенно Кабуки. Во время революции Мэйдзи артисты театра Кабуки работали в двух направлениях: с одной стороны, они стремились реформировать присущую Кабуки феодальную природу и искоренить изнеженность и рафинированность этого искусства, уходящую корнями к сёгунату Токугава, с другой — мечтали возродить интерес высших сословий к театру и адаптировать старинную манеру исполнения к новым вкусам. Естественно, не обошлось и без влияния Запада [9, p. 1]. Рождение нового направления «Син Кабуки» («новое Кабуки») становится отличительной чертой театра начиная с эпохи Мэйдзи. Его специфика заключается в обилии новых пьес, которые были написаны непрофессионалами, далекими от жесткого следования драматургии театра Кабуки. Такие пьесы отвечали духу времени и были популярны, но впоследствии ставились редко и в постоянный репертуар трупп Кабуки не вошли.

Необходимо отметить, что Кабуки, в отличие от многих других направлений, получал определенную поддержку властей, так как был наиболее близок, по их мнению, к таким европейским искусствам, как опера или балет. Именно поэтому в 1886 г. веду-

щими актерами и главами школ Кабуки Накамура Гандзиро I и Накамура Содзюро I была основана «Компания реформирования театра» (演劇改良会, «Энгэки кайрёкай»), главной целью которой было создание японского театра в европейском стиле [9, р. 7]. В рамках деятельности компании на японской сцене были поставлены такие европейские произведения, как «Венецианский купец», «Тоска», «Вильгельм Телль», «Робинзон Крузо» и др. Впервые за долгое время на сцене появилась актриса — Итикава Кумэхати (ранее выступление женщин в театре запрещалось). Однако ее появление было скорее исключением из правил и сейчас, как и в период Эдо, женские роли в Кабуки исполняют мужчины.

Гораздо хуже обстояла ситуация с театром Но. В отличие от театра Кабуки, он всегда считался искусством для высшего класса и не был коммерческим предприятием. Поэтому после отмены привилегий военного сословия театр Но потерял статус элитарного искусства и оказался в забвении вплоть до конца периода Мэйдзи. Несколько лет представлений Но не давали вообще, за исключением немногих, проводимых актером Умэвака Минору исключительно из энтузиазма. Впрочем, его деятельность принесла плоды, и в 1881 г. появилось «Общество поддержки театра Но», что, несомненно, послужило на пользу этому театру. Благодаря «Обществу» был открыт первый театр Но для широкой публики в парке Сиба-коэн в Токио в 1881 г. Это привело к возрождению интереса к театру Но, и театр при поддержке таких могущественных покровителей, как концерн Мицуй, Исигава и других, вновь прочно встал на ноги [6, с. 229].

Подводя итоги, отметим, что большинство обращений измото к правительству давали им обретение искомой поддержки. Связано это было, конечно, с тем, что во второй половине периода Мэйдзи появились новые акценты в идеологии. Одним из основополагающих стал принцип «Вакон Ёсай» — «Японский дух, западные знания». Власти Японии нашли компромиссное решение: необходимые технологии, знания и изобретения Запада заимствовались, но эти заимствования носили исключительно прикладной характер. Курс на коренное изменение сознания японцев сменила пропаганда всего национального, исконно японского. «Государственный синто» стал основой идеологии. Продвигали и доктрину кокутай — принцип органического единства нации, опирающийся на признание национальной исключительности и превосходства японского духа.

На этом фоне власти обратились и к традиционным японским искусствам как к инструменту пропаганды националистического курса в политике. Ярким примером служит ситуация, сложившаяся вокруг боевых искусств, которые ранее не были включены в программу общеобразовательных школ. В 1895 г., после японо-китайской войны, был создана Всеяпонская федерация боевых искусств. Ее усилиями боевые искусства влились в школьный курс физкультуры и заняли видное место в пропаганде как одна из составляющих национального японского духа. Кэндо и дзюдо стали частью школьной программы с 1911 г. Это произошло во многом благодаря деятельности Кано Дзигоро, о котором говорилось выше.

Таким образом, традиционные искусства, основой которых является система измото, стали выражением традиционных японских ценностей и японского духа в целом. В дальнейшем, в годы усиления японского национализма, их роль только возрастала. Это продолжалось вплоть до конца второй мировой войны, когда многие из традиционных искусств были запрещены.

Во время революции Мэйдзи, когда велись активная модернизация страны и вестернизация общества в целом, многие традиционные искусства пришли в упадок из-

за потери учеников и поддержки со стороны властей. Однако активные действия из-мото, такие как путешествия с целью рекламы своей школы и привлечения учеников (в том числе и женщин), обращения за помощью к властям, дали искусствам шанс на выживание. После обращения властей к традиционным ценностям школы и искусства только укрепили свои позиции. Школы традиционных искусств стали играть большую роль в японском обществе как воплощение японского духа, а занятия традиционными искусствами стали обязательными для воспитания детей, в том числе и в общеобразовательной школе. Благодаря этому возросла популярность школ, к изучению традиционных японских искусств обратились европейцы. В настоящее время интерес к ним сохраняется не только в Японии, но и по всему миру.

Литература

1. Хара Сокэй. «Тя-но ю» нюмон (Введение в Тя-но ю). Токио: РНР кэнкюдзё, 2004. 206 с. (原宗啓. “茶の湯”入門. 東京、RHP研究所、2004年. 206頁.)
2. Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л.: Академия наук СССР, 1947. 456 с.
3. Varley P., Kumakura I. Tea in Japan: essays on the history of chanoyu. Honolulu, University of Hawaii Press, 1989. 285 p.
4. Вата Тадатика. Садо-но рэкиси (История чайной церемонии). Токио: Коданся гакудзю-цу бунко, 2006. 262 с. (桑田 忠親. 茶道の歴史. 東京: 講談社学術文庫、2006年. 262頁.)
5. Bunjinbana and Moribana in Meiji Era [Электронный ресурс]. URL: http://kitashirakawaclub.jp/bunjin_en.html (дата обращения: 28.02.2011).
6. Гришелева Л. Д. Формирование японской национальной культуры (конец XVI — начало XX века). М.: Наука, 1986. 286 с.
7. Одзава Хироси. Кэндо: полное практическое руководство. Киев: София, 2000. 181 с.
8. Япония в XIX веке и боевые искусства [Электронный ресурс]. URL: http://www.budi.ru/article/fight/camurai/aponia_v_19_veke_i_boevye_ickucstva.htm (дата обращения: 05.03.2011).
9. Leiter S. L. Kabuki plays on stage: restoration and reform, 1872–1905. Honolulu, University of Hawaii Press, 2003. 433 p.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

О. И. Редькин

АРАБСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ: ДО ИЛИ ПОСЛЕ ИСЛАМА?

Если об арабской эпиграфике до ислама можно говорить с известной степенью уверенности, то о других арабоязычных письменных документах приходится судить на основании косвенных данных.

Известно, что появление письменности на определенном этапе развития социума обусловлено необходимостью точной передачи информации во времени и пространстве. При этом письменные тексты, в отличие от существующих исключительно в устной форме, не подвержены изменениям и позволяют достаточно адекватно воспроизводить зафиксированные в них данные независимо от того, каков хронологический или пространственный интервал между их записью и воспроизведением. Не является исключением и арабская письменная традиция.

Хотя в настоящее время арабская письменность представляет собой относительно гомогенную структуру (за исключением использования регионально маркированных графем), на начальном этапе арабы использовали письменные системы других языков. По словам О. Г. Большакова, «арабы долгое время не имели собственной письменности». При этом «на юге они пользовались южноарабским письмом, а на севере — различными вариантами арамейского» [1, с. 36].

Возможно также, что формирование арабской графики происходило сразу в двух центрах: у Лахмидов и у Гассанидов [1, с. 36]. Так, при дворе Лахмидов в Хире, «куда съезжались арабские поэты из Северной и Центральной Аравии... по-видимому, впервые арабская письменность приобрела права гражданства и стала употребляться в официальной переписке» [1, с. 24].

При этом наиболее поздние из письменных артефактов (эпиграфических надписей), предшествующих собственно «исламскому» периоду формирования арабской письменной традиции, относятся к 512 г. н. э. [2, р. 6, 7, 13]¹.

В дальнейшем континуум арабской эпиграфической традиции прерывается и получает свое продолжение лишь в первые годы хиджры. Таким образом, начиная с 512 г. н. э. и вплоть до начала VII в. н. э. отсутствуют артефакты, датированные периодом, непосредственно предшествовавшим кардинальным идеологическим и социальным трансформациям в жизни Аравии. При этом первая из известных эпиграфических надписей исламского периода датируется 4-м г. х.², т. е. примерно 626 г. н. э.

Данный разрыв континуума письменной традиции во Внутренней и Северной Аравии, казалось бы, объяснить достаточно просто. В Аравии, прежде всего центральной ее части, передача знаний и духовных культурных ценностей в доисламский период осуществлялась преимущественно в устной форме³, имеющиеся же сведения

¹ Если не считать двуязычной надписи в 60 км от Дамаска, т. е. надписи за пределами Аравийского полуострова.

² В настоящее время под эгидой правительства Саудовской Аравии проводятся интенсивные работы по поиску эпиграфических памятников на территории королевства и их дешифровке.

³ Принято считать, что наиболее яркий пример этого — доисламская поэзия.

© О. И. Редькин, 2012

относительно степени распространения письменной традиции носят лишь опосредованный характер.

В начале VII в. н.э. бесписьменная джахилийская традиция стремительно (в течение двух-трех десятилетий) уступает место культурно-лингвистической доминанте монотеистического общества, характеризуемой формирующейся традицией сакральных письменных текстов; при этом сохраняются отдельные элементы духовной культуры предшествовавшего этапа, такие как фольклор и традиционная поэзия.

На первый взгляд, быстрый переход от одного культурного типа (преимущественно устной традиции) к другому (устно-письменной традиции) сопровождался и стремительным, в отличие от других языков, развитием арабской письменности и ее складыванием в виде, весьма близком к современному. Инновации же, внесенные в систему арабской письменности в первые десятилетия ислама, оказались настолько логичны и мотивированны, что сохранились вплоть до настоящего времени, претерпев лишь незначительные изменения.

В последующие десятилетия арабский язык и арабская письменность постепенно становятся основными средствами коммуникации и на новых территориях халифата, разделяя на начальном этапе эту сферу с арамейским (в Сирии и Палестине) и греческим (в Египте) языками. В свою очередь, на Аравийском полуострове арабская письменная традиция также вытесняет традиционные письменные системы, использовавшиеся на севере и юге полуострова [2, р. 8].

Сторонний наблюдатель вправе предположить, что реализации столь масштабно-го культурно-исторического проекта, каковым стало развитие арабской письменности, должен был предшествовать весьма длительный период, в ходе которого сложились соответствующие культурные и материальные предпосылки. При этом отличия между различными этапами континуума, выражаемые в формальных признаках (виды графики, принцип письма), должны были быть минимальными.

Вместе с тем, при сопоставлении арабских эпиграфических памятников джахилийского периода (512 г. н.э.) [2, р. 6] с наиболее ранними источниками хиджры (4 г. х. или 626 г. н.э.) [3, р. 240] становится очевидной разница в их графической репрезентации.

В этой связи возникают вопросы относительно того, существовала ли в какой-либо форме арабская письменная традиция на территории полуострова до ислама, а именно во временном промежутке между началом VI в. н.э. и первыми десятилетиями VII в. н.э. (а), и какова вероятность наличия иных, кроме эпиграфических, письменных артефактов, относящихся к данному периоду (б)?

Учитывая все вышесказанное, представляется весьма важным проанализировать саму объективную возможность существования письменной традиции во внутренних районах Аравии в период, непосредственно предшествовавший возникновению ислама, а также факторы, которые могли оказать влияние на ее статус. При этом следует также учесть тот факт, что развитие арабской письменности, как и других графических систем, не представляло собой линейный равномерный процесс, а скорее напоминало извилистый путь, направление которого определялось комплексом факторов лингвистического и экстралингвистического характеров. Как следствие, такого рода нелинейность, определяемая множеством векторов, влияющих на развитие письменности, а также недостаточное количество артефактов и сведений исторического порядка вносят в исследовательский процесс элементы вероятностных оценок [2, р. 4]. Помимо этого очевидна и необходимость рассмотрения развития арабской графики

в контексте экономических, политических, социальных, географических и культурных реалий Аравии в раннем средневековье. В то же время недостаток артефактов эпиграфического характера заставляет исследователя использовать разнообразные сведения, представленные в таких источниках, как классическая (доисламская) поэзия, хадисы, Коран, а также произведения ранних мусульманских авторов.

**Факторы, оказавшие влияние
на развитие письменности во Внутренней Аравии.
Лингвистический и экстралингвистический контексты
развития письменности во Внутренней Аравии**

Несмотря на относительную географическую изолированность в раннем средневековье, Внутренняя Аравия в значительной мере находилась в сфере экономического, военного и культурного влияния Персии, Византии, а также государств счастливой Аравии и, до известной степени, Эфиопии. При этом наряду с оседлым земледелием и кочевым скотоводством существенным элементом местной экономики являлась торговля.

Еще в античности караванная торговля была одним из важнейших компонентов экономической жизни полуострова⁴, а сами торговые пути и центры караванной торговли нередко становились объектами конкуренции субъектов экономического и военного влияния. Так, установление контроля над торговыми путями являлось одной из главных целей военной экспедиции римского наместника Египта Элия Галла в Аравию в 25 г. до н. э.

К VI в. н. э. и в последующие столетия, несмотря на то что транзитная торговля благовониями переживает период упадка, караванная торговля сохраняется, при этом основными товарами становятся кожа и кожаные изделия, ткани, оружие, домашняя утварь, золото и ювелирные изделия, рабы⁵. Другими словами, торговля остается одним из основных компонентов экономики Аравии, в том числе и таких городских центров Хиджаза, как Мекка и Йасриб.

В VI — начале VII в. н. э. относительное единство культурного, информационного и, в известном смысле, лингвистического⁶ пространств в центральной и северной частях Аравийского полуострова в значительной степени поддерживалось именно благодаря системе экономических связей, проявлениями которых были сезонные региональные рынки, а также упомянутая выше караванная торговля, связывавшая между собой различные регионы полуострова, в первую очередь его юг и север.

Действительно, благополучие Мекка была обязана не столько тому, что была идеологическим центром джахилийской Аравии, сколько своему выгодному географическому положению и той экономической роли, которую она играла в этот период. Сакральный комплекс в Мекке, почитаемый различными аравийскими племенами,

⁴ Торговые связи между Внутренней Аравией и югом полуострова существовали еще в античности.

⁵ Распад Римской империи, военное и политическое соперничество между Византией и Ираном повлекли за собой сокращение рынка благовоний и иных предметов роскоши в восточном Средиземноморье и, как следствие, падение спроса на них. Данное обстоятельство стало одним из факторов, негативно повлиявших на экономическое состояние государств счастливой Аравии.

⁶ Если рассматривать племенные диалекты как примеры регионально структурированной реализации единого арабского языка.

удачно дополнялся ярмаркой в Указе, а само поклонение языческим идолам по своей значимости было сопоставимо с реализацией экономических потребностей социума — посещением проводимой в окрестностях Мекки ярмарки. Подобная модель ежегодного паломничества к святым местам и посещения проводимых в их окрестностях торговых ярмарок сохранилась в Аравии и по сей день⁷.

В целом, в Восточном Средиземноморье ситуация, когда храмовые комплексы и рынки располагались в непосредственной близости друг от друга, а храмы помимо выполнения ими функций центров сакрального поклонения являлись одновременно и центрами экономической жизни, имела место не только в раннем средневековье, но и в античности⁸.

В этих условиях регулярные торговые связи означали не только товарообмен, но и обмен информацией, производственными навыками, духовными ценностями, обеспечивали взаимовлияние и взаимное проникновение различных культур, в том числе и лингвистическое. В пользу последнего тезиса свидетельствует наличие многочисленных граффити в северной Аравии вдоль древних караванных путей. В VII в. н. э. данные связи значительно упрочились за счет нового идеологического фактора — ислама.

Лингвистический контекст в доисламской Аравии

Ареал Аравийского полуострова до ислама характеризовался не только наличием многочисленных племенных диалектов, но и имевшей маргинальный характер полиязычностью. О последней можно было говорить вплоть до настоящего времени, как в контексте автохтонных языков юга полуострова, так и в контексте языков, получивших здесь распространение в новое и новейшее время в результате миграционных процессов, что показал А. Ф. Л. Бистон [4].

В раннем средневековье изолированность Аравии от окружающего мира носила достаточно условный характер, если учитывать наличие многочисленных караванных дорог, пронизывавших «остров арабов», а также зоны взаимной культурной и идеологической интерференции, лежащие на его периферии.

Вероятно, еще до ислама племена, населявшие внутреннюю Аравию, были знакомы с письменными системами народов соседних регионов, в частности с южноаравийской (представленной эпиграфическими языками — сабейским, катабанским, химьяритским), а также североарабской (арамейский и набатейский) эпиграфикой, равно как и с документами на арамейском и греческом языках. Результатом такой культурной интерференции стали многочисленные граффити на севере полуострова; что же касается юга полуострова, то здесь эпиграфика развивалась за счет обращения к оригинальным культурно-историческим традициям.

К настоящему времени эпиграфика севера и юга Аравии достаточно хорошо изучена, а корпус опубликованных и описанных надписей увеличивается с каждым годом. При этом лингвистический анализ эпиграфики демонстрирует разнообразие стилей, а также широкий спектр языковых особенностей надписей. Так, в аравийской эпигра-

⁷ Паломничества к могилам святых — зийары, в Хадрамауте сопровождаются ярмарками, где происходит обмен прибавочным продуктом, производственными навыками, культурными ценностями и информацией.

⁸ О чем свидетельствуют многочисленные примеры из Древней Греции и Египта.

фике отмечены различия как в морфологии (использование определенного артикля), так и лексики, что свидетельствует об имевшихся в это время диалектных различиях.

Общими чертами южноаравийской эпиграфики являются консонантный, или силлабический, характер используемых алфавитов, сегментный характер графики, нерегулярное использование *matres lectionis* и членение на отдельные слова, при этом как у североаравийских, так и южноаравийских граффити направление письма может варьироваться, как, например, в хадрамаутских надписях. Что касается тематики текстов, то она может меняться, но при этом сводится к нескольким основным темам, таким как посвятельные надписи царям, описание побед правителей, изложение регулирующих постулатов социальной и политической жизни.

Следует отметить и тот факт, что эпиграфическая письменная традиция не просто присутствовала на периферии Аравии на протяжении нескольких столетий, но и какое-то время параллельно существовала с собственно арабской системой письма.

При этом если стиль южноаравийских надписей достаточно унифицирован, то в северо-западной Аравии представлено значительное разнообразие как типов, так и техники письма, равно как и наибольшие лингвистические различия между надписями, что свидетельствует о наличии значительного количества социумов, использовавших данные письменные системы. Это говорит также о том, что именно здесь ареалы распространения различных вариантов семитских алфавитов северо-западного типа пересекаются с ареалами дистрибуции алфавитов, близких южноарабским, что и зафиксировано в тексте граффити [5, p. 29].

Исходя из теории культурного параллелизма можно предположить, что явление, имевшее место в рамках одной цивилизации, может существовать и в ином цивилизационном контексте в аналогичных социально-экономических условиях. Однако в случае с эпиграфикой данное положение не всегда имеет универсальный характер.

Несмотря на то что в центральной Аравии до ислама сложилось политическое образование киндитов, обладающее атрибутами государственности, на данной территории отсутствуют артефакты письменно-монументального характера. Действительно, в отличие от южной части полуострова, где монументальные надписи представлены весьма широко, доисламские надписи подобного типа в центральных районах Аравии практически отсутствуют, что обусловлено рядом причин как идеологического, так и материального порядка.

Так, несмотря на то что у киндитов существовало централизованное государство, местный правитель рассматривался не в качестве сакральной фигуры, как это было в абсолютистских государствах в Месопотамии, Египте или царствах Аравии Феликс [5, p. 184], но, скорее, как лидер, близкий по своему статусу к племенному вождю. Еще одной причиной отсутствия монументальных надписей в центральной Аравии являются ограничения, обусловленные наличием природных и материальных ресурсов, лимит которых и стал одной из основных причин отсутствия такого рода граффити [5, p. 184]. Жители Центральной Аравии и, прежде всего, ее городское население, как и жители Леванта, в том числе и богатого Угарита, «инвестировали» пожертвования в саму систему сакрального поклонения, а не в украшения или надписи на храмах [5, p. 184].

Материалы, использовавшиеся для письма на территории Аравии

Характер материалов, используемых для письма, стал одним из факторов, определяющих как формы письменности, так и ареал ее распространения.

Виды применяемых орудий и материалов для письма доисламской Аравии достаточно подробно рассмотрены в ряде опубликованных к настоящему моменту работ [6]. Помимо скал, а также камней, используемых для строительства храмов и дворцов, создания монументальных надписей, номенклатура материалов для письма включала в себя кожу различной степени выделки, деревянные поверхности (таблички), черенки пальмовых листьев или сами листья.

Как отмечает С. А. Французов, «одним из наиболее важных результатов, полученных Советско-йеменской комплексной экспедицией (СОЙКЭ) в течение девяти полевых сезонов в 1983–1991, является открытие примерно 22 черенков пальмовых листьев на раскопках в Райбуне I на западе внутреннего Хадрамаута. Большая часть их (шесть в ходе полевых работ 1986 г. и по крайней мере девять в 1987 г.) были найдены при раскопке частных зданий. Из семи документов, найденных в 1989, шесть были обнаружены в помещении, к востоку от храма богини Заат Химьям (Dhāt Himyam), и еще один был обнаружен к северу от того же здания. Данные хадрамаутские тексты являются единственными древними документами из Южной Аравии, созданными на черенках пальмовых листьев, которые были найдены в ходе научных археологических раскопок. В некоторых случаях, по-видимому, возможно установить корреляцию между временем их создания и развитием местной формы курсивного шрифта» [7, р. 56]. Вместе с тем, имеются данные, что число обнаруженных в последние годы в различных частях Аравии, но еще не систематизированных надписей значительно превышает количество уже описанных и систематизированных.

Еще одним материалом, используемым для письма в средневековой Аравии, вероятно, был папирус, который упоминается и в тексте Корана, кроме того, есть сведения о копиях писем Мухаммада правителям Византии и Бахрейна, также написанных на папирусе.

В качестве материалов для письма использовались ткани, металлические пластинки, что получило достаточно широкое распространение не только на территории Аравии, прежде всего в ее южной части, но и на Ближнем Востоке в целом⁹. Несмотря на наличие значительного числа имитаций и подделок, количество оригинальных табличек весьма велико¹⁰. Существуют также данные об использовании в качестве материала для письма серебряных и даже золотых табличек.

В качестве поверхности для письма использовались и кости животных. Так, Е. А. Резван приводит случай использования верблюжьей лопатки в качестве поверхности для написания одной из сур Корана (артефакт находится в музее Эр-Риада) [8, с. 189].

⁹ Так, например, бронзовые таблички в качестве материала для письма были весьма распространены в южной Аравии, о чем свидетельствуют многочисленные находки в Йемене. В отечественной эпиграфике бронзовые таблички впервые были описаны И. Ю. Крачковским, в дальнейшем их изучение было продолжено А. Г. Лундиным.

¹⁰ На замечания критиков относительно подлинности такого рода артефактов, указывающих на возможность того, что данные таблички могут быть имитациями (копиями) существовавших ранее или просто подделками, можно ответить тем, что такого рода имитации или подделке должен был предшествовать используемый в качестве образца оригинал.

Что касается инструментов для письма, то особый интерес представляет термин «калам», встречающийся в Коране, обычно переводимый как «тростниковая палочка для письма» и, вероятно, являвшийся одним из основных инструментов для письма в средневековой Аравии. Среди инструментов для нанесения письменных знаков следует назвать также найденные в Йемене печати.

Что касается бумаги, то она стала использоваться в качестве материала для письма лишь в эпоху халифата, а первая фабрика по производству бумаги появилась в Багдаде в 790 г. [9, p. 225].

Имела ли доисламская поэзия исключительно устный характер?

Большая часть исследователей полагает, что «главной формой накопления и передачи информации было запоминание и устное воспроизведение», а «письменность в до-мусульманскую эпоху была достоянием очень узкого круга людей: правителей, жрецов, крупных купцов» [1, с. 67]. При этом доисламская поэзия также имела устный характер.

То, что письменная фиксация поэтических памятников состоялась лишь спустя два с половиной столетия после момента их предполагаемого создания, стало одним из основных аргументов скептиков, подвергавших сомнению ее подлинность. Вместе с тем, проведенный анализ поэтической лексики, композиционных особенностей, жанровых характеристик образцов доисламской поэзии указывает как на подлинность такого рода произведений, так и их соответствие определенному временному периоду. Если допустить возможность более поздней фальсификации доисламских поэтических текстов (в момент их письменной фиксации в VIII в.), то при этом необходимо ответить на ряд вопросов. В частности, каким образом собиратели образцов доисламского поэтического творчества, жившие в иной этносоциальной среде, которым были чужды менталитет языческого общества, равно как и большинство доисламских реалий, смогли не только имитировать архаичный поэтический стиль, но и воспроизвести картину жизни Аравии в эпоху джахилии, адекватность которой подтверждается объективными данными?

Остается открытым и вопрос о том, каким образом, не будучи зафиксированным письменно, колоссальный объем поэтических текстов был не просто сохранен в течение двухсот пятидесяти лет, но и передавался в неизменном виде от одного поколения другому вплоть до момента его письменной фиксации, и все это в период, когда шел активный процесс нивелировки межплеменных диалектных лексических различий, а также утраты архаической лексики?

Традиция приписывает приоритет в передаче доисламской поэтической традиции равиям — профессиональным декламаторам, обладавшим исключительной памятью и, вероятно, недюжинными актерскими и ораторскими способностями. Однако адекватная устная передача и воспроизведение значительных объемов устного текста представляются исключительно трудной задачей. При этом она значительно упрощается, если допустить параллельное с устной формой существование и письменной версии.

Подобный пример параллельного устно-письменного существования поэтической традиции можно найти в современном Йемене, где поэтические произведения фактически существуют в двух формах, устной и письменной (рукописные диваны стихов хранятся в частных библиотеках, являясь нормирующим элементом, эталоном текста). Иными словами, подобно тому как созданная письменно нормирующая грам-

матика языка является препятствием на пути лингвистических инноваций, письменные поэтические тексты становятся своего рода «нормирующей грамматикой поэзии», эталонным образцом, без которого они были бы обречены на изменения. В этом случае нельзя полностью исключать возможность существования отдельных фрагментов доисламских поэм, зафиксированных письменно.

Косвенным свидетельством наличия письменных поэтических текстов может быть и то, что, по одной из версий, наиболее известные доисламские касыды, муаллаки, были написаны или вышиты на свитках из ткани, а затем подвешены в Каабе. По другим сведениям эти семь касыд называли также музаххабаат «позолоченные», так как они были вышиты золотом (подобно тому как в первые десятилетия хиджры суры Корана также порой вышивали золотом на ткани)¹¹.

Письменная традиции до ислама

Вероятно, способность читать и писать не была исключительным явлением среди жителей внутренней Аравии, прежде всего городских центров. Трудно себе представить, что экономическая жизнь, и в первую очередь торговля, требующая учета номенклатуры и количества товаров, могла обходиться без письменной фиксации необходимой информации.

Из биографии Мухаммада известно, что до момента божественного откровения он занимался торговлей и, возможно, водил караваны на север Аравии или даже в Палестину. Следует учесть, что в этот период торговые караваны нередко состояли из десятков или сотен верблюдов и перевозили многие виды товаров. Без записи в той или иной форме данных относительно видов товаров, их цены, количества и качества, владельцев, ведения смет расходов и доходов были невозможны успешные торговые операции. Вероятно, элементарные навыки регистрации всех необходимых данных были одним из основных условий успешной профессиональной деятельности караванных торговцев.

Вместе с тем, согласно мусульманской традиции, пророк не умел читать и писать. Таким образом, данный тезис о неграмотности Мухаммада в свою очередь исключает возможность влияния на текст Корана имевшихся на тот период письменных памятников, что подчеркивает сакральность и несотворенный характер текста священной книги мусульман, исключая саму возможность влияния человеческого фактора на процесс его ниспослания.

Однако в тексте Корана имеется и ряд аятов, которые могут указывать на то, что Мухаммад мог быть знаком с навыками чтения и письма¹². Как указывает О. Г. Большаков, «по словам самого Мухаммада, первые фразы Корана явились ему во сне, когда некто (отождествленный потом с Джабраилом) со свитком в руках велел: „Читай!“ Мухаммад трижды отказывался, но, принуждаемый силой, наконец, прочел¹³ написанное. „Когда я проснулся, то эти слова были словно записаны в моем сердце“» [1, с. 72].

¹¹ Следует отметить, что существует и другая трактовка слова *муаллакат* — «нанизанные» (словно жемчужины).

¹² Хронологически первая сура Корана (сура «Сгусток») начинается словами: «Читай, во имя Господа твоего, который сотворил» [10, IVС, 1]. В этой же суре встречается и упоминание калама, тростниковой ручки, используемой для письма.

¹³ Курсив наш. — О. Р.

Следует отметить, что арабский глагол *катаба* «писать» неоднократно встречается в Коране. При этом право записывать принадлежит, прежде всего, Аллаху, записывающему в вечной книге, или его посланникам [10, IX, 122; IV, 83; X, 22].

В Коране владение навыками письма рассматривается не только как право, но и как обязанность простых людей. Так, в суре «Корова» регламентируется процедура предоставления имущества в долг и составления письменных документов займа. Вероятно, кодифицируется процедура, в той или иной форме существовавшая и ранее, т. е. до ислама [10, II, 282].

Как правило, исследователи хронологически ставят знак равенства между широким распространением письменной традиции в Аравии и возникновением ислама, что вполне объяснимо, так как основным дошедшим до нас арабоязычным письменным памятником того периода является текст Корана.

В процессе развития арабской письменной традиции переломным этапом стала запись Корана, сначала в форме разрозненных фрагментов, а затем и в виде единого унифицированного текста. Возникновение ислама ознаменовало и качественно новый этап в развитии аравийской письменности, характеризуемый стремительными количественными и качественными изменениями, стало толчком к распространению грамотности и арабской графики не только на территории полуострова, но и далеко за его пределами.

Что же касается доисламского периода, то, вероятно, умение писать и читать тогда не было исключением, а представляло собой достаточно распространенное явление, причем сама арабская графика в той или иной форме могла использоваться в официальной переписке, записях, касающихся торговых и финансовых операций, а также в повседневной жизни. Детализировать наши знания относительно данного периода смогут лишь артефакты, обнаруженные в ходе будущих археологических раскопок.

Литература

1. *Большаков О. Г.* История халифата: в 4 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. Ислам в Аравии, 570–633. 312 с.
2. *Abulhab S. D.* Roots of Modern Arabic Script: from Musnad to Jazm // *Dahesh Voice*. 2009. 50 & 51.
3. *Miles G. C.* Early Islamic Inscriptions Near Ta'if In The Hijaz // *Journal Of Near Eastern Studies*. 1948. Vol. VII. P. 236–242.
4. *Beeston A. F. L.* Languages of Pre-Islamic Arabia // *Arabica*. 1981. Vol. 28, N 2–3. P. 178–186.
5. *Kelle B. E., Moore M. B.* Writing and Ancient Near East Society: papers in Honour of Alan R. Millard. New York; London: T&T Clark, 2005. 319 p.
6. *Maraqten M.* Writting Materials in Pre-Islamic Arabia // *Journal of Semitic Studies*. 1998. XLIII/2 Autumn. P. 287–310.
7. *Frantsouzoff S. A.* Hadramitic documents written on palm-leaf stalks // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 1999. Vol. 29. P. 55–65.
8. *Резван Е. А.* Коран и его мир. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 601 с.
9. *Beeston A. F. L.* Arabian sibilants // *Semitic Studies*. 1962. Vol. 7. P. 222–233.
10. Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 714 с.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

В. М. Рыбаков

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БЕСКОНТАКТНЫХ ПОКУШЕНИЙ НА ЛИЧНОСТЬ ПО ЗАКОНАМ ДИНАСТИИ ТАН. ЧАСТЬ 2

Магия

Несколько отличались от чудовищных методик *гу* простые ворожба и колдовство (*я мэй* 壓魅), хотя они также включались в пятое из Десяти зол. В чем именно была разница, точно сформулировать нелегко, да и в самом тексте Кодекса определения продолжают оставаться уклончивыми — хотя странно было бы ожидать обратного, ведь иначе правовой текст грозил превратиться в инструкцию для злоумышленников. Относительно *я мэй* говорится:

Способов ворожбы и колдовства много, так что они не могут быть описаны все. Вообще имеются в виду выходящие за рамки нормального [поведения]¹ зловредные обычаи и тайные практики, [применяемые] с тем, чтобы вызвать у какого-либо человека болезнь, страдания или смерть [1, ст. 6] (см. также: [2, с. 88]).

И еще:

В [таком] деле, как ворожба, есть много способов воздействия, и разобрать их в подробностях вряд ли возможно. Или рисуют изображение, или вырезают человеческую фигурку, а потом прокалывают им сердце или вбивают в глаза гвозди, связывают руки или стягивают ноги и таким образом вредят и одолевают. В этих делах нет единого [правила]. При колдовстве или прибегают к помощи бесов и духов, или произвольно пользуются несправедливыми тайными практиками и [применяют способы] такого рода. Также [накладывая] либо заклинания, либо заклятья [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 54]).

Впрочем, практичные жители танской империи, видимо, признавали, что действенность такого рода методов воздействия несравненно меньше, чем действенность, например, удара ножом или просто избиения. Поэтому, включив ворожбу и колдовство в Извращение, т. е. признав исключительную социальную опасность и исключительную аморальность подобного рода действий, попытку нанести кому-то вред магическим путем они сочли все же не столь опасной, как, скажем, умысел простого убийства. В Кодексе предписывается:

Всякому, кто, ненавидя [кого-либо], творил ворожбу или колдовство... желая таким образом убить, наказание определяется как за умысел убийства с уменьшением на 2 степени [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 54]).

Сам по себе умысел убийства наказывался, как уже отмечалось, тремя годами каторги. При этом для того, чтобы умысел был признан таковым, в заговоре должны были состоять минимум два участника, либо обстоятельства дела должны были быть очевидны, исключать всякое сомнение (например, если была совершена попытка по-

¹ В тексте здесь сказано: *бу гуй* 不軌, т. е. буквально «не по наезженной дороге», «не так, как все».

© В. М. Рыбаков, 2012

пасть в дом заведомого недруга с ножом или дубинкой в руках). В данном случае, надо полагать, доказательством умысла служили те или иные магические предметы или действия, которые могли быть признаны столь же очевидными свидетельствами попытки погубить врага магическим образом, сколь проникновение к нему с ножом могло быть истолковано как очевидное свидетельство умысла погубить его.

Во всяком случае, творил ли злодей ворожбу в одиночестве, или то были действия группы колдунов, состоявшей из двух человек и более (что требовалось для доказательства умысла, если не было иных очевидных доказательств), это преступление наказывалось на две степени легче, чем доказанный умысел обычного убийства, еще не приведший ни к каким реальным действиям. Уменьшение на две степени трех лет каторги давало два года каторги. Осуществление колдовских операций признавалось, таким образом, доказательством желания нанести реальный вред, свидетельствовало об умысле, но эффективность метода, выбранного злоумышленником или злоумышленниками, оценивалась правом по крайней мере на две степени меньше, нежели эффективность простого заговора, в котором фигурировала бы, скажем, договоренность подстеречь такого-то неподалеку от харчевни и зарезать.

Впрочем, если это творилось в отношении родственников, с которыми колдуна или колдунью связывали отношения младшинства, близкого к внутрисемейной вертикали, положение менялось — ровно в той же степени, в какой умысел убить старшего родственника каким-либо обычным способом рассматривался более тяжелым преступлением, нежели умысел убить аналогичным образом постороннего человека. Ворожба с целью причинить смерть старшему родственнику, по которому преступнику полагалось бы в случае его смерти носить годовой траур *цзи*, либо деду или бабке по женской линии, мужу, деду или бабке мужа по мужской линии, отцу или матери мужа, даже если не привела к фатальным для жертвы последствиям, наказывалась обезглавливанием². Не могло быть снисхождения и к тем, кто этим сомнительным средством все же сумел добиться своего, и жертва погибла.

Если вскрывалось, что умер человек, против которого были при его жизни произведены магические действия, причинно-следственная связь между попыткой колдовским образом причинить вред и успешным результатом этой попытки вряд ли могла быть оспорена. Следовательно, возникала ситуация, равная той, при которой доказанный умысел убийства увенчался смертью жертвы. Соответственно, виновный (или виновные) должен был получить наказание по нормам, предусмотренным для предумышленного убийства в ситуации, когда убийство уже произошло³.

Если целью ворожбы было не стремление убить, а желание всего-то лишь причинить болезнь или страдания, наказание определялось путем уменьшения на две степени уже наказания за умысел магического убийства.

² «Всякий раз, когда [кто-либо] умыслил убить старшего родственника близости *цзи*, деда или бабу по женской линии, мужа, деда или бабу мужа по мужской линии, отца или мать мужа, все наказываются обезглавливанием» [1, ст. 253] (см. также: [3, с. 25–26]). «Если [ворожба или колдовство творились] в отношении старшего родственника близости *цзи*, либо деда или бабу по женской линии, мужа, деда или бабу мужа по мужской линии или отца или матери мужа... наказание [относительно умысла убийства, даже если смерти жертвы еще не последовало] не уменьшается» [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 54]).

³ «Всякий, кто умыслил убить человека, наказывается 3 годами каторги. Если уже нанесено телесное повреждение — удушение. Если уже совершено убийство — обезглавливание. Соучастники, приложившие усилия, наказываются удушением, а не приложившие усилий — ссылкой на 3000 *ли*. Тот, кто подал мысль, хотя бы [сам] и не действовал, все равно рассматривается как главарь» [1, ст. 256] (см. также: [3, с. 31]).

Это значит, что сама по себе попытка магическим путем заставить страдать постороннего человека наказывалась на четыре степени легче, чем доказанный умысел не успевшего совершиться обычного убийства, т. е. одним годом каторги. Это наказание модифицировалось в зависимости от субординативной связи, связывавшей субъект и объект преступления. Если за умысел убийства того или иного родственника или начальника закон предписывал утяжеленное относительно стандарта наказание, то на четыре степени уменьшалось именно это наказание. Если наказание за умысел убийства данного лица было легче стандарта, аналогичным образом уменьшалось и наказание за ворожбу с целью не убить, а лишь заставить помучиться.

Однако если ворожбу или колдовство с целью причинения страданий творили сын или внук по мужской линии в отношении деда или бабушки по мужской линии, отца или матери, либо лично зависимый *буццой* 部曲, раб или рабыня творили это в отношении хозяина, во всех таких случаях наказание не уменьшалось; это значит, оно уменьшалось лишь на две степени относительно наказания за умысел обычного убийства соответствующего старшего родственника или хозяина.

Нельзя не упомянуть еще об одном весьма специфическом виде высокотехнологического посягательства, которому, при всей его гипотетичности, предусмотрительные танские законодатели нашли место в Кодексе, — посягательстве на духовную неприкосновенность.

Если кто-то колдовал всего-то лишь с целью добиться безрассудной любви (*аймэй* 愛媚) отца, матери, деда или бабушки по мужской линии либо хозяина, это тоже расценивалось как вредоносное действие — ибо посягало на свободу воли личности, которая как раз и обладала по всем человеческим представлениям особыми полномочиями относительно того, кто был ей всем строем общества и всей сутью иерархической морали подчинен.

Отношение к такого рода воздействию было, вероятно, чем-то сродни современному ужасу перед психотронным оружием. Его никто никогда не видел, но все готовы к тому, что оно вот-вот появится — и тогда мир станет окончательно аморален. Ведь тогда ни личная храбрость и порядочность, ни твердость убеждений, ни устоявшиеся представления о добре и зле, ни самые непререкаемые моральные авторитеты не смогут послужить препятствием для бессовестного манипулирования человеком со стороны.

При Тан было несомненно, что родители должны руководить и воспитывать, а дети должны слушаться их и любить, любить во что бы то ни стало, несмотря ни на что. То же самое еще с большим основанием можно сказать об отношениях хозяев и их лично зависимых. Если же, наоборот, дети и рабы начнут пользоваться безумной любовью своих старших и, пользуясь ею, диктовать им свою волю вместо того, чтобы подчиняться их воле, мир перевернется, течение благих небесных влияний сверху вниз, от старших к младшим, повернет вспять, плюс сменится на минус.

Поэтому даже столь, с нашей современной точки зрения, невинное желание — быть безгранично любимым родителями, — если желание это пытались воплотить в жизнь не услужливостью и послушанием, не выполнением малейших прихотей старших, но тайным психотронным давлением, от которого нет защиты, наказывалось ни много ни мало ссылкой на 2000 *ли*. При этом из текста статьи отнюдь не следует, что колдун достиг своей цели, и его отец или, скажем, бабушка по мужской линии и впрямь стали игрушками в его руках, нет. Просто сказано:

Если [некто] всего лишь домогался безрассудной любви деда или бабки по мужской линии, отца или матери либо хозяина и с этой целью творил ворожбу либо налагал заклинания, он наказывается ссылкой на 2000 *ли* [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 56]).

Еще более опасным для всего общества и потому совершенно недопустимым было, безусловно, применение магической пагубы и психотроники против того, от кого зависит в Поднебесной абсолютно все. Того, кто служит соединительной осью между миром горным и миром простых людей. Того, от чьего правильного, взвешенного и беспристрастного поведения зависят даже своевременность дождей или отсутствие стихийных бедствий. В Кодексе его, чтобы не помянуть слишком часто всуе его реальные, не имеющие аналогов прерогативы, иносказательно именуют *чэньюй* 乘輿 — «Тот, кто в паланкине».

Речь, конечно, идет об императоре.

Тут, как и следовало ожидать, разговор был краток.

Если же [какие-либо] вышеперечисленные действия] касались Того, кто в паланкине — не выделяя главаря и соучастников, всех должно казнить обезглавливанием. Даже если всего лишь домогались безрассудной любви — все равно наказываются высшей мерой наказания. Это... также входит в Десять зол [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 56]).

Уже сама по себе мысль воздействовать на духовные и интеллектуальные свойства человека, особые достоинства которого обеспечили получение им Небесного Мандата (и продолжали обеспечивать сцепку между правильным пониманием этим человеком воли Неба и претворением ее в конкретной внутренней и внешней политике), вне зависимости от того, удалось ли эту мысль успешно реализовать, или нет, неопровержимо доказывала, что голова, в которой данная мысль зародилась, должна быть как можно скорее отделена от туловища.

Симптоматично, что в Кодексе совсем не предусматривалось наказаний за преступления с нашей точки зрения вполне аналогичные указанному: например за то, что на современном языке назвали бы «зомбированием» постороннего человека, созданием колдовского биоробота. Ворожба с целью получить безропотного раба, исполнителя любых, пусть самых преступных желаний колдуна, могла бы рассматриваться по крайней мере столь же вероятной, что и ворожба с целью влюбить в себя семейных старших. А уж о столь знакомых европейской культуре вещах, как любовный приворот, и говорить нечего. И тем не менее все подобные деяния не фигурируют в качестве юридических гипотез танского уголовного закона. Приходится предположить, что здесь в нем был сочтен достойным упоминания лишь главный страх культуры: возможность себялюбивого пресечения преступником идущих на него же самого сверху, из семейного зенита, благих ретрансляций императорского упорядочивающего и морализующего влияния, и более того, передача вверх себялюбивых низовых чаяний.

Отравление

Помимо магии и страшных, тоже где-то на грани магии и биохимии создаваемых ядов группы *гу*, в Китае были известны и реальные ядовитые вещества, которые, как это водилось испокон веков во всех более или менее развитых медицинах мира, в ма-

лых дозах зачастую использовались как лекарства, а в дозах чрезмерных могли привести к смерти. В Кодексе в качестве примеров приводятся «перья ядовитой выпи, ядовитый сумах, акониты»⁴.

И специально оговаривается:

Имеется в виду, что [ядовитое снадобье] способно убить человека. Хотя бы его можно было использовать для лечения болезней, однако тот, кто его купил, намеревался отравить человека [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 51]).

Таким образом, то, что фигурирующее в деле вещество реально способно нанести вред, являлось одним из условий привлечения к ответственности по данной статье. Если смертоносность зелья не была доказана, ситуация оказывалась неопределенной. И вторым неперенным условием была доказуемость умысла на убийство. Если нацеленность покупки на отравление не могла быть прослежена, статья не могла быть применена.

При соблюдении же этих условий:

Всякий, кто опоил человека ядовитым снадобьем, и тот, кто продал [ему это снадобье], наказываются удушением. ...Если [снадобье] уже куплено, но еще не использовано — ссылка на 2000 *ли* [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 51]).

Однако если тот, кто продал снадобье злоумышленнику, не знал о его намерениях (например, полагал, что снадобье предназначено для лечения), он не подлежал ответственности. Зато в случае, если снадобье пусть и не было еще использовано, но продавший его как раз был осведомлен о намерениях преступника, он, опять-таки наравне с самим преступником, наказывался ссылкой на 2000 *ли*.

Характерно, что в тексте ничего не говорится о том, последовали ли смерть или какой-либо иной вред здоровью после применения снадобья. По всей видимости, социальная опасность отравительства оценивалась столь высоко, что уже самого факта произведенной попытки воздействовать на человека столь коварным, труднодоказуемым и оставляющим мало следов способом было достаточно для привлечения к ответственности. Ведь перед тайным отравлением в силу специфичности воздействия самый мужественный, самый ловкий, самый сильный человек был беспомощен, точно ребенок или глубокий старик. Слишком уж не на равных находились при таких обстоятельствах субъект и объект преступления. Самозащита была фактически невозможна. И поэтому обязательной смерти жертвы отравления для наказания смертью отравителя, похоже, не требовалось; во всяком случае, об этом не упомянуто⁵.

⁴ В тексте здесь сказано: *чжэньду егэ утоу фуцзы* (鳩毒冶葛烏頭附子). Относительно *чжэнь* в «Большом китайско-русском словаре» говорится: «миф. птица с ядовитыми перьями, ядовитая выпь (величиною с орла, темно-красного цвета, с красным клювом, питается змеями)» [4, т. 3, с. 522]. Относительно *егэ*: «вид ядовитого сумаха» [4, т. 2, с. 538]. Относительно *утоу*: «аконит (борец) китайский (*Aconitum sinense* Sieb.)» [4, т. 3, с. 507]. Относительно *фуцзы*: «аконит китайский (*Aconitum sinense* Sieb.)» [4, т. 3, с. 27]. У. Джонсон переводит эти термины соответственно как «птичий яд» (*bird poison*), «ядовитый плющ (*poison ivy*)», «птичья голова» (*bird's head*) и «семенной аконит» (*seed aconite*), причем относительно «птичьего яда» замечает, что тут имеется в виду вполне реальная птица-секретарь [5, р. 265].

⁵ Может быть, конечно, она сама собой разумелась, иначе и дела бы не возникло. Но странно, что не введены для определения соответствующих градаций наказания хотя бы элементарные градации нанесенного ущерба: умер; не умер, но заболел и навсегда стал инвалидом; заболел, но поправился... Ничего этого нет.

Особые коллизии возникали, как обычно, в тех случаях, когда преступник и жертва не были посторонними друг другу или статационально равными людьми.

Если преступление совершено против родственника старшего поколения, против старшего родственника или против [человека, более] знатного, соответственно каждому данному случаю действуют по закону об умысле убийства, когда убийство уже совершено. Если [яд] был применен против родственника младшего поколения, против младшего родственника [своего поколения] или против [человека, менее] знатного, наказание определяется сообразно⁶ умыслу убийства, когда убийство уже совершено. Если же снадобье [было применено], но смерть не наступила, это всегда подпадает под [действие] закона об умысле убийства, если уже нанесено телесное повреждение [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 52]).

Значит, если младший родственник или человек более низкого социального статуса применил отравляющее вещество против старшего родственника или человека более высокого социального статуса, наказание с учетом конкретной их связи следовало определять как за умысел убийства, когда убийство уже совершено, т. е., другими словами, как за состоявшееся предумышленное убийство данного старшего или более знатного. А как мы уже видели, предумышленное убийство даже постороннего, равного по статусу, человека каралось обезглавливанием.

Если же зелье было применено против младшего родственника или против человека менее высокого статуса, наказание определялось по статье за умышленное убийство с учетом конкретной связи субъекта и объекта преступления, но, как явствует из оговорки *чжунь... лунь*, в любом случае не могло превысить ссылки на 3000 *ли*. Если же снадобье было применено, но смерть не последовала (причем текст совершенно не акцентирует внимания на том, а что же, собственно, последовало: был ли нанесен вред, какого рода и какой тяжести он оказался, или вообще снадобье не подействовало), тогда наказание надлежало определять по статье об умысле убийства (опять-таки с учетом конкретной связи преступника и жертвы), и назначалось то наказание, которое по соответствующей статье предписывалось за нанесение телесного повреждения в ходе реализации умысла. Например, в нейтральной ситуации, т. е. когда преступник и жертва были посторонними людьми равного статуса, нанесение телесного повреждения в ходе реализации умысла убийства наказывалось давлением.

Можно предположить, что последнее предписание, хотя введено оно лишь при анализе ситуаций родственного опаивания ядовитым снадобьем, относится не только к частной ситуации отравления родственника, но к опаиванию вообще. В таком случае мы и получим, что не приведшая к смерти попытка отравления постороннего человека должна была наказываться давлением, т. е. именно так, как и предписано в самом начале основного текста статьи за опаивание как таковое.

В этой же статье предусматривается наказание еще за один метод скрытого воздействия. Правда, он может быть отнесен скорее к косвенным, нежели к высокотехнологичным, поскольку, хотя речь и продолжает идти об отраве, для ее применения не требовалось никаких специальных знаний и усилий, лишь очередная толика коварства.

⁶ Данная формулировка (*чжунь ... лунь 准...論*) означала, что наказание только сообразуется со статьёй, на которую дается отсылка, но не определяется по ней полностью (оно, например, ограничивалось ссылкой на 3000 *ли* и не могло достигнуть смертной казни). Были и иные ограничения. Относительно подобного рода значимых формулировок см.: [1, ст. 53; 2, с. 274–277].

Речь идет о порченном мясе.

Вообще говоря, если становилось известно, что некое мясо вызвало у отведавшего его человека недомогание или болезнь, остатки этого мяса подлежали сожжению. Это была вполне разумная санитарная норма, свидетельствующая о весьма высокой степени цивилизованности танского общества. Владелец порченного мяса, нарушивший это предписание и не уничтоживший опасный продукт, наказывался 90 ударами тяжелыми палками.

А далее в статье говорится:

Тот же, кто преднамеренно дал [такое мясо какому-либо] человеку для еды или продал, и это вызвало у человека болезнь, наказывается 1 годом каторги. Если по этой причине дошло до смерти — [виновный наказывается] удушением [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 53]).

Здесь градации ясны. Если подсунул кому-то порченный продукт, но объект воздействия никакого недомогания не почувствовал, — невиновен. Если подсунул, и объект заболел, — год каторги. Если подсунул, и объект умер, — удушение.

И снова простое и однозначное предписание становилось куда более сложным, а количество вариантов наказаний увеличивалось, когда речь заходила о применении столь изощренного способа отравления против родственника или человека иного статуса.

Если [кто-либо], имея в сердце своем намерение нанести вред, преднамеренно дал для еды старшему родственнику с тем, чтобы вызвать смерть, наказание также определяется согласно статье об умысле убийства. Если [мясо] было применено против младшего родственника или незнатного, и дошло до смерти, [действуют] по закону о преднамеренном убийстве [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 53]).

Очень характерны здесь расхождения в описании ситуаций.

В первом случае, когда говорится о применении заведомо вредной пищи против старшего, о том, что преступный результат был достигнут, даже не упоминается. Достаточно того, что с вредоносной целью порченное мясо было дано в пищу старшему. Одного этого факта хватало, чтобы против младшего был применен закон об умысле убийства, да не просто убийства, а убийства старшего родственника.

А вот о том, были или не были у старшего вредоносные намерения, если он дал испорченное мясо младшему, не упоминается вовсе. Понятие умысла вообще выводится за пределы рассмотрения. Зато обязательным становится фатальный результат — наступившая смерть младшего. Если смерти не было, то и дела не возникало. И даже в случае смерти младшего наказание старшему определялось, разумеется, с учетом конкретной близости родства, по нормам всего лишь преднамеренного, а не预medленного убийства.

Это значит, опять-таки, что закон вообще не интересовался вопросом, существовал заранее спланированный умысел отравить младшего порченным мясом, или нет. Отнесение убийства к классу преднамеренных означало лишь признание того факта, что непосредственно в момент угощения младшего недоброкачественным мясом старший имел желание причинить ему смерть.

Стремление поддержать внутрисемейную иерархию во всех ее проявлениях в который раз подвигло здесь танских законодателей на филигранную, эквилибристическую точность соблюдения неравенства тех, кто в рамках системы ценностей танской

эпохи и впрямь ни в малейшей степени не мог быть друг другу равен или хотя бы уравнен. Это и была справедливость Тан, с потрясающей скрупулезностью воплощаемая в каждодневную жизнь дотошным танским правом. Сколь бы странен и сомнителен ни был способ посягательства на чужую жизнь, здоровье и психическую самостоятельность, сколь бы малому числу бессердечных умников и жестоких умельцев он ни был доступен — он сразу вводился в контекст основных цивилизационных ценностей и тревог, сразу должен был быть подчинен рядовому, традиционному культурному стандарту, по которому жило танское общество. А уголовные законы были главным государственным рычагом такого подчинения (и, как мы видим, самым ярким и однозначным его свидетельством). Возможно, здесь, в этом умении не стесняться силовыми методами встраивать все новое и дестабилизирующее в устоявшееся и проверенное временем, кроется секрет — во всяком случае, один из секретов — поразительной устойчивости и жизнеспособности китайской цивилизации.

Источники и литература

1. Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
2. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и): в 4 т. / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. Т. 1. Цзюани 1–8. 376 с.
3. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и): в 4 т. / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. Т. 3. Цзюани 17–25. 376 с.
4. Большой китайско-русский словарь / под ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Наука, 1983–1984.
5. The T'ang Code. Vol. I–II / transl. with an introd. by W. Johnson. Princeton: Princeton University Press, 1997. Vol. II. Specific Articles. 591 p.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

В. Н. Семенова

ЭФИОПСКАЯ САКРАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эфиопская сакральная живопись — часть эфиопского искусства, в котором обычно выделяются иконы, рукописные миниатюры, настенные росписи, а также магические свитки. Такое деление объясняется фактическим существованием в эфиопской христианской культуре трех различных традиций. К раннехристианской традиции и, соответственно, к XIII в. относят эфиопские манускрипты. Настенная роспись церквей и монастырей восходит к XII в. и коптской традиции. В иконописании, сложение которого датируется XIV в., переплелись две другие традиции — европейская и византийская. Магические свитки часто украшались рисунками. Однако техника исполнения, стиль и манера позволяют их выделить в отдельную область знания. Этой теме посвящена кандидатская диссертация С. Б. Чернецова, где он приводит описания всех свитков из отечественных коллекций (ИБ РАН и МАЭ РАН), уделяя внимание истории изучения этого вопроса [1]. Сюжеты, характерные для магических свитков, являются таковыми и для иконописи.

В настоящей статье рассматриваются возможные пути исследования данной проблемы и приводятся варианты интерпретации сакральных живописных произведений на примере анализа росписи церкви Дэбрэ Цион, озеро Звай. Обращение к этой теме обусловлено тем, что эфиопская сакральная живопись до сих пор не попала в сферу пристального внимания отечественной науки; не стала она и объектом глубокого этнографического изучения.

В западной науке изучение эфиопского искусства насчитывает по меньшей мере вековую традицию и восходит к Уоллису Баджу¹ (XIX в.). Занимались этим вопросом историки, отсюда соответствующая направленность исследований по эфиопскому искусству — историческая. Такой подход определил круг вопросов, заинтересовавших исследователей: вопросы влияния западно- и восточноевропейского христианского искусства на эфиопское². Споры о влияниях и заимствованиях ведутся до сих пор. В 50–60-е гг. XX в. это были отдельные главы в книгах на общие темы по эфиопской истории и культуре Д. Бакстона, Э. Уллендорфа и др.

¹ Уоллис Бадж (E. Wallis Budge) являлся специалистом не одной узкой области эфиопистики. Его перу принадлежат работы по египетскому искусству, где он выразил идею, что мотив кормящей матери пришел именно из Египта [2, с. 275–285].

² Стоит упомянуть, что вопросы диспозиции в эфиопском религиозном изобразительном искусстве изучены крайне мало ввиду недостаточности источников: сколько-нибудь точную картину о происхождении и природе иконописных канонов получить на одном лишь изобразительном материале крайне сложно. Изучением этого вопроса занялся Марсель Гриоль. В 1933 г. он опросил художника и священника Касу, жившего на тот момент в Гондаре. Результатом явился текст полного описания законов и норм касательно расположения объектов в настенной росписи (опубликован в: W. Staude. Die ikonographischen Regeln in der äthiopischen Kirchenmalerei = Archiv für Völkerkunde 13 (1959) 236–308). В. Штауде сравнил описания Касы с настенной росписью двух церквей Гондара XVII в. и пришел к выводу, что правилами, похожими на описанные Касой, руководствовались художники XVII в. и последующих веков. Он также выразил сожаление, что отсутствие настенных росписей до XVII в. помешало ему исследовать вопрос о происхождении этих норм и канонов. Публикации В. Штауде относятся к 1950-м гг. Сейчас открыты настенные росписи до XVII в. и не все они совпадают с нормативной схемой Касы, что делает вопрос о канонах особенно актуальным.

© В. Н. Семенова, 2012

Исторический взгляд на эфиопское искусство привел к активным попыткам его периодизации. Этому посвящена работа О.Егера, Ж.Лероя 1960–70-х годов. Одним из главных вопросов стал вопрос о роли мусульманского нашествия Ахмеда Граня (1530-е гг.) как об отправной точке в истории развития эфиопской культуры в целом и эфиопской художественной традиции в частности. Идея проста: в результате нашествия Ахмеда Граня португальцы пришли в Эфиопию и принесли с собой новые виды ремесел и новые идеи из Западной Европы, что привело к «стилистической революции» периода правления гондарской династии. Данная точка зрения продолжает существовать, однако уже сейчас вскрылась ставящая ее под сомнение проблема хронологического порядка: между победой над Гранем, одержанной с помощью отряда Криштована да Гамы в начале 40-х гг. XVI в., и основанием Гондара в конце 30-х гг. XVII в. прошло почти сто лет, и что происходило в искусстве в этот период, видимо переходный, неизвестно.

Особого внимания заслуживают выводы Э.Хаммершмидта и О.Егера, работавших в монастырях озера Тана (1968). Они выделили следующие этапы в развитии эфиопского искусства: «символический» — до XIV в., «сакральный, посвященный Богу» — XIV–XV вв., «драматичный, театральный» — XVI–XVII вв., «сказительный», либо «жанровый», — конец XVII в. и последующие века. Ст.Хойнацкий³ главными задачами изучения эфиопского искусства считает запись, учет и описание икон, расстановку собранного материала в хронологическом порядке и поиск их иконографического происхождения, несколько отступая от наболевших вопросов периодизации и поиска истоков.

Что касается проблем методологии, отметим, что выделяются два основных подхода к исследованию эфиопской иконописи:

1. Искусствоведческий подход. Изучение какого-либо одного артефакта: одной миниатюры или группы миниатюр одного манускрипта, настенной живописи отдельной церкви или картины на дереве. Дается полное описание предмета, некоторое внимание уделяется стилистическим характеристикам, но главное — анализ темы, объяснение ее важности и роли, поиск иконографических истоков. «Микроистория» предмета: рассматриваются как литургический, так и культурный «бэкграунды» произведения.
2. Исторический подход. Хронологическое описание одной темы (диахрония и синхрония). Если возможно, определяется период, устанавливаются местный источник происхождения или, если речь идет о заимствовании, каков его источник, пути проникновения на эфиопскую землю и внедрения в эфиопскую культуру, поиск иностранной модели, которая явилась прототипом эфиопской. Такое описание включает все местные трансформации и варианты (иконографические изводы) исследуемого типа, особый упор делается на культурный и религиозный «бэкграунды». Такой подход включает в себя и иконографическое, и стилистическое изучение [3, p. 28–29]⁴.

³ Изучение эфиопского искусства, включая религиозную живопись, в западноевропейской традиции тесно связано с именем Станислава Хойнацкого. Основные подходы к проблеме предмета и метода эфиопского искусствоведения были сформулированы именно им. Наиболее полный и законченный вид его исследования приняли в книге “Major themes in Ethiopian painting. From the 13th to 19th century” [3].

⁴ Классическими образцами работ, построенных по второму варианту, являются штудии У.Моннере де Виларда в описании иконографии Марии Маджигоре, «Кверэтэ Рыису» (тип Иисуса Христа в терновом

Для поиска методологических подходов и интерпретационных моделей кажется целесообразным обратиться к отечественной искусствоведческой традиции. В ней при рассмотрении иконы выделяют два аспекта, вернее два угла зрения, под которыми можно рассматривать изображение. Первый заключается в анализе того, что представлено: кто написан, каков смысл представленного сюжета, его источник и роль в культуре, целевое предназначение. Это, собственно, иконографический подход в изучении произведения искусства. Второй — это то, почему картина или икона вызывают у нас чувство эстетического удовольствия: при таком подходе рассматриваются стилистические характеристики изображения, а не его содержание. Второй подход — стилистический — представляется более сложным для исследования, так как требует часто оценочных суждений, т.е. того, что в конечном итоге является арт-экспертизой. Для русского искусствоведения, испытавшего на себе мощное влияние православия и его догматов, икона есть святой образ, представленный на книжном листе, на доске или в виде изображения на стене. В более узком смысле понятие икона обозначает символическое изображение на дереве (диптих, триптих) или на холсте⁵. Эфиопские иконы восходят к итальянским либо к византийским прототипам, образцам. Одну конкретную икону следует рассматривать по схеме: иконографический тип (протограф) → модель для эфиопской картины (извод) ↔ эфиопская икона. Задача заключается в том, чтобы восстановить непосредственную связь с изводом, изобразительной версией оригинала. Однако зачастую именно эта задача вызывает сложности из-за отсутствия достаточного количества материала. Иногда легче установить протограф — образец, с которого выполнены списки (повторения иконы). По такой схеме попытаемся описать материал, собранный во время командировочной поездки в Эфиопию (7 февраля — 18 марта 2011 г.).

Одним из пунктов, где проводилась исследовательская работа, являлся город Звай (ገዢ ከተማ /zəway kätäma/) в трех часах езды на общественном автобусе (162 км) от Аддис-Абебы. Он расположен на берегу одноименного озера, благодаря которому и получил свое название. Озеро (ገዢ ሐይቅ /zəway hayq/) площадью 400 кв. м является самым большим из северной группы озер Великого разлома (Рифт-Валли). Наибольшая протяженность с севера на юг составляет 25 миль (40 км 225 м), с запада на восток — 15 миль (24 км 135 м). В озеро впадают две реки: Мэкки (ጠቂ /mäqi/) берет начало на землях гураге (ጉራጌ /gurage/) и несет свои воды на север, истоки реки Кэтар (ክጉር /kätar/) начинаются на землях Арусси (አርሲ /arsi/) к востоку от озера. Из озера Звай вы-

венце «Се человек») Энрико Черулли, работы самого Ст. Хойнацкого, посвященные иконографическим вариантам Богоматери, конным святым, избранным типам из жизни Христа. Работа, предпринятая Э. Хаммершмидтом при описании рукописей монастырей озера Тана, до сих пор служит отправной точкой для тех, кто занят исследованием какого-либо одного памятника.

⁵ Такому определению иконы отдают предпочтение европейские ученые. По разделам, приведенным в самом начале статьи: иконы, манускрипты, настенная роспись, — ведется научное описание изобразительной традиции эфиопского средневековья. Отечественное искусствоведение связано с именами Н. П. Кондакова (1844–1925) и В. Н. Лазарева (1897–1976), чьи работы охватывают огромный материал, как по географии икон, так и по датировке, материалу, стилистике. «Иконография Богоматери» Н. П. Кондакова (монография 1915 г., переиздание 1998 г.) до сих пор является хрестоматийной. К уровню анализа подобного масштаба эфиопскому искусствоведению еще долго нужно идти. Поэтому работы, как правило, узко ориентированы. Нельзя не согласиться со Ст. Хойнацким, что сбор и обработка материала, действительно, являются на данный момент первоочередными и предложенные им подходы будут способствовать более продуктивной работе. Однако данная статья в терминологическом плане следует русской традиции, принимая под иконой святой образ.

текает река Бульбула (**ቡልቡላ** /bulbula/), которая течет на юго-восток и впадает в озеро Абьята (**አብያታ** /abyata/).

На озере Звай находятся пять островов. Острова Гэлила (**ገሊላ** /gäliila/) и Дэбрэ Сина (**ደብረ ሰና** /däbrä sina/) на юго-западе озера во время правления императора Хайле Селасе принадлежали провинции Шоа (**ሻዋ** /šäwa/). На востоке — Дэбрэ Цион (**ደብረ ጽዮን** /däbrä şyon/, название на языке оромо **ቲሉጊዶ** /tullu gädo/), Абрахам (**አብርሐም** /abrəham/, второе название **ሀደጅ** /šädäčä/) и Гетесэmani (**ጌቴሰማኒ** /getesämani/, второе название **ፋንድሮ** /fundəro/) — относились к провинции Арусси (**አርሲ** /arsi/). В настоящее время все это регион Оромия. На каждом острове находится церковь, у которой имеется свой собственный праздник в году.

Гэлила — праздник св. Тэклэ Хайманота (**ተክለ አይማኖት** /täklä haymanot/), отмечается в месяце хыдар (**ህዳር** /hədar/), 24-го. По грегорианскому календарю третий месяц эфиопского календаря хыдар соответствует периоду 10 ноября — 9 декабря (11 ноября — 10 декабря в високосный год). Праздник выпадает, таким образом, на 3(4) декабря.

Дэбрэ Сина — праздник Сиона (досл. Хыдар Цион **ህዳር ጽዮን** /hədar şyon/) также выпадает на месяц хыдар, 21-го (30 ноября/1 декабря).

Дэбрэ Цион — праздник Явления Богородицы (**አስተርዕዮ-ማርያም** /astär`əye maryam/), месяц тырь (**ጥር** /tər/), 24-е. На наше летоисчисление — 1(2) февраля. Месяц тырь соответствует периоду 9 января — 7 февраля (10 января — 8 февраля в високосный год).

Абрахам — праздник Авраама (**አብራሃም** /abrəham/), месяц нэхасе (**ነሐሴ** /nähase/), 28 (3 сентября). Месяц нэхасе приходится на 7 августа—5 сентября, то же самое для високосного года.

Гетесэmani — праздник Четырех зверей Апокалипсиса (досл. Четыре зверя **አርባዕቱ እንስሳ** /arba`ətu ənsəsa/), месяц хыдар, 8-е (17/18 ноября) [4, p. 3].

Из всех пяти самым интересным в плане историко-культурного изучения является остров Дэбрэ Цион. Считается, что сюда в X в. н.э. был доставлен во время нашего существования легендарной царицы Юдифь (Гудит) табот (ковчег завета), главная святыня эфиопской Церкви⁶. Кроме этого, в монастыре св. Марии Сионской (**ደብረ:-ጽዮን:-ቅድስተ:-ማርያም** /däbrä şyon qədəstä maryam/) хранятся артефакты византийского и аксумского государств (кресты, рукописи). Монастырь основан во времена правления императора Зара Якоба (1434–1468) [4, p. 44]. Священники этого монастыря утверждают, что их собственный табот был принесен из Аксума⁷.

Народ, населяющий все эти острова, зовется зай (**ሀይ** /zay/), что согласно народной этимологии означает фразу **ዝ:-ዋይ!** /zə way/ (досл. «это вещь!», «вот это место!»). Язык, на котором говорит народ, **ሀይኛ** /zayña/, отличается от амхарского, но относится к эфиосемитским языкам, состоя в родстве с диалектом гураге, распространенным западнее озера. Есть заимствования из языка оромо, что объясняется близким соседством. По берегам озера живут оромо. Они называют островной народ лаки (**ላቂ** /laqi/).

⁶ Появление семитоговорящих христиан так далеко на юге на заре эфиопской культуры является темным моментом в научном изучении региона ввиду того, что никаких конкретных и достоверных сведений не сохранилось. К сожалению, исследования истории центральной и южной Эфиопии, как и исследования аксумского периода, страдают некоторой степенью вынужденной «надуманности», избытком предположений и догадок.

⁷ Сведения получены Полем Хенцем во время его полевой работы на островах в начале 1970-х гг., Тесфае Едетто в монографии, посвященной народу зай, также упоминает табот Иисуса (яз. геэз **ታቦተ:-ኢየሱስ** /tabotä iyäsus/) как древний священный артефакт, хранимый в монастыре [4, p. 3].

Все зай ортодоксальные христиане, в отличие от населения города, основной состав которого составляют оромо-мусульмане. В городе на побережье несколько мечетей, построенных относительно недавно — в последнее десятилетие. Наряду с этим есть и церкви. Однако люди, живущие на острове Дэбрэ Цион, очень гордятся тем фактом, что они христиане, постоянно это подчеркивая. Старая церковь разрушена. Новая была закончена при патриархе Павле с его благословения в месяце гынбот, 21-го, 86⁸, как сказано на каменной табличке, вмонтированной в стену церкви при входе. Внутри церковь расписана, причем живопись покрывает стены кругового в плане зала, где находятся прихожане. Алтарь отгорожен стеной с завесами. Роспись церкви выполнена не по штукатурке, как то делалось в храмах средневековой постройки, а на холстах, навешанных на стенах. Имя художника — Бырхане Мэскель Фыссыха из Аксума — написано на традиционном для настенных росписей образе Богородицы с младенцем возлюбленным. Моделью для эфиопской картины служила копия известной римской иконы Марии Маджоре, предположительно, попавшей в Эфиопию с иезуитами в 1624/25 гг. [5, S. 30]. Сюжету иконы соответствует литературный текст сборника ወዳሴ፡-ማርያም /wəddāse māryām/ «Похвала Марии»:

ደዌድስዋ፡-መላእክት፡-ለማርያም፡-በውስተ፡-ውሳኤ፡-መንጦላዕት...

«Восхваляют ангелы Марию во внутренних завесах».

Можно сказать, икона воспроизводит эпизод из текста. Данное сочинение является весьма распространенным в эфиопской литургической литературе, постоянно читается во время служб. Помимо типа Марии Маджоре в росписи присутствуют другие традиционные для эфиопской сакральной живописи типы: распятие Христа, Св. Георгий, убивающий дракона, Св. Тэклэ Хайманот, Троица, крещение, св. Арагави, св. Гэбрэ Мэнфэс Кыддус, архангелы. Св. Георгий представлен в типе Чудо Георгия о змие с изображением виритянки. Этот тип чрезвычайно распространен в Эфиопии. Наша картина следует его основным иконографическим особенностям: виритянка представлена на дереве между двумя ветками, держится за них обеими руками; дракон крылатый написан в профиль; двое слуг с левой стороны; Георгий на белом коне пронзает дракона копьем; левой рукой он держит повод. За ним следующим по ряду написан святой Тэклэ Хайманот⁹ в позе молящегося человека с воздетыми к небу руками на одной ноге. В правой руке — эфиопский крест. Все остальные типы, перечисленные выше, как и остальные события священной истории мира¹⁰, изложены в этой росписи согласно традиции. Однако внутреннее помещение церкви украшено католическими образами, точнее их репродукциями, выполненными уже местными художниками. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в других церквях региона Оромия (юго-восточная Эфиопии).

⁸ 29 мая 1994 г. Месяц гынбот (ግንቦት /gənbot/) соответствует 9 мая — 7 июня.

⁹ Св. Тэклэ Хайманот является основателем Дабра-Либаносской монашеской общины, которая, найдя в XVI в. общий язык с властью, заняла доминирующее положение среди эфиопских монастырей. Кроме того, согласно эфиопской традиции, Тэклэ Хайманот выступил активным сторонником восстановления на престоле династии Соломонидов в лице Йекуно Амляка (1270–1285), который, благодаря усилиям почитаемого святого, вступил на престол мирным путем. Династия Загве, управлявшая страной с момента падения Аксума, считается в эфиопской историографической традиции узурпаторской [6, с. 30–38].

¹⁰ Ева соблазняет Адама, изгнание из ада, прибытие Савской ко двору Соломона, Ноев ковчег, жертвоприношение Авраама, Благовест, Рождения Христа и др.

Почти все оромо региона Оромия приняли ислам. Несмотря на довольно ранние их контакты с исламизированным населением считается, что именно покорение этих земель имперской христианской Эфиопией (конец XIX в.) ускорило процесс исламизации оромо. Территории оромо-арси считались центром сопротивления военному и культурному влиянию христианской Эфиопии. Шоанские военные власти, дабы усмирить население этого региона, ввели наказание пленных оромо в виде отсечения конечностей. Город Аноле, расположенный недалеко от водохранилища Кока, был местом исполнения систематических наказаний. В 1992 г. Аноле стал местом паломничества тысяч оромо, что свидетельствует о важности произошедших столетие назад событий для народа оромо. Этот факт объясняет в принципе негативное отношение местного населения к амхарскому языку (район от Шашамене до города Робе).

Церковь в г. Робе расположена неподалеку от святых мест мусульман — Шейх Хусейна и пещеры Соф Умар¹¹. На территории церкви в г. Робе помимо здания восьмиугольной новой церкви находятся старая церковь и здание колокольни новой постройки. По периметру расположены небольшие домики — плетеные или каменные — иногда с небольшими верандами. На боковых стенах веранды можно видеть написанные святые образы¹²: образ Иисуса Христа и Богородицы, Распятия, выполненные краской европейского производства и в европейской стилистике. Иисус Христос представлен в виде пастыря, стучащегося в дверь. Такой же образ на холсте выставлен в церкви на озере Звай. Рядом с церковью традиционно выставлена икона на постаменте, прикрытая тканью, для молитв. В г. Робе такая икона не монофизитская, а католическая. На стене новой церкви наклеен плакат с изображением Богородицы и сына ее, опять же идентичный иконе в церкви народа Зай. На стене старой церкви — плакат с изображением церкви Кулуби Габриэль и архангела Гавриила, возвышающегося над тремя грешниками в огне.

Аналогичной территорией обладают и церкви в г. Аващ, Дыре-Дауа, Харар. Последние два города являются крупными экономическими и культурными центрами восточной Эфиопии.

Церковь в г. Харар (основана в 1890 г.) «Мэдхане Алем», что означает «Спаситель мира», расположена в центре старого окруженного стеной джеголя. На Стене всех Святых, по функции схожей с нашим иконостасом, можно видеть и католические образы, и православные (уже упомянутые типы Богородицы и Иисуса Христа).

В плане стилистики упомянутые церкви, конечно, представляют собой периферию эфиопского христианского мира, за исключением церкви на озере Звай, которое издавна считалось «убежищем» христианской веры.

Над иконами работают местные художники. Образы — традиционные для эфиопской иконописи. Выполнены в новом стиле, сформировавшемся на протяжении XX в. под влиянием европейских образцов живописи. Наличие плакатов с католическими образами — распространенное явление: ими активно украшают наружную сторону

¹¹ Такие церкви, часто с небольшими христианскими кладбищами, свидетельствуют о наличии действующих христианских общин. Дело в том, что в настоящее время в регионе Оромия проживают гураре и амхара, т. е. христиане. Амхара пришли на эти территории в период завоевания в конце XIX в. На протяжении XX в., особенно в 30-е гг., правительство Хайле Селассие I проводило политику переселения выходцев с севера в плодородные районы оромо-арси. В результате мы видим небольшие «островки» христиан, церкви и дома, соседствующие с хижинами мусульман оромо.

¹² Рядом на фасаде помещают надписи о том, кто умер и когда. За «домиками-склепами» расположено кладбище в виде каменных плит и надгробий с изображением крестов.

церквей. Сами католические иконы или их репродукции соседствуют с местными иконами на Стене всех Святых, которая отделяет алтарь от остальной части церкви, где положено находиться прихожанам. Нельзя не отметить тот факт, что уже вошедшие в эфиопскую культуру иностранные типы «кочуют» по стране, постепенно проникая в сакрализованное пространство церкви. Возможно, мы имеем дело с зарождением новой иконографической традиции. Она важна и в более широком контексте. С конца XX в. местные религиозные традиции и локальные цивилизационные характеристики оказывали влияние на мировое развитие, а потому история культурной адаптации христианства к эфиопским условиям может способствовать пониманию общих закономерностей в культурном взаимодействии духовных традиций Востока и Запада.

Литература

1. Чернецов С. Б. Эфиопские магические свитки (опыт филолого-этнографического исследования): дис. ... канд. ист. наук / Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л., 1974. 180 с. (Архив МАЭ РАН. К. 1 Оп. 1. № 830.)
2. Лазарев В. Н. Византийская живопись. М.: Наука, 1971. 408 с.
3. Chojnacki S. Major themes in Ethiopian painting. From the 13th to 19th century. Wiesbaden: F. Steiner Verlag GmbH, 1983. 565 p.
4. ተስፋዬ ኤደቶ. የዛይ ሕዝብ ታሪክ. አዲስ አበባ, ብርሃንና ሰላም ማተሚያ ድርጅት. 2000. (Tesfaye Edetto. YAZAY HEZB TARIK (In Amharic). Addis Abeba: Berhanna salam, 2008. 34 p.)
5. Fisseha G., Raunig W. Mensch und Geschichte in Äthiopiens Volksmalerei. Innsbruck: Pinguin-Verlag, 1985. 200 S.
6. Чернецов С. Б. Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 216 с.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на статью: Freitag U., Gershoni I. The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft*. Heft 3 Juli — September 2011. "Arab Encounters with Fascist Propaganda 1933–1945". 2011. 37 Jahrgang. S. 311–331.

Статья Ульрике Фрайтаг и Израэля Гершони «Необходимость исторического исследования арабского ответа на фашизм и нацизм», опубликованная в 2011 г., посвящена крайне важным вопросам осмысления прошлого в отношениях арабов и нацистских режимов Германии и Италии, а также деятельности нацистской пропаганды в регионе Ближнего Востока. Она имеет трехчастную структуру с введением.

Во введении обозначается основная проблематика, связанная с ролью пропаганды нацистов в ближневосточном регионе в период, предшествующий второй мировой войне. Во введении к статье определяются тематические блоки, освещению которых отводятся три части статьи. «Во-первых, — как указывают авторы рецензируемой статьи, — выносим на обсуждение политизацию исследований арабской реакции на нацизм и фашизм, и временную проекцию настоящего на прошлое. Во-вторых, статья рассматривает общественное восприятие тоталитарной пропаганды в контексте существования арабских обществ в колониальных и полуколониальных условиях 1930-х гг. и второй мировой войны. И наконец, в-третьих, в статье выверяются основные направления изучения арабо-нацистского взаимодействия, вариантов и возможностей их будущего исследования» [1, S. 312].

Первая часть статьи называется «История и политика сохранения памяти». В ней авторы обращают внимание на то, что в академических кругах после событий 11 сентября 2001 г. появилась тенденция связывать явление провозглашения джихада в его террористической форме с нацизмом и фашизмом. В частности, называется имя современного исследователя, Маттиаса Кюнцеля, который обосновывает в своих трудах линию преемственности между антисемитизмом «братьев-мусульман» на их ранних этапах формирования и антисемитизмом национал-социалистов, что, в конечном итоге, по мнению этого исследователя, привело к трагедии «11 сентября» [1, S. 313]. Авторы вступают в правую мерную, на наш взгляд, дискуссию, ставящую под сомнение такую точку зрения. Они совершенно справедливо утверждают, что идеологи этой организации как раз наоборот не принимали идей нацизма и выступали против расизма. Более того, нацистская идеология воспринималась ими скорее в виде новой формы колониализма, еще более безжалостной, чем французская или английская.

Еще одной ошибкой отдельных исследователей проблем взаимоотношений арабов и нацистов авторы статьи называют обобщение и перенос частных на всю ситуацию в целом. Сложно отрицать контакты таких крупных политических фигур, как муфтий Иерусалима ал-Хадж Амин ал-Хусайни, с нацистами. Однако вести речь о тенденции и широкомасштабных и регулярных встречах арабов, да еще и представляющих разные регионы арабского мира, с нацистами в принципе некорректно, в чем полностью можно согласиться с авторами статьи.

Вытекающий из рассмотрения указанной выше проблематики аспект сводится к установлению «контроля за исторической памятью внутри и за пределами Израиля и Палестины» [1, S.315]. Учебники для детей в Израиле сразу после его образования игнорировали или освещали исторические события в регионе без учета реалий, которые существовали там. Враждебность палестинцев объяснялась в них воздействием нацистской пропаганды [1, S.315]. Арабам инкриминировались также склонность и попадание под воздействие нацистской литературы, в частности изданного и поступавшего в продажу произведения А. Гитлера «Майн кампф».

Как отмечают авторы статьи, не менее серьезным упреком арабам в готовности ориентироваться на нацистские идеалы служили отрицание или недооценка арабскими представителями интеллектуальной элиты и политиками такого явления, как «холокост». В создании Израиля арабы усматривали политическую игру, проводившуюся колониальными силами за их счет.

Вторая часть статьи озаглавлена «Проблема исследования общественного мнения на арабском Ближнем Востоке в 1930–1940-е гг.» и начинается с утверждения, что «изучение вопроса о влиянии нацистской пропаганды на лидеров в арабских странах, на гражданское общество и общественное мнение сталкивается с рядом трудностей» [1, S.317]. Этот вопрос, безусловно, будет интерпретироваться различным образом применительно к разным странам. В Египте, как следует из ряда исследований, указанных в статье, «кризис либерализма» в его парламентской форме и возрождение наиболее архаичных форм ислама способствовали стремлению части офицерского состава установить контакты со странами Оси. Некоторое число гражданских политиков также видели возможность изменить ситуацию в своих странах через политическое сотрудничество с Германией. Похожее отношение, очевидно, складывалось и в некоторых странах Машрика. Из совокупности целого ряда исследований, на которые ссылаются авторы статьи, складывается впечатление, что нацистская пропаганда на Ближнем Востоке оказала мощное влияние на деятельность местных националистических организаций.

В рецензируемой статье отмечается появление новых работ по проблеме влияния Германии и Италии на идейную атмосферу в регионе. Они основаны на архивных материалах европейских и арабских стран, а также на изучении материалов прессы того периода. Среди тем, обсуждавшихся в тот период в арабских печатных средствах, можно найти такие, как формирование нации, положение национальных и религиозных меньшинств. Судя по количественным показателям арабской прессы, в ней много говорилось о демократии, парламентаризме, при этом фашизм отвергался [1, S.320]. Авторы останавливаются на описании целого слоя либеральной буржуазии западного образца, получившей соответствующее образование в Египте и других странах Машрика.

На фоне активизации этих групп интеллигенции, названных в статье «эффендия», пресса стала мощнейшим средством коммуникации. Надо отдать должное авторам, которые уделили в материале особое внимание массмедиа и привели имена авторов, работавших над изучением роли массмедиа в идейной атмосфере арабского мира в период до и после второй мировой войны. Это Элизабет Томпсон, Дагмар Глаб и др. Установленная странами-колонизаторами цензура играла роль оборонительного щита против деятельности немецкой пропаганды и не позволяла доводить излагаемые ею идеи до массовой арабской аудитории. Поэтому, вероятно, сложно признать справедливым мнение тех, кто говорит о широкой вовлеченности арабов в нацистскую сферу и проявившейся у них склонности к реализации фашистских идей на практике как следствия воздействия собственно арабской пронацистски настроенной прессы.

У.Фрайтаг и И.Гершони учитывают историю формирования и деятельность других средств массмедиа, выполнявших пропагандистские задачи, — радио и кинематографа. В статье приводятся сведения по истории радиослужб в Египте, выбранном как наиболее развитая и показательная страна с точки зрения концентрации населения на его общественности активного воздействия на его общественное мнение. Упоминается работа Дж.Херфа [2] — едва ли не самое серьезное исследова-

ние последних лет по нацистской пропаганде, направленной на Ближний Восток. Возможно, эта книга заслуживает более детального разбора авторами данной статьи, поскольку представляет собой комплексное, объемное и добротное сочинение, не лишенное, правда, некой тенденциозности.

Третья часть рецензируемой статьи озаглавлена «Проблема продолжения. Состояние изученности и будущие направления исследования». Судя по всему, авторская интерпретация тенденций в исследованиях находится в зависимости от определенных политических пристрастий, избежать которых крайне сложно. В статье в который раз поднимается вопрос об ал-Хадже Амине ал-Хусейни, поскольку его фигура и политические действия вызывали и продолжают вызывать неоднозначные оценки. Очевидно, это и побудило авторов на последних страницах собственного обзорного труда фактически обосновать необходимость взвешенной оценки его деятельности и лишить или, по крайней мере, минимизировать возможные спекуляции и научные неточности.

Неизбежным, исходя из характера материала и задач, которые ставили перед собой авторы рецензируемой статьи, является повторное обращение к организации «братьев-мусульман» и ее идеологам. Взгляды лидеров и духовных наставников этой организации претерпели серьезные изменения и, в конечном итоге, от умеренно-критической в отношении Израиля позиции перешли в разряд непримиримых. Если глава организации «братья-мусульмане» Хасан ал-Банна посредством своих выступлений в виде посланий «расаил» отстаивал антифашистские идеи и критически оценивал расизм, то его последователи, в частности Сейид Котб, уже в новых условиях высказывались непримиримо и жестко в отношении евреев и Израиля. Здесь опять упоминается Дж.Херф, который специально остановился в своей книге на труде этого идеолога «Наша борьба с евреями». В реферируемой статье высказано пожелание выяснить и более четко определить степень воздействия статей и выступлений Сейида Котба, направленных на радикализацию позиции неправительственных исламских сил относительно еврейского государства.

Среди исследователей, имена которых упоминаются в этой части статьи, — Литвак, Вебман, Франсис Никосия, Гудрун Крамер, Эдвард Саид, Гилберт Ачкар, Петер Вийн, Нир Ариелли, Анна Балдинетти. Ссылаясь на уже достаточно освещенные или хотя бы затронутые в их трудах вопросы, авторы статьи рассуждают о том, какие аспекты следовало бы изучить более детально, какие пересмотреть с тем, чтобы дать комплексную оценку всему характеру отношений арабского мира и нацистов Италии и Германии. Это, разумеется, важная и требующая привлечения значительной группы специалистов работа, заслуживающая всяческого поощрения.

Вместе с тем, из поля зрения авторов фактически выпал такой аспект, как история немецких колоний в Палестине. Еще перед первой мировой войной немецкие поселения, деятельность миссионерских и экономических организаций Германии охватывали своим влиянием весьма значительный слой палестинского арабского населения. При поселениях и в ряде городов создавались учебные заведения, оказывавшие, возможно, даже большее влияние, чем пропаганда посредством массмедиа. С учетом наибольшей активности, наблюдавшейся в начале века, можно говорить о том, что немецкое культурное влияние уже привлекло часть арабов к достижениям немецкого общества и тем самым создало предпосылки для дальнейших контактов и ориентации на Германию. Со временем это могло перерасти в более стойкую тенденцию. Кстати, немалую роль в приобщении арабов к восприятию немецких идейных ценностей сыграли и сами еврейские переселенцы из Германии. О взаимодействии немецких религиозных и образовательных организаций с арабами в Палестине существуют работы российских авторов, в частности Ю.М.Рудакова [3].

Еще одним замечанием к рецензируемой статье может быть следующее: когда речь идет о джихаде и его идеологической платформе, видимо, не следует ограничиваться только одним регионом, считая его наиболее показательным [4]. Проявления джихада на постсоветском пространстве, несмотря на причастность к нему и представителей арабского мира, чрезвычайно сложно объясняют-

ся следствием воздействия и отголосками деятельности нацистской пропаганды. Скорее всего, это реакция на противоречия в обществе фанатически настроенных индивидов, которые соединяли идейную платформу джихада с элементами местного национализма. Таким образом, можно предположить, что призывы к джихаду на Ближнем Востоке формируются, как правило, местными условиями и сложившимися в обществах противоречивыми идеологическими направлениями, которые не связаны непосредственно с деятельностью нацистской пропаганды.

Рецензируемая статья в значительной степени отражает тенденции и оценки западной науки такого явления, как нацистская пропаганда на Ближнем Востоке, она, безус-

ловно, будет интересна российским исследователям.

Литература

1. Freitag U., Gershoni I. The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. Heft 3 Juli — September 2011. "Arab Encounters with Fascist Propaganda 1933–1945". 2011. 37 Jahrgang. S. 311–331.
2. Herf J. Nazi Propaganda for the Arab World. London; New Haven: Yale Univ. Press, 2009. 335 p.
3. Рудаков Ю. М. Германия и арабский восток в конце XIX — начале XX века. М.: Академия гуманитарных исследований: Гуманитарий, 2006. 175 с.
4. Баконина М. С. Джихад: идеология и пропаганда. СПб.: Фак-т Журналистики С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. 204 с.

И. В. Герасимов

IN MEMORIAM

**ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
ЮРИЯ АШОТОВИЧА ПЕТРОСЯНА
(1930–2011)**

Все живое в природе носит в себе задатки смерти. Каждому человеку отмерены свои годы и версты. 10 декабря 2011 г. остановилось сердце Юрия Ашотовича Петросяна. Ушел из жизни выдающийся организатор отечественной науки, многолетний руководитель ведущего востоковедческого центра Ленинграда (Санкт-Петербурга), известный историк-османист. Это большая, невосполнимая утрата для нас. Горько сознавать, что не стало яркой и талантливой личности, благородного человека с тонкими манерами и обаятельной улыбкой.

Ю. А. Петросян прошел большой жизненный путь. Путь этот начался в Ростове-на-Дону. Юрий Ашотович родился 20 июля 1930 г. в интеллигентной армянской семье, жил в Ленинакане и Баку, где прошли его детство и школьная юность. Окончив среднюю школу с медалью, он поступил на Восточный факультет Ленинградского университета, выбрав областью своих специальных научных интересов историю Турции.

После окончания в 1952 г. Восточного факультета ЛГУ, а затем и аспирантуры этого факультета по кафедре истории стран Ближнего Востока, Ю. А. Петросян в 1956 г. с успехом защитил кандидатскую диссертацию, посвященную истории борьбы «новых османов» за конституцию 1876 г. в османской Турции. Вопрос о выборе места работы не стоял. Его учителя И. А. Орбели (1887–1961) и А. Н. Кононов (1906–1986) еще в годы учебы в университете заметили у подтянутого и всегда приветливого молодого Юрия Ашотовича счастливое соединение организаторского дарования и таланта ученого.

В конце 1956 г. в Ленинграде на базе Сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР было создано Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР (ЛО ИВ АН СССР; с 1991 г. — Санкт-Петербургский филиал ИВ АН; ныне — Институт восточных рукописей Российской Академии наук), директором которого стал Иосиф Абгарович Орбели. Юрий Ашотович был принят туда на работу как помощник директора. В 1963 г. Ю. А. Петросян стал директором (заведующим) ЛО ИВ АН, которым он руководил 33 года (до 1996 г.).

С его именем связано превращение молодого научного коллектива в крупнейший востоковедческий центр, широко известный во всем мире, превращение ЛО ИВ АН в кузницу высококвалифицированных кадров, в частности для союзных республик Средней Азии и Кавказа.

Ю. А. Петросян сам был человеком умным и окружил себя умными людьми. Мудрый и демократичный стиль руководства Юрия Ашотовича, умение соединять верность традиции с новшествами, принципиальность с гибкостью, идеал с реалиями жизни советского времени обеспечили сохранение традиции петербургской (ленинградской) школы академического востоковедения, умножение ее славы.

Свой наивысший подъем эта школа пережила именно в 1960–1980-е гг., в период руководства институтом Ю. А. Петросяном и его ближайшими соратниками. Это была эпоха, когда ежегодно издавались десятки книг, сотни статей и одновременно на повестку дня ставились новые важные научные задачи. В рамках нового направления шло издание текстов письменных памятников в серии «Памятники письменности Востока». По инициативе Ю. А. Петросяна в середине 1960-х гг. была создана серия «Культура Востока: материалы и исследования», в которой вышло более 40 книг. Ю. А. Петросяну принадлежит идея создания труда о роли рукописной книги в истории культуры народов Востока. И такой труд был создан усилиями сотрудников ЛО ИВ АН (он вышел в двух томах в издательстве «Наука» в 1987–1988 гг.). Этот исключительный по своей научной значимости труд, посвященный рукописной книге как явлению культуры, не имеет аналогов в мировом востоковедении.

В ЛО ИВ АН ежегодно проводилась Всесоюзная тюркологическая конференция, в работе которой принимали участие сотни тюркологов, как начинающих, так и знаменитых, со всего Союза ССР и зарубежных стран. По материалам конференции составлялся и ежегодно издавался «Тюркологический сборник», очень скоро завоевавший большую популярность в научном мире.

Авторитет Юрия Ашотовича Петросяна как руководителя был настолько высок, что коллектив всегда доверял тому, что он делал на своем посту. Хотя, безусловно, в институте были и лица, недолюбливавшие его.

Ю. А. Петросян не только руководил научным коллективом, но и сам упорно занимался исследовательским трудом. В 1970 г. он защитил докторскую диссертацию по истории младотурецкого движения. Впоследствии он стал профессором, академиком РАЕН, заслуженным деятелем науки России, кавалером орденов и многих медалей, автором более 200 опубликованных научных работ, в том числе 14 монографий. Ряд трудов Ю. А. Петросяна переведен на европейские и восточные языки. Работа с многочисленными учениками, собственные исследования, получившие признание в мировом сообществе востоковедов, труды его учеников — все это позволило Юрию Ашотовичу создать ленинградскую (санкт-петербургскую) школу новой истории Турции, а также школу османистики, которые дали высокие научные результаты.

Известно, что лицом научной организации являются не только научная потенция и личность его руководителя, но и здоровый нравственный климат, порядочность во взаимоотношениях между сотрудниками. Надо признать, что в годы руководства институтом Юрием Ашотовичем обстановка в коллективе и в этой сфере была на должной академической высоте.

Воспитанник воссозданного в конце войны Восточного факультета ЛГУ, Ю. А. Петросян никогда не терял связей с Alma Mater. Ученик академика И. А. Орбели, руководившего до конца жизни кафедрой истории стран Ближнего Востока, где была подготовлена и защищена первая его диссертация, Ю. А. Петросян многие годы сотрудничал с родным коллективом. Погрузившись в море забот по становлению ЛО ИВ АН, он продолжал уделять большое внимание формированию его кадров преимущественно из числа выпускников ленинградского Востфака.

Как один из основоположников нового направления в отечественной тюркологии, социально-политической истории Османской империи, Ю. А. Петросян внес весомый вклад в разработку соответствующих лекционных и специальных учебных курсов для студентов Восточного и Исторического факультетов ЛГУ (СПбГУ). Его лекции по историографии и новой истории Турции стали заметным явлением в университетской тюркологии и новистике. Совместно со своим коллегой и старшим товарищем по Восточному факультету А. Д. Желтяковым (1925–1989), впоследствии заведующим кафедрой истории стран Ближнего Востока, Ю. А. Петросян

подготовил и издал одну из первых своих крупных работ, монографию «История просвещения в Турции. Конец XVIII — начало XX в.» (М., 1965). В дальнейшем он уделял немало внимания вопросам эволюции культуры и образования, развитию общественно-политической мысли в османской Турции.

Продолжая сотрудничать с востоковедами ЛГУ (СПбГУ), Ю. А. Петросян много сделал для развития университетского востоковедения как за три десятилетия своего директорства в ЛО ИВ АН, так и позже, после 1996 г., работая в Президиуме СПб Научного центра и являясь заместителем его главы академика Ж. И. Алферова.

На протяжении ряда лет, вплоть до настигнувшей его тяжелой болезни, Ю. А. Петросян работал председателем ГАК Восточного факультета СПбГУ. Имевшие счастье участвовать с ним в обсуждении квалификационных работ выпускников Восточного факультета всегда отмечали чрезвычайно доброжелательный заинтересованный подход Ю. А. Петросяна к беседе с молодыми соискателями степеней бакалавра или магистра, безусловно, оставлявший неизгладимый отпечаток и в душе, и памяти новых поколений петербургских востоковедов.

Судьба Юрия Ашотовича сложилась счастливо. Конечно, в его жизни были не одни только восхождения и достижения, были неудачи и просчеты, безвременные тяжелые потери родных и близких ему людей. Был и период, когда его, физически крепкого зрелого мужчину, постигла кручина болезни, и наступили мрачные дни отчаяния, когда опускаются руки, теряется вера в победу. Именно в эти трудные месяцы в жизни Юрия Ашотовича рядом с ним оказалась волею судеб молодая сотрудница Тюрко-монгольского кабинета ЛО ИВ АН Ирина Евгеньевна Фадеева, человек доброй и отзывчивой души.

Характер — тоже род иммунитета. Сильный, волевой характер Юрия Ашотовича и постоянная, всемерная забота Ирины Евгеньевны о его здоровье сделали свое дело, и болезнь отступила. Прошло какое-то время, и И. Е. Фадеева стала супругой Ю. А. Петросяна. Жили они дружно. Юрий Ашотович едва ли не каждый рабочий день по несколько раз заходил в Тюрко-монгольский кабинет, чтобы увидеться, обмолвиться словечком с женой и, не чураясь никого, выказать ей тем самым свою глубокую привязанность публично, открыто. Поистине рыцарским отношением к своей супруге, своим достойным вящей похвалы поведением мужчины и мужа Юрий Ашотович возвышал Ирину Евгеньевну, потрясая сердца и умы друзей. Ирина Евгеньевна находилась рядом с Юрием Ашотовичем до последней минуты его жизни.

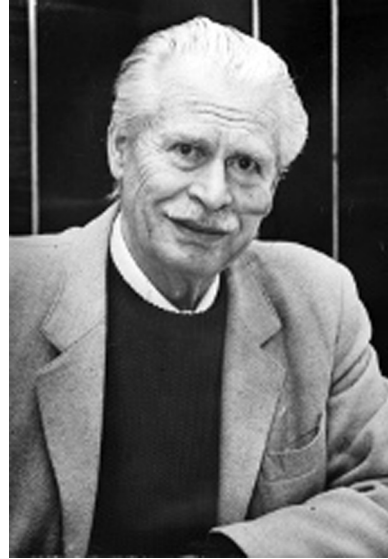
Прощайте, дорогой Юрий Ашотович. А Ты, Господи, упокой его душу, воздай ему *там* должное по всем его земным заслугам.

Сотрудники Восточного факультета СПбГУ

АКАДЕМИК М. Н. БОГОЛЮБОВ — УЧИТЕЛЬ, НАСТАВНИК, ДРУГ

Памяти нашего любимого учителя, декана Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, академика Михаила Николаевича Боголюбова

В 1950 г. я окончила Ленинградский (Санкт-Петербургский) университет, а с 1953 г. начала работать преподавателем арабского языка на кафедре арабской филологии. С 1960 г. вся моя трудовая деятельность была на Восточном факультете неразрывно связана с академиком М. Н. Боголюбовым, который в этом же году возглавил факультет. Преподавательская жизнь с этого времени на много десятилетий вперед (60 лет) проходила в тесном и очень доброжелательном общении с этим удивительным человеком. Так получалось, что по несколько летних месяцев в году по его поручению я выполняла обязанности декана факультета. Это позволяло мне тогда еще очень юной и неопытной лучше узнать жизнь такого важного учебно-педагогического и исследовательского учреждения, как Ленинградский университет. Еще со времен, когда Санкт-Петербург был столицей Российской империи, именно этому учебному заведению придавалось особое значение в подготовке и воспитании кадров ученых и педагогов для всей страны.



Тогда я переживала множество различных чувств, но, пожалуй, наиболее запомнившимися были гордость за оказанное мне доверие и ощущение огромной ответственности за большой коллектив, являвшийся частью моего любимого университета. Это понятно. Ведь прежде я как преподаватель арабского языка должна была нести ответственность за юных учеников, а теперь мне приходилось взаимодействовать с людьми, слава которых имела, можно сказать, планетарный масштаб, и уважение к которым проявлялось постоянно и на всех уровнях.

Это было настоящим уроком жизни, который преподавал мне дорогой и уважаемый декан М. Н. Боголюбов.

Вспоминаю я Михаила Николаевича Боголюбова и в те моменты жизни, когда он выполнял свои обязанности и не только как главы, начальника, но и, если так можно сказать, учителя. Здесь я вспоминаю заседания Ученого совета нашего факультета. С каким достоинством и как умело отвечал он на критические замечания, как тонко и точно выделял он главное, как умел доказать свою правоту.

Решать зачастую сложные и деликатные вопросы и проблемы приходилось ему не только в случаях научного спора, но и по поводам повседневной факультетской жизни студентов и преподавателей, и он всегда умело справлялся с ними. Вспоминаю проблему, которая возникла из-за того, что одна из сотрудниц кафедры арабской филологии решила поступить так, как она считала разумным и справедливым, пренебрегая указаниями декана Михаила Николаевича. Я вспоминаю этот случай, потому что он сыграл роковую роль в моей судьбе. Дело в том, что отказ от указаний руководителя факультета мог привести к неурядице в работе, а также нарушить порядок в жизни учреждения. Михаил Николаевич просто отстранил ее от занимаемой должности и распорядился поставить вместо нее автора этих строк. В результате для меня это

стало тяжелым испытанием, но вместе с этим научило многому, практически даже изменило мою судьбу. Теперь через много лет я понимаю, что иногда казалось бы очень тяжелые испытания могут приносить пользу.

Прекрасные воспоминания связаны у меня с поездкой к святым местам, в Палестину. Один из наших бывших студентов, родом из Израиля, решил отблагодарить своих преподавателей, Анну Аркадьевну Долинину и меня, поездкой на свою родину в Израиль. Я решила уступить свое место Михаилу Николаевичу, Анна Аркадьевна рассказала о ситуации этому студенту. Он ответил: «Никаких проблем, приглашаю всех троих». Таким образом, мы смогли посетить эти святыне для нас места. Михаил Николаевич, как известно, был прекрасно знаком с историей христианства, и именно благодаря той информации, которую мы получали от него, все исторические места как бы оживали.

Когда мне в качестве переводчицы с арабского пришлось сопровождать в Москве, Киеве, Санкт-Петербурге, Белоруссии и других памятных местах гостя нашей страны митрополита Судана и Уганды, за что я была вознаграждена благословением Патриарха всея Руси, Михаил Николаевич одобрил мои усилия как переводчицы, приложившей большие старания в работе с делегацией.

Позднее, в период «перестройки», в 1991 г. я оказалась среди научных сотрудников, преподавателей, профессоров многих научных учреждений всей страны, задачей которых было учреждение Академии наук России вместо Академии Наук СССР.

Таким образом, я была назначена от нашего факультета одной из представительниц для учреждения Российской Академии Наук. Именно в этот период я находилась в Москве. Я видела, как серьезно, с каким напряжением проходили заседания. Это было очень важное, даже великое событие — учреждение Российской Академии Наук. Михаил Николаевич был действительным членом Академии наук Советского Союза, а после преобразования ее в Академию наук России стал академиком.

Память о Михаиле Николаевиче Боголюбове всегда будет жить в моем сердце. И наша страна всегда будет помнить своего сына, величайшего ученого, и гордиться им.

О. Б. Фролова

АННОТАЦИИ

УДК 327

Alshinawi A. **Malta — Russia. On the Diplomacy of EU's Small States** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 3–9.

Динамика двусторонних связей между Мальтой и Россией в общем контексте политики государств Европейского Союза (ЕС), их согласованного курса внешней политики и безопасности представляет значительный интерес для изучения позиции «малых государств» ЕС в сфере политических и экономических отношений. На примере Мальты автор показывает, как политические силы стран ЕС, при всем разнообразии их идеологии, стремятся повлиять на позицию правительств в их подходе к отношениям с возрождающейся мировой державой в лице современной России.

Ключевые слова: Мальта и Россия, двусторонние связи, международные отношения, внешняя политика малых государств Евросоюза, геополитика, геоэкономика, международная безопасность.

УДК 94

Старовойтова Е. О. **1881–1905 годы в истории российско-китайских отношений** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 10–17.

Несмотря на кажущуюся всестороннюю изученность, российско-китайские отношения конца XIX — начала XX в. и на сегодняшний день представляют интерес для исследователей как в России, так и в КНР. После подписания Санкт-Петербургского договора 1881 г. фактически завершилось пограничное размежевание между двумя государствами. С этого времени отношения между сторонами характеризуются наличием обширной области соприкосновения стратегических и геополитических интересов. Происходит активное культурное взаимодействие между российским и китайским населением. Особенностью освещаемого периода является переменчивая и полная противоречий внешняя политика обеих сторон по отношению друг к другу. В 1905 г., после поражения России в русско-японской войне и подписания «Портсмутского мирного договора», были сведены на нет многие положительные достижения дипломатов России и Китая середины 90-х гг. XIX в.

Ключевые слова: Россия и Китай, история международных отношений, конец XIX — начало XX в., успехи и неудачи.

УДК 811.521

Кутафьева Н. В. **Составные глаголы с имплицитным значением количества в японском языке** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 18–27.

В статье рассматриваются возможные подходы к анализу составных глаголов японского языка, существующие в отечественной и зарубежной лингвистике. Дается обзор современной японской и американской литературы по данной теме. Проводится семантический анализ составных глаголов, основанный на гипотезе о том, что составные глаголы японского языка могут выражать значение количества нескольких семантических групп: реципрок-социатив; множество субъектов; множество реципиентов, вовлеченных в глагольное действие; множество неодушевленных предметов; избыточное количество людей и предметов; повторяемость глагольного действия; одновременное сосуществование множества людей и предметов.

Ключевые слова: составные глаголы, значение количества, японский язык.

УДК 811.512

Матушкина Н.А. К вопросу о категории номинализации действия в агглютинативных языках // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 28–33.

Предлагаемая статья представляет собой опыт анализа и описания сложившихся на данный момент в алтайском языкознании подходов к рассмотрению категории номинализации действия в агглютинативных языках (в частности тюркских и монгольских). В статье представлены описания традиционных классических точек зрения, рассматриваются более радикальные подходы, нашедшие свое отражение в работах новосибирских ученых во главе с М.И. Черемисиной, а также подход, основанный на теории вторичного гипостазирования (вторичной репрезентации), разработанной профессором В.Г. Гузевым.

Ключевые слова: агглютинативные языки, алтайские языки, тюркские языки, номинализация действия.

УДК 811.584.6'02(091)

Смирнова М.О. История формирования тибетской лингвистической традиции // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 34–41.

Статья посвящена описанию особенностей формирования и развития тибетской лингвистической традиции, начиная с периода появления письменности до XX в. Автор рассматривает вопросы происхождения тибетского письма, влияния индийской грамматической традиции на тибетское языкознание, описывает деятельность по переводу санскритских грамматических сочинений на тибетский язык, историю создания первых собственно тибетских грамматических сочинений и комментариев к ним.

Ключевые слова: история языкознания, тибетский язык, тибетская лингвистическая традиция.

УДК 811.512.142

Ульмезова Л.М. О термине «сослагательное наклонение» в тюркских языках (на примере карачаево-балкарского и турецкого языков) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 42–46.

Тюркские языки, как и многие другие языки мира, обладают сослагательным наклонением, как правило, не описывающимся в тюркских грамматиках. В предлагаемой статье подвергаются анализу факты главным образом карачаево-балкарского языка (с привлечением материала и турецкого языка), дающие основание для осмысления средств сослагательного наклонения.

Ключевые слова: языки мира, сослагательное наклонение, карачаево-балкарский язык, турецкий язык, грамматика, тюркские языки.

УДК 294.321

Алексеев К.В., Гроховский П.Л., Сизова А.А., Смирнова М.О., Туранская А.А., Ямпольская Н.В., Яхонтова Н.С. Типология и способы перевода буддийской терминологии (на материале интерактивной базы данных «Буддийская терминология монгольских переводных сочинений») // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 47–59.

В статье приводится анализ типологии и способов перевода буддийской терминологии, представленной в интерактивной базе данных «Буддийская терминология монгольских переводных сочинений». Эта база данных была создана авторами статьи на основе широкого круга средневековых монгольских и тибетских источников и призвана служить справочным пособием при работе с буддийскими переводными текстами.

Ключевые слова: тибето-монгольский буддизм, терминология, лексикология, теория и практика перевода.

УДК 947.081(571.6)+951.91.08

Врадий С.Ю. «Карта России (Агук Ёджидо)» — первое корейское описание Приморья. Часть 2 // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 60–67.

Обращаясь к редкой рукописи, которая представляет немалый интерес для изучения истории взаимоотношений России, Кореи и Китая во второй половине XIX столетия, истории появления корейской диаспоры в российском Приморье, автор дает оценку значимости источника, а также, анализируя работы южнокорейских исследователей, посвященные документу, рассматривает вопрос об авторстве и предположительном времени его составления. «Карта России» Агук Ёджидо 俄國輿地圖 — это первая попытка Кореи описать российское государство. В тексте карты имеются описания жизни и быта корейских поселенцев, на ней отображены военные объекты, приведены количественные характеристики охранных войск, оборонительные сооружения пограничных территорий России, Кореи и Китая.

Ключевые слова: российско-китайско-корейские отношения XIX в., карта России, корейцы на Дальнем Востоке России.

УДК 94

Илюшина М.Ю. «Божественные касыды...» султана аль-Гури // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 68–75.

В основу публикации положена рукопись “Poëmata Sultani Kânszuh el-Gauri” Cod. Arab. 280 из коллекции Королевской библиотеки в Копенгагене, которая содержит не получившие до сих пор освещения в отечественном источниковедении материалы. В названной рукописи собраны сорок два стихотворения предпоследнего правителя мамлюкской державы султана Кансуха аль-Гури (1501–1516) — редчайший образец поэтического творчества мамлюков. Исследование включает в себя описание манускрипта, перевод ряда фрагментов и анализ их содержания.

Ключевые слова: арабские рукописи, Кансух аль-Гури, мамлюки.

УДК 94

Мыльникова Ю.С. «Фунюй ши яньцзю»: историографический обзор жанра // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 76–84.

Изучение так называемой «женской истории» (*фунюй ши яньцзю*) на материковом Китае пережило два всплеска: один пришелся на первую половину XX в., второй, который продолжается и поныне, начался в 1980-е гг. В данной статье представлен историографический обзор наиболее авторитетных публикаций жанра *фунюй ши яньцзю* китайских материковых историков, а также гонконгских и тайваньских ученых. Учитывая то обстоятельство, что в отечественной синологии практически не представлены специальные исследования различных аспектов, связанных с социальным положением женщины в истории Китая, статья призвана хотя бы отчасти заполнить существующую лакуну.

Ключевые слова: фунюй ши яньцзю, изучение женской истории, Китай.

УДК 821.411.21

Тептюк П.С. Две рукописи макал ал-‘Аббаса (XVI век) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 85–89.

Статья посвящена исследованию двух рукописей, озаглавленных как «Макамы ал-‘Аббаса», написанных неким ал-‘Аббасом в XVI в. (В 66 в фонде ИВР РАН и N. F. 66 в фонде Австрийской национальной библиотеки). Рукопись В 66 в фонде ИВР РАН долгое время считалась уникальной. Исследование рукописи N. F. 66 показало, что Г. Флюгель в своем каталоге неверно приписывает ее Ибн Мâрий (XII в.), поскольку в тексте N. F. 66, как и в В 66, встречается упоминание Ибн Мухаммада ал-Қаввâса, жившего в XVI в. Тексты обеих рукописей полностью совпадают, за исключением малочисленных синонимических расхождений, никак не влияющих на смысл.

В статье указываются недочеты и ошибки, встречающиеся в описаниях данных рукописей в справочных изданиях, перечисляются издания, приписывающие рукопись N. F. 66 Ибн Мәрй, рассматриваются возможные причины подобной атрибуции.

Ключевые слова: ИВР РАН, рукопись, арабская литература, макамы, ал-‘Аббās, XVI век.

УДК 398.(21+22)+159.99

Завьялова О. Ю. **Этнопсихологические характеристики и система ценностей народов манден (анализ устной традиции)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 90–95.

Настоящая статья посвящена определению основных этнопсихологических характеристик и системы ценностей народов манден (бамана и манинка) на основе анализа сказочной и эпической традиций. Коллективистская направленность культуры манден, отраженная как в эпосе, так и в сказке, определяет высокую значимость славы в жизни человека, поведенческие константы, базирующиеся на поддержке и взаимности действий. Некоторые институты культуры, в частности устная традиция, определяют роль толерантности, нежелание менять устои, а также внешний локус-контроль.

Ключевые слова: устная традиция, этнопсихологические характеристики, ценностная ориентация, народы манден.

УДК 821

Ляхович А. В. **Поэзия как фактор политической жизни у хауса** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 96–101.

Статья посвящена особенностям современной хаусаязычной поэзии на политические темы. Такого рода литература обнаруживает преемственность по отношению к религиозной литературе, а также к песенному фольклору. Предметами подобных произведений становятся: хвалебное изображение фигуры харизматического лидера, сочетающего в себе героические черты и атрибуты благочестивого человека; уничижительное изображение противников, построенное также на клишированных представлениях и художественных образах, закрепленных в религиозной литературе и фольклоре.

Ключевые слова: хауса, поэзия.

УДК 94

Борисова А. А. **Японские традиционные искусства и действия измото в период Мэйдзи (1868–1912)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 102–107.

В статье рассматриваются положение некоторых школ традиционных искусств в период Мэйдзи, а также меры, предпринимавшиеся главами школ измото для того, чтобы восстановить интерес к японским традиционным искусствам и вернуть школам былые влияние и значимость.

Ключевые слова: японские традиционные искусства, измото, Мэйдзи, чайная церемония, икэбана, театр Но, театр Кабуки, боевые искусства.

УДК 003.332.5

Редькин О. И. **Арабская письменность: до или после ислама?** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 108–116.

Автор анализирует возможность существования письменной традиции в доисламской Аравии, равно как и степень распространения такого явления, социально-экономический и лингвистический контекст, предшествовавший формированию арабской письменной традиции. Рассматриваются типы материалов, используемых для письма.

Ключевые слова: письменность, Аравия, ислам, Коран, графика, торговля.

УДК 94

Рыбаков В. М. Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 2 // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 117–124.

В статье рассматриваются правовые нормы знаменитого танского уголовного кодекса «Тан люй шу и», посвященные покушениям на личность, совершавшимся специфическими методами. Эта специфика была связана с высшими на тот момент достижениями процесса познания и разработки немеханических методик воздействия в области химии, медицины, биохимии и магии. Анализ предписаний закона проводится в статье на широком культурологическом фоне.

Ключевые слова: традиционные общества, культура и уголовное право, покушения на личную, физическую и духовную безопасность.

УДК 75

Семенова В. Н. Эфиопская сакральная живопись второй половины XX века: возможные перспективы исследования // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 125–131.

Эфиопская сакральная живопись — часть эфиопского искусства, в котором обычно выделяются иконы, рукописные миниатюры, настенные росписи, а также магические свитки. В настоящей статье рассматриваются возможные пути исследования этой темы и приводятся варианты интерпретации сакральных живописных произведений на примере анализа росписи церкви Дэбрэ Цион, озеро Звай.

Ключевые слова: эфиопская сакральная живопись, икона, образ, иконография.

ABSTRACTS

Alshinawi A. **Malta — Russia. On the Diplomacy of the EU's Small States** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 3–9.

A pertinent question in the study of International Relations (IR) is 'how does the diplomacy of small states differ from other diplomacies.' Apparently for Malta, which tends, or rather constrained, to adopt a largely regional policy direction, geography puts Russia mostly outside the immediate points of reference and domain of interest. However, the dynamics of bilateral relations between Malta and Russia in the context of the agreed foreign policy of the European Union (EU) for security and defense, referred to as the Common Foreign and Security Policy (CFSP), represent an interesting case for the study of the position of 'Small States' in the international political economy. This article demonstrates that in Malta, the smallest country in the EU, the leading political parties, although somehow different in ideology and approach, are aware that the government cannot 'afford' to noticeably 'change' its vision, criteria and mechanisms for its bilateral relations with an re-emerging world power like Russia. The key argument of this article is that in any analysis of the range of issues surrounding diplomacy and foreign policy in the case of a country like Malta towards the Kremlin, geopolitics and geo-economics remain fundamental.

Keywords: Malta and Russia, bilateral relations, international relations, diplomacy of small states, foreign policy of the European Union, geopolitics and geo-economics, security.

Starovoytova E.O. **The 1881–1905 period in the history of Sino-Russian relations** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 10–17.

Although the history of diplomatic relations between Russian and Qing Empires in late 19th — early 20th centuries was studied quite well, there is still a huge interest for this period in the history of Sino-Russian relations among Russian and Chinese researchers.

After The Treaty of Saint Petersburg (1881) was signed the border between two Empires was finally set. Sino-Russian relations of this period are characterized by mutual Russia's and China's strategic and geopolitical interests. Also this period saw a very active cultural interaction between the people of two Empires. At the same time, the policy of both states towards each other during this period can be described as changeable and full of contradictions. In 1905, as a consequence of Russo-Japanese war, most of the positive achievements of Russian and Chinese diplomats of mid. 1890s were invalidated by the "Treaty of Portsmouth".

Keywords: Russia and China, history of international relations, late 19th — early 20th centuries, interaction, advantages and disadvantages.

Kutafyeva N.V. **Compound verbs with implicit meaning of quantity in the Japanese language** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 18–27.

In this article the various approaches to the study of compound verbs existing in Russian and foreign linguistics are described. The review of modern Japanese and American literature concerning this theme is given. The article carries out a semantic analysis of the meaning of compound verbs based on the hypothesis that the compound verbs of the Japanese language can express the meaning of some semantic groups, namely, reciprocal-associate meaning, the plural number of subjects, the plural number of recipients involved in verbal activity, the plural number of unanimated objects, excessive quantity of people and things, repeated verbal activity, simultaneous coexisting plurality of people and things.

Keywords: compound verbs, meaning of quantity, the Japanese language.

Matushkina N.A. **On the category of verbal nominalization in the agglutinative languages** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 28–33.

The article represents all reliable methods of Altaic linguistics for analyzing forms of verbal nominalization in the agglutinative languages (the Turkic and Mongolian languages in particular).

The article includes detailed analysis of classical points of view, which can be found in the works by such linguists as N. Kononov, E. Ubryatova and others. Besides it presents more innovative approaches such as of Novosibirsk school of scientists, headed by prof. M. Cheremisina and the one developed by prof. V. Guzev, whose approach is based on the theory of secondary representation.

Keywords: agglutinative languages, the Altaic languages, the Turkic languages, verbal nominalization.

Smirnova M.O. **History of the Tibetan linguistic tradition** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 34–41.

The article describes the origins and development of Tibetan linguistics from the introduction of writing system in Tibet to the 20th century. The article deals with the origin of the Tibetan writing system and important role of the Indian tradition in the establishment of Tibetan language studies. It also describes the period of translating activity in Tibet and the history of the first Tibetan grammatical treatises and their commentaries.

Keywords: the history of linguistics, the Tibetan language, the Tibetan linguistic tradition

Ulmezova L.M. **On subjunctive mood in the Turkic languages (on the example of the Karachay-Balkar and the Turkish languages)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 42–46.

The Turkic languages as many other world languages have the subjunctive mood, which, as a rule, is absent in Turkic grammars. This article examines the facts of the Karachay-Balkar language (based on the materials from the Turkish language), which provide grounds for comprehension of the means of expressing the subjunctive.

Keywords: the languages of the world, subjunctive, the Karachay-Balkar language, the Turkish language, grammar, the Turkic languages.

Alekseev K.V., Grokhovskii P.L., Sizova A.A., Smirnova M.O., Turanskaya A.A., Yampolskaya N.V., Yakhontova N.S. **Typology and Methods of Translating Buddhist Terminology (Using the Buddhist terminology of the Mongolian Translated Works Interactive Database)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 47–59.

The article analyses the typology and methods of translating Buddhist terminology presented in the Buddhist terminology of the Mongolian Translated Works Interactive Database. This Base was created by the authors of the article on the wide range of Mongolian and Tibetan medieval texts aiming to serve as a reference book for the scholars studying Buddhist translated works.

Keywords: Tibetan and Mongolian Buddhism, terminology, lexicology, theory and practice of translation.

Vrady S.Yu. **“The Map of Russia (Aguk Yeojido)” — the First Korean Description of Primorsky Region. Part 2** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 60–67.

This paper surveys a unique manuscript — “The Map of Russia”. The Map and accompanied description assumed to be one of the first important and rare documents written by Koreans about Russia. It is of considerable interest to those who study the 19th century history of interactions between Russia, Korea and China, the history of Korean community in the Primorsky region of Russia. The Map provides description of the disposition of military fortifications, it describes also the border line, the Korean settlements in Primorsky Russia, quantity of Koreans living within the territory. The author discusses the problem of the document’s authorship, the probable time of its writing, and evaluates the significance of the manuscript.

Keywords: 19th century Russia—China—Korea relations, the Map of Russia, Korean migration to the Russian Far East.

Ilyushina M. Yu. **"The Divine Qasidas..." by Sultan al-Ghuri** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 68–75.

The paper is based on a manuscript from the Royal Library in Copenhagen ("Poëmata Sultani Kânsuh el-Gauri" Cod. Arab. 280). It contains materials that haven't been considered in Russian historiography. Forty two poems by a penultimate mamluk sultan al-Ghuri are presented in the manuscript. This is a very rare example of mamluk poetry. The research includes description of the manuscript, translation of some fragments and analyse of their content.

Keywords: Arabic manuscripts, Qansuh al-Ghuri, mamluks.

Mylnikova Yu. S. **Historiographical survey of "funü shi yanjiu"** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 76–84.

The studies on "women's history" ("funü shi yanjiu") in China are characterized by two periods: the first one lasted during the first half of the 20th century, the second one started in 1980s and still goes on. This article contains a complex historiographical survey of the most important publications on "women's history" compiled by China mainland, Hong-Kong and Taiwan historians.

Keywords: funü shi yanjiu, women's history, China.

Teptyuk P. S. **Two manuscripts of the maqāmāt of al-'Abbās (16th century)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 85–89.

This article is devoted to the research of two manuscripts entitled as "Maqāmāt al-'Abbās" written by an unknown author al-'Abbās in the 16th century (B 66 at Saint-Petersburg Institute of Oriental Manuscripts of The Russian Academy of Sciences and N. F. 66 at Austrian National Library). For a long time manuscript B 66 was considered a unique. Recent research showed that G. Flügel wrongly attributes N. F. 66 at his catalogue to Ibn Mārī (12th century). The text of N. F. 66 as well as B 66 includes a reference of Muḥammad al-Qawwās, who lived in the 16th century. The text of both manuscripts B 66 and N. F. 66 is identical with the exception of occasional synonymous variant readings, which does not affect the meaning. The article lists several fundamental works, which attribute N. F. 66 to Ibn Mārī as well, and possible reasons for this attribution.

Keywords: Saint-Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, manuscript, Arabic literature, maqāmāt, al-'Abbās, 16th century.

Zavyalova O. Yu. **Ethno-psychological characteristics and values of the Manden peoples (an analysis of oral tradition)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 90–95.

This article is devoted to identifying the main ethno-psychological characteristics and the system of values of the Manden people (Bamana and Maninka) based on the analysis of the fable and epic tradition. The collectivist orientation of the Manden culture, reflected in the epic as well as in fairy tales, determines the importance of glory in human life and behavioral constants that are based on mutual support and mutual activities. Some cultural institutions, in particular the oral tradition, give high priority to tolerance, reluctance to change the major principles and foundations, as well as external locus of control.

Keywords: oral tradition, ethno-psychological characteristics, value orientation, Manden (Manding) people.

Lyakhovich A. V. **Hausa poetry as a form of political communication** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 96–101.

The article concerns the peculiarities of modern Hausa poetry on political issues. This kind of literature arose from religious poetry, as well as folk songs. The majority of modern political poems constitute: a praise image of a charismatic leader, combining heroic traits and attributes of a pious man; ridicule of opponents, built also on typical patterns and creative images drawn both from religious poetry and oral literature.

Keywords: Hausa, poetry.

Borisova A.A. Japanese traditional arts and the iemoto's actions during Meiji period (1868–1912) // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 102–107.

The article briefly describes some traditional Japanese arts during the Meiji period (1868–1912) along with the actions taken by the heads of the schools i.e. iemoto in order to restore interest in traditional arts and return former authority and significance to their schools.

Keywords: Japanese traditional arts, iemoto, Meiji, tea ceremony, ikebana, Noh theatre, Kabuki theatre, martial arts.

Redkin O.I. The Arabic script: before or after Islam? // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 108–116.

The article considers the possibility of the existence of written tradition in the pre-Islamic Arabia, as well as the possible extent of its distribution, socio-economic and linguistic context before the formation of the Arabic tradition of writing. The article also deals with the types of materials used for writing.

Keywords: writing, Arabia, Islam, Quran, graphics, trade.

Rybakov V.M. The T'ang criminal law about prosecution of noncontact attempts on the person. Part 2 // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 117–124.

The article analyzes legal norms of the famous T'ang dynasty criminal Code “T'ang lü shu yi”, dedicated to attempts on the person carried out by specific methods. This specific character was connected with the achievements in unmechanical techniques that were developed in the field of chemistry, medicine, biochemistry and magic.

Keywords: traditional societies, criminal law and culture, personal physical and psychological security.

Semenova V.N. Ethiopian religious art of the second part of the 20th century: some aspects of methodology // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 2. P. 125–131.

Ethiopian religious art as a part of Ethiopian art comprises icons, miniature, wall-painting and magic scrolls. This article reveals possible methods to study them on the bases of interpretation of sacral paintings of Debre Sion church (the lake Zway, south-eastern Ethiopia).

Keywords: Ethiopian religious art, icon, image, iconography.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Alshinawi Arsalan, Dr., Department of International Relations, University of Malta; e-mail: arsalan.alshinawi@um.edu.mt

Алексеев Кирилл Всеволодович, старший преподаватель кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: kvalexeev@gmail.com

Борисова Анастасия Анатольевна, ассистент кафедры японоведения Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: mtgirl@mail.ru

Врадий Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, заместитель директора, доцент Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; e-mail: vradis@yandex.ru

Герасимов Игорь Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: igorfarouh@yandex.ru

Гроховский Павел Леонович, кандидат филологических наук, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: plgr@mail.ru

Завьялова Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры африканистики Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: jontan@mail.ru

Илюшина Милана Юрьевна, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: aspirant_vf@mail.ru

Кутафьева Наталия Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета; e-mail: natasha7362@mail.ru

Ляхович Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры африканистики восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: anastasia_07007@mail.ru

Матушкина Наталья Александровна, аспирант кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: mblxa@inbox.ru

Мыльникова Юлия Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: mylnikova_yulia@hotmail.com

Редькин Олег Иванович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой арабской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: oleg_redkin@mail.ru

Рыбаков Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН; e-mail: ouyangtsev@mail.ru

Семенова Валерия Николаевна, аспирант Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, ассистент кафедры африканистики восточного факультета Санкт-

Петербургского государственного университета, старший лаборант Отдела этнографии Африки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); e-mail: ekler1984@mail.ru

Сизова Алла Алексеевна, аспирант Института восточных рукописей Российской академии наук, старший лаборант отдела рукописей и документов Института восточных рукописей Российской академии наук; e-mail: userfriendly@yandex.ru

Смирнова Мария Олеговна, соискатель кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, ассистент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: 2321781@mail.ru

Старовойтова Елена Олеговна, аспирант кафедры Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: e.o.starovoytova@mail.ru

Тептюк Павел Сергеевич, аспирант Института восточных рукописей Российской академии наук, Сектор Ближнего и Среднего Востока; e-mail: sunhealth@yandex.ru

Туранская Анна Александровна, соискатель кафедры китайской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: turanskaya@mail.ru

Ульмезова Лейля Мурадиновна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: leylaulmezova@mail.ru

Фролова Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры Древнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: igorfarouh@yandex.ru

Ямпольская Наталия Васильевна, аспирант Бернского университета (Швейцария); e-mail: natalia.yampolskaya@relwi.unibe.ch

Яхонтова Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук; e-mail: nyakhontova@mail.ru

CONTENTS

Russia and the East

<i>Alshinawi A.</i> Malta — Russia. On the Diplomacy of EU's Small States	3
<i>Starovoytova E. O.</i> The 1881–1905 period in the history of Sino-Russian relations	10

Linguistics

<i>Kutafyeva N. V.</i> Compound verbs with implicit meaning of quantity in the Japanese language	18
<i>Matushkina N. A.</i> On the category of verbal nominalization in the agglutinative languages	28
<i>Smirnova M. O.</i> History of the Tibetan linguistic tradition	34
<i>Ulmezova L. M.</i> On subjunctive mood in the Turkic languages (on the example of the Karachay-Balkar and the Turkish languages)	42

History and Source Studies

<i>Alekseev K. V., Grokhovskii P. L., Sizova A. A., Smirnova M. O., Turanskaya A. A., Yampolskaya N. V., Yakhontova N. S.</i> Typology and Methods of Translating Buddhist Terminology (Using the Buddhist terminology of the Mongolian Translated Works Interactive Database)	47
<i>Vradiy S. Yu.</i> “The Map of Russia (Aguk Yeojido)” — the First Korean Description of Primorsky Region. Part 2	60
<i>Ilyushina M. Yu.</i> “The Divine Qasidas...” by Sultan al-Ghuri	68
<i>Mylnikova Yu. S.</i> Historiographical survey of “funü shi yanjiu”	76
<i>Teptyuk P. S.</i> Two manuscripts of a maqāmāt by al-‘Abbās (16 th century)	85

Literary Studies

<i>Zavyalova O. Yu.</i> Ethno-psychological characteristics and values of the Manden peoples (an analysis of oral tradition)	90
<i>Lyakhovich A. V.</i> Hausa poetry as a form of political communication	96

Geocultural Spaces and Codes of the Cultures of Asia and Africa

<i>Borisova A. A.</i> Japanese traditional arts and the iemoto's actions during Meiji period (1868–1912)	102
<i>Redkin O. I.</i> The Arabic script: before or after Islam?	108
<i>Rybakov V. M.</i> The T'ang criminal law about prosecution of noncontact attempts on the person. Part 2	117
<i>Semenova V. N.</i> Ethiopian religious art of the second part of the 20 th century: some aspects of methodology	125

Reviews

<i>Gerasimov I. V.</i> Review of the article by Ulrike Freitag and Israel Gershoni “The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism” // <i>Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft</i> . 37. Jahrgang / Heft 3 Juli-September 2011. “Arab Encounters with Fascist Propaganda 1933–1945”. S. 311–331	132
--	-----

In Memoriam

In memoriam of Professor Yu. A. Petrosyan (1930–2011)	136
Academician M. N. Bogolyubov — teacher and friend	139

Abstracts	146
------------------------	-----

Authors	150
----------------------	-----